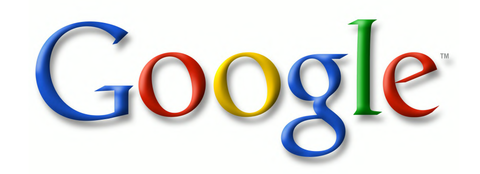

РАЗНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

КНЯЗЯ

М. М. Щербатова.

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1860.

РАЗНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

КНЯЗЯ

М. М. Щербатова.

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1860.

Изъ I-й книги «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1860 года.»

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Февраля 27 дня, 1860 года.

Ценсоръ А. Драшусовъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая въ свѣтъ предлагаемыя тутъ десять разныхъ сочиненій извѣстнаго нашего историка прошлаго вѣка и неутомимаго писателя, князя М. М. Щербатова, считаю нужнымъ сказать, что они найдены лѣтомъ 1855 года въ числѣ бумагъ его, уже полуистлѣвшихъ и Богъ вѣсть какъ уцѣлѣвшихъ въ подвалѣ отъ богатой библіотеки князя (15,000 книгъ), сгорѣвшей въ 1812-мъ г., принадлежащихъ внукамъ его, княжнѣ Елисаветѣ Дмитріевнѣ Щербатовой и княгинѣ Н. Д. Шаховской, покойнымъ М. П. Заблоцкимъ и списаны всѣ имъ самимъ съ дипломатическою точностью. Изъ нихъ сдѣланы нѣкоторыя извлеченія еще списавшимъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, именно: изъ «Статистики въ разсужденіи Россіи» въ кн. 3-ей 1858 г. Отечественныхъ Записокъ; нѣсколько мелкихъ замѣтокъ въ 1—2 томахъ Библіографическихъ Записокъ 1858—1859 г.; небольшой отрывокъ изъ «Разсужденія о нынѣшнемъ, въ 1787 году почти повсемѣстномъ, голодѣ въ Россіи,» и т. д., въ С.Петербургскихъ Вѣдомостяхъ; почти вся статья, подъ заглавіемъ: «Состояніе Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба, въ началѣ 1788 года, при началѣ Турецкой войны,» въ XII-ой кн. Отечественныхъ Записокъ 1859 г., съ

РАЗСМОТРѢНІЕ
О
ПОРОКАХЪ И САМОВЛАСТІИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Бесѣда.

Сплетать хвалы своимъ Государямъ несть дѣло охулительное, лише бы оныя были основаны на истиннѣ, и искреннее бы усердіе, а не лесть и похлѣбство перо писателя и пѣснь пѣвца направляли; ибо часто хвала добродѣтели толико же имѣетъ силы надъ благорожденными душами, какъ и самое охуленіе противныхъ пороковъ. Два чювствія найболѣе дѣйствуютъ въ человѣкѣ, любовь и ненависть: то чего ради не возбудить первое изъ сихъ хвалою тѣхъ добродѣтелей, каковыя Монархъ въ сердцѣ своемъ ощущаетъ? Естественно есть, кто возлюбитъ единое, тотъ противное возненавидитъ; слѣдственно, справедливая похвала утверждаетъ и вкореняетъ въ сердцахъ живущихъ Государей обрѣтающіися добродѣтели, а тѣмъ самымъ истребляетъ противные пороки.

Правда, что добродѣтель сама съ собою несетъ свою награду, а потому хвалы иль воздаяніи ей кажутся ненужны. Но войдемъ мы въ слабость человѣческую: сіи властители народовъ, сѣдящіи на престолахъ, силою, властію, почтеніемъ, повиновеніемъ, пышностію

РАЗНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

КНЯЗЯ

М. М. Щербатова.

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1860.

Изъ I-й книги «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1860 года.»

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Февраля 27 дня, 1860 года.

Цензоръ А. Драшусовъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая въ свѣтъ предлагаемыя тутъ десять разныхъ сочиненій извѣстнаго нашего историка прошлаго вѣка и неутомимаго писателя, князя М. М. Щербатова, считаю нужнымъ сказать, что они найдены лѣтомъ 1855 года въ числѣ бумагъ его, уже полуистлѣвшихъ и Богъ вѣсть какъ уцѣлѣвшихъ въ подвалѣ отъ богатой библіотеки князя (15,000 книгъ), сгорѣвшей въ 1812-мъ г., принадлежащихъ внукамъ его, княжнѣ Елисаветѣ Дмитріевнѣ Щербатовой и княгинѣ Н. Д. Шаховской, покойнымъ М. П. Заблоцкимъ и списаны всѣ имъ самимъ съ дипломатическою точностью. Изъ нихъ сдѣланы нѣкоторыя извлеченія еще списавшимъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, именно: изъ «Статистики въ разсужденіи Россіи» въ кн. 3-ей 1858 г. Отечественныхъ Записокъ; нѣсколько мелкихъ замѣтокъ въ 1—2 томахъ Библіографическихъ Записокъ 1858—1859 г.; небольшой отрывокъ изъ «Разсужденія о нынѣшнемъ, въ 1787 году почти повсемѣстномъ, голодѣ въ Россіи,» и т. д., въ С.Петербургскихъ Вѣдомостяхъ; почти вся статья, подъ заглавіемъ: «Состояніе Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба, въ началѣ 1788 года, при началѣ Турецкой войны,» въ XII-ой кн. Отечественныхъ Записокъ 1859 г., съ

разными, тамъ и сямъ, обыкновенными вставочными, связующими предыдущее съ послѣдующимъ, выносками отъ лица того же М. П. Заблоцкаго, котораго это извлеченіе было послѣднимъ трудомъ, такъ какъ онъ, по словамъ С. Дудышкина (см. Предисловіе его къ этой статьѣ тамъ же), умеръ 21-го сентября, 1858 г; нѣсколько значительныхъ извлеченій изъ этѣхъ же самыхъ двухъ статей и третьей: «Размышленіе о ущербѣ торговли, происходящемъ выхожденіемъ великаго числа купцовъ во дворяне и офицеры,» сдѣланныхъ М. П. Щепкинымъ въ статьяхъ его: «Экономическія понятія въ Россіи въ концѣ XVIII вѣка», помѣщенныхъ въ №№ 142, 143, 154, 172 и 177 Московскихъ Вѣдомостей 1859 года; изъ сочиненія: «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», С. В. Ешевскимъ въ 3-й кн. Атенея 1858 г. Подлинникъ переданъ для храненія въ С. Петербургскую Академію Наукъ, такъ какъ полное изданіе его пока невозможно. Вполнѣ напечатаны: «Статистика въ разсужденіи Россіи», съ предисловіемъ М. П. Заблоцкаго, отъ 15-го февраля, 1855 г., въ 3-ей книгѣ Чтеній въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ 1859 года; «Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра Великаго» въ № 12-мъ Библіографическихъ Записокъ 1859 г.; «Отвѣтъ гражданина на рѣчь, говоренную Оберъ-Прокуроромъ Сената Неклюдовымъ по причинѣ торжества Шведскаго мира 1790 года, Сентября 5-го числа (незадолго до смерти сочинителя, 12-го декабря того же года случившейся), и «Оправданіе моихъ мыслей и часто съ излишнею смѣлостію изглаголанныхъ словъ», въ № 13-мъ тѣхъ же Библіограф. Записокъ. Заблоцкій намѣревался самъ издать всѣ открытыя имъ сочиненія князя Щербатова; по смерти его списки, сдѣланные имъ съ оныхъ, доставлены были въ редакцію Библіографическихъ Записокъ, а послѣ сообщены въ Общество исторіи и древностей Россійскихъ М. П. Щепкинымъ, при особой запискѣ, въ которой поименованы препровождаемыя статьи,

для напечатанія, по усмотрѣнію Общества (см. Протоколъ Общества 13-го Іюня, 1859 г., кн. 3, ст. 13, стр. 124), что симъ съ особеннымъ удовольствіемъ и исполняется. Остальныя три сочиненія: «Примѣчанія вѣрнаго сына отечества на Дворянскія права, на Манифестъ, 21-го Апрѣля, 1785 г.; «Оправданіе моихъ мыслей и часто съ излишнею смѣлостію изглаголанныхъ словъ,» и «Отвѣтъ гражданина на рѣчь, говоренную Оберъ-Прокуроромъ Сената Неклюдовымъ, по причинѣ торжества Шведскаго мира 1790 г., Сентября 5-го числа,» тоже явятся въ скоромъ времени въ нашихъ Чтеніяхъ. Остается только отданное на храненіе Академіи; но: «Все идетъ въ свой чередъ; а по людямъ пойдетъ, и до насъ дойдетъ.»

О. Бодянскій.

Февраля 20, 1860.

Москва.

РАЗСМОТРѢНІЕ

О

ПОРОКАХЪ И САМОВЛАСТІИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Бесѣда.

Соплетать хвалы своимъ Государямъ несть дѣло охулительное, лише бы оныя были основаны на истиннѣ, и искреннее бы усердіе, а не лесть и похлѣбство перо писателя и пѣснь пѣвца направляли; ибо часто хвала добродѣтели толико же имѣетъ силы надъ благорожденными душами, какъ и самое охуленіе противныхъ пороковъ. Два чювствія найболѣе дѣйствуютъ въ человѣкѣ, любовь и ненависть: то чего ради не возбудить первое изъ сихъ хвалою тѣхъ добродѣтелей, каковыя Монархъ въ сердцѣ своемъ ощущаетъ? Естественно есть, кто возлюбитъ единое, тотъ противное возненавидитъ: слѣдственно, справедливая похвала утверждаетъ и вкореняетъ въ сердцахъ живущихъ Государей обрѣтающіися добродѣтели, а тѣмъ самымъ истребляетъ противные пороки.

Правда, что добродѣтель сама съ собою несетъ свою награду, а потому хвалы иль воздаяніи ей кажутся ненужны. Но войдемъ мы въ слабость человѣческую: сіи властители народовъ, сѣдящіи на престолахъ, силою, властію, почтеніемъ, повиновеніемъ, пышностію

и славою окруженные, суть тѣ же человѣки, равные въ нихъ находятся страсти и слабости, какъ и въ другихъ, естли и не болѣе, по мѣрѣ могущества удовольствовать оныя; то снизойдемъ ко онымъ, и да будутъ внушать благіе Цари хвалы, отъ истинны происходящія, хвалы, коихъ само сердце ихъ истинну ощущаетъ.

Не токмо живые таковымъ образомъ должны быть похвалены, но да воздастся долгъ нашей благодарности и умершимъ, за оказанные ими благодѣяніи; ибо въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ мы воздадимъ тѣмъ, кои ничего уже отъ насъ не требуютъ, какъ торжественнымъ изъявленіемъ нашея благодарности и проповѣданіемъ ихъ добродѣтелей? Не токмо сіе есть нужно, но и полезно, яко есть исполненіе и всякой должности; ибо потомство и наслѣдники ихъ, вкушая хвалы ихъ предковъ, къ тѣмъ же добродѣтелямъ побуждаются и той же славы достойными себя учинить тщатся. Титусъ, Траянъ и Маркъ Аврелій, коихъ имена въ вѣчную память и въ подражаніе Монархамъ преданы, уповаю, болѣе произвели мудрыхъ и милосердыхъ Монарховъ, нежели всѣ даваемые наставленіи разными мудрецами. Александръ плачетъ о великихъ побѣдахъ отца своего, Филиппа; Цесарь, читая житіе Александрово, къ славѣ побуждается, и Елисавета Титу подражаетъ. *

Таковыя суть дѣйствія истинныхъ похвалъ; воззримъ теперь, чтó льстивыя производятъ. Лесть, вышедшая изъ ада, скрывая маскою добродѣтели мерзкое свое лице, оного есть начальница. Не взираетъ она въ похвалахъ своихъ на истинну, ни на прямую добродѣтель, но по страстямъ и по низости изъ пороковъ добродѣтели составляетъ: хвалитъ слабость, называя ее милосердіемъ; жестокость называетъ нужною строгостію; захватчивость надъ своими сосѣдьми, опустошающую страны и губящую напрасно людей, ироиствомъ; лицемѣрство и притворность мудростію, и прочее. Она не стыдится, льстя Царей, Богу ихъ уподоблять, и должный фиміамъ единому вышнему Существу, предъ ними возжигаетъ. Несть, не добродѣтель, ни признаніе къ сему ее побуждаютъ, но подлость и собственные какіе виды. Она предъ Калигулой и Домиціаномъ воску-

---

* При коронаціи Императрицы Елисаветы Петровны была представлена опера: «Милосердіе Титово.»

Примѣчаніе сочинителя.

рила жертвы на олтаряхъ, и подлыми своими хвалами истребила послѣдніе остатки добродѣтели въ сердцахъ ихъ. Вредоносные свои поступки и донынѣ продолжаетъ: восхваляетъ Царскіе пороки, преобращая ихъ въ добродѣтели, самихъ ихъ заставляетъ думать, яко бы они ихъ имѣли. Поля Соединенныхъ Провинцій, поля части Германіи, поля Фландріи и части Франціи, вы свидѣтели, колико таковые несправедливые хвалы привели въ надменность духъ Людвика XIV-го, и коликой кровію оная бразды ваши оросила. Полвѣку ужъ протекло, какъ кровавыя сіи войны кипѣли, а еще Франція чювствуетъ вредные плоды тщетною славою прельстившагося своего Короля. Естли мы разсмотримъ слабости человѣческія, то не удивимся, како такими несправедливыми хвалами могутъ Цари земные прельщаться. Естественно есть человѣку имѣть болѣе мысли о себѣ, нежели чего, можетъ быть, онъ стоитъ; сіе, кажется, есть знакъ великаго начала нашея души, но начала, поврежденнаго страстьми; а потому обольщая самолюбіе, легко подадутъ льстецы причину любящему хвалу владыкѣ мнить, что онъ есть таковъ, каковымъ они его ему самому, внутренно смѣяся, для пользы своей представляютъ. Неронъ мнилъ быть искуснѣе въ стихотворствѣ Омира, и въ томъ увѣренія отъ многихъ имѣлъ. И тако обращаю къ вамъ мой гласъ, о владыки земные, возведенные на вышшую степень могущества человѣческаго, хранитеся сихъ пристрастныхъ похвалъ, яко не токмо заражающихъ васъ въ жизни, но и по смерти не престающихъ безчестить память вашу!

Съ другой стороны, не похвально есть дѣлать не токмо несправедливые своимъ Монархамъ, но и самые справедливые охуленія, которыя должны быть изглаголаны съ такою умѣренностію, чтобы елико можно менѣе чести сѣдящаго на престолѣ повреждали. Исторія единая, направляемая самою истинною, имѣетъ право съ равною смѣлостію похвалять знатныя дѣянія и добродѣтели Царей земныхъ и охулять ихъ пороки, дабы предать въ память потомству, чему должно подражать и отъ чего удаляться; учинить достойное и славное безсмертіе благимъ и наказаніе злымъ Царямъ. Но и та, говорю я, не инако можетъ сіе дѣлать, какъ бывъ ведома строгою истинною, и гдѣ бы никакія страсти примѣшаться не могли.

Довольно, является, изъявилъ я мои мысли о хвалѣ и о хуленіи Государей; но, приступая къ самому предмету моего труда, не дерзну я слабымъ моимъ перомъ описывать великія дѣла и достой-

ные похвалы Петра Великаго. Величайшій къ сему надлежитъ имѣть разумъ, и подвигъ бы мой сей былъ болѣе къ уменшенію его славы, нежели ко умноженію оной. Гласятъ его хвалы флотъ и воинства, имъ заведенные, грады построенные, крѣпости укрѣпленные, многія области покоренные, просвѣщенный народъ науками и искуствами, учрежденная торговля, по кратковременности введенные законы; гласятъ чюжестранные народы, удивляющіися, какъ въ толь краткое время трудами его самого и всѣянными семенами имъ могла Россія изъ слабости въ силу, изъ неустройства въ устройство и изъ невѣжества въ просвѣщеніе дойти. Звучныя побѣды, которыя увѣнчали лаврами главы его наслѣдниковъ, суть плоды его трудовъ, и славу его проповѣдаютъ, всегда имя его, яко основателя, съ именами тѣхъ соединяя. Гласятъ его хвалу сердца Россійскаго народа; ибо хотя миновался тотъ родъ, которой имѣлъ щастіе при толь великомъ Государѣ жить, но и потомки того, вѣрные слуги отечества, съ восхищеніемъ воспоминаютъ его великія дѣла, и къ мертвому толико любви и усердія являютъ, яко бы дѣйствительно онъ живъ былъ, и могли бы воздаянія отъ него за усердіе свое ожидать. Свидѣтели мнѣ суть Невскіе брега, градъ имъ, во имя его, созданный, какія чювствія тогда судіи, воины, граждане и всѣ прочіе, стекшіися на позорище открытія его изваяннаго образа, ощутили. Не славно ли сему ирою, когда всѣ потомки бывшихъ при немъ подданныхъ, по протеченіи полувѣка, узря его бездушное изваяніе, на славу его сооруженное, яко Монарху, яко отцу и яко просвѣтителю, ясныя оказанія своего усердія и благодарности принесли; и можно сказать, что слава есть Петра Великаго, яко нѣкоторая великая рѣка, которая что болѣе удаляется отъ своего начала, то пространнѣе становится. Тако уже память моя (не) застигнетъ, когда, излишно угождая ли, или по какимъ другимъ причинамъ (ибо не можно подумать, чтобъ кто преемникъ Петра Великаго его не любилъ) Монарха сего Петромъ Первымъ имяновали, но само собою, безъ указу и безъ повелѣнія, имя Великаго превозмогло; и дѣти наши въ юности своей едва ли и знаютъ, кто былъ Петръ Первый, но имя Петра Великаго, купно съ благодарностію и съ удивленіемъ, въ сердцахъ ихъ напечатлѣнно.

Могу ли я послѣ сего дерзнуть какія хулы на сего Монарха изречи? Могу ли данное мнѣ имъ просвѣщеніе, яко нѣкоторой измѣнникъ похищенное оружіе, противу давшаго мнѣ во вредъ ему обра-

тить? Однако, прости мнѣ, великая душа, естли, не для охуленія твоего, но для защищенія твоего имяни, осмѣлюся твои пороки изъяснить, дабы показать, коль ихъ добродѣтели превосходили, а самымъ тѣмъ поразить тѣ неблагодарныя сердца, которые, забывъ твои благодѣнія, забывъ твои услуги къ отечеству, дерзаютъ многія хулы на тебя изблевывать. Колико ни есть мое почтеніе къ тебѣ, но не затмитъ оно во мнѣ справедливости, и я потщуся испросить отъ Кліи то златое перо, коимъ на найкрѣпчайшихъ мраморахъ, подъ надзираніемъ истинны, она дѣла Монарховъ изображаетъ. Утверждаюсь паче въ дерзкомъ моемъ предпріятіи; ибо душа твоя, бывъ одѣяна тлѣнною одеждою, часто жестокія истинны отъ подданныхъ своихъ вкушала, то коль наипаче, когда сія между безплотными, изрѣченныя много истинны тебѣ непротивны будутъ.

Глаголятъ противники сего великаго Монарха: онъ былъ строгъ непомѣрно, любилъ казни и пролитіе крови, и, не разбирая ни роду, ни чиновъ, уподлялъ себя біеніемъ окружающихъ его; онъ сына своего смерти предалъ; онъ въ любострастіе и въ роскошь ввергался; онъ самовластіе до крайности разпростиралъ.

Се ваши хулы! Расмотримъ же непристрастнымъ окомъ всѣ сіи пороки, о коихъ не могу отречись, чтобъ много ли, иль мало, ихъ въ немъ не было, но расмотримъ, сообразя съ обстоятельствами времянъ, какъ въ разсужденіи тогдашняго умоначертанія Россіянъ, въ разсужденіи тогдашнихъ обстоятельствъ и нравовъ, такъ и въ разсужденіи намѣреній Петра Великаго, и, можетъ статься, мы увидимъ, что не всѣ сіи пороки въ немъ врожденные и вкорененные были, что ко многимъ, являющимся нынѣ намъ порочнымъ, поступкамъ былъ онъ побужденъ обстоятельствами, что нѣкоторые тогда и пороками не считались, что нѣкоторые отъ тогдашнихъ грубыхъ нравовъ и отъ воспитанія произошли, а наконецъ есть и такіе, коими сей Великій Государь платилъ дань человѣчеству. Пороки тѣмъ виднѣе въ немъ, что они, бывъ сопряжены съ великими добродѣтелями и дѣлами, яко на высотѣ поставленные, явнѣе становятся. Но какъ въ каждомъ порокъ есть порокъ, то и въ семъ благодѣтели Россіи онъ свойства своего не перемѣняетъ, а токмо нѣсколько заглаживается великими его дѣлами.

Россія, не очень давно освободившаяся отъ раздоровъ и бунтовъ, сохраняла еще ту жестокость, которая отъ междоусобій рождается.

Казни смертныя, пытки, убійствы были обыкновенны въ Россіи. Петръ Великій при таковомъ умоначертаніи воспитанъ былъ, и на силу началъ познавать самъ себя, се новые бунты въ Россіи возгорѣлись. Самая жизнь юнаго Государя къ опасности подвергнута была въ первый бунтъ Стрѣлецкій, и младыя его очи, начинающія съ разсудкомъ вокругъ себя обозрѣвать, зрилиліющеюся кровь своихъ родственниковъ и вѣрныхъ слугъ Нарышкиныхъ, Матвѣева, Языкова и другихъ. Остатокъ времени его младенчества въ таковыхъ же страхахъ и кровавыхъ позорищахъ было(ъ) препровождено(ъ). То сіе и самому мягкосердному человѣку не вложитъ ли нѣкоторую суровость, и среди токовъ крови принужденный жити человѣкъ не пріучитъ ли себя безъ трепету на нихъ взирать? Увы! Се есть судьба рода человѣческаго, что привычка многое надъ нимъ дѣйствіе имѣетъ. Въ Америкѣ безъ жалости жертвовали людей, въ Вавилонѣ и въ Дафнисѣ прелюбодѣяніе добродѣтелью почиталось, а въ Индіи и нынѣ суровство къ себѣ самому и отвратительное изнуреніе святостію считается. То не сумнительно есть, что таковыя обстоятельствы вложили въ сердце младаго Государя нѣкоторый духъ суровости, который, примѣшавшись къ твердому его желанію уставить правосудіе, къ горячему побужденію докончить имъ начатое полезное, иногда могъ изъ мѣры выходить.

Воззримъ на умоначертанія и на состояніе Россіи. Вельможа и весь народъ погруженъ былъ въ суевѣріе, и всѣ другіе народы толь погаными считалъ, что за грѣхъ почитать съ кѣмъ неединовѣрцомъ имѣть какое сообщеніе, не токмо чтобы хотѣть что полезное для отечества отъ нихъ перенять. Бояре были горды, суевѣрны, несообщительны; мѣстничество было хотя уничтожено, но въ сердцахъ ихъ пребывало въ своей силѣ, по коему не привязанные по древнему родству съ Государями, или по знатности роду преимущество имѣли, но произшедшіе случаемъ не токмо сами надъ знатнѣйшими себя начальствовали, но предпочтеніе сіе и потомству своему прелагали, купно съ наслѣдіемъ, превышать не токмо другіе роды, но и съ незнаніемъ дѣла государственныя исполнять. Лѣность, увальчивость, привязанность къ домамъ крѣпко вкоренились, а загрубѣлость и привязанность ко всѣмъ старымъ обычаямъ, яко естественное положеніе въ нихъ учинилось. Не было порядочныхъ войскъ, но земскія собирались худо вооруженныя, еще хуже устроенныя, да и тѣ никогда всѣ не собирались. Хотя и были Стрѣльцы,

недавно заведенные, но сіи, изъ земскихъ людей набранные и родами ведущіися, при началѣ своемъ имѣли всѣ пороки Турецкихъ янычаръ, не имѣвъ ихъ храбрости. Такъ какъ и они были сварливы, безпокойны и неповиновенны начальникамъ своимъ, вступя во торги и промыслы, такъ какъ и янычары, не имѣли уже никакого попеченія о должности по званію своему; однимъ словомъ, неустроенныя сіи войска, не были страшны непріятелемъ, но опасны были Государемъ.

Не было въ Россіи наукъ, и не токто побужденія, но паче было отвращеніе что познать; ибо познаніе сіе надлежало почерпнуть отъ чюжестранныхъ народовъ, а народъ нашъ ихъ и самихъ, ихъ языки и все, отъ нихъ происходящее, нечистымъ и богопротивнымъ почиталъ. Искуствы и рукодѣліи не въ лутчемъ были состояніи: не было ни фабрикъ, ни ремеслъ, а что и было, и то находилось въ крайнемъ несовершенствѣ.

Не было ни внутренней, ни внѣшней торговли. Внутренней отъ того, что не было довольнаго истребленія вещей; ибо каждый отъ своихъ произведеній жилъ; и не было ремеслъ, ибо не знали и не могли хотѣть многихъ вещей, которыя Петромъ Великимъ введены и нужны учинились; а внѣшней отъ того, что никакихъ обстоятельствъ чюжестранныхъ не знали, и не было портовъ, окромѣ города Архангельскаго, которымъ, яко господа, равно какъ и торговлею, Агличане владѣли.

Наконецъ доходы Государственные толь были малы, что едва ли восходили до милліона, да и прибавить ихъ, по малому обращенію денегъ и по недостатку торговли, не на кого было.

При таковыхъ обстоятельствахъ возможно ли было льстить себя, яко нѣкоторые нынѣ мудрствуютъ, чтобъ Россія хотя не толь скоро, однако бы не весьма поздно и не претерпѣвъ ущерба, естли бы Петръ Великій и не употребилъ самовластія, могла достигнуть, не токмо до такого состоянія, въ какомъ нынѣ ее зримъ, но и въ вящшее добротою? Кто воззритъ на вышеписанное безпристрастное начертаніе, тотъ ясно увидитъ, чтобы надлежало многимъ вѣкамъ протечи прежде, нежели бы Россія могла отвергнуть свои предубѣжденіи, получить надлежащее въ военныхъ дѣлахъ устройство,

просвѣтиться науками и установить торговлю, да и то при такихъ обстоятельствахъ, естли бы Государи всегда тому способствовали, и сосѣди бы ея не воспрещали ея возвеличенію.

Сказавъ такимъ образомъ общія обстоятельствы, для вящего испровержения большей части охуленій, возлагаемыхъ на Петра Великаго, и дабы показать, что самая истинна перо мое направляетъ, забываю на сей часъ его ко мнѣ благодѣянія, которыя чрезъ просвѣщеніе, введенное имъ, я ощущаю, и вступаю къ подробному показанію его пороковъ. Дабы сохранить нѣкоимъ образомъ времяисчислительной порядокъ въ оныхъ, начну я съ бунта Стрѣлецкаго. Когда по утишеніи онаго Стрѣльцы уже были взяты подъ стражу, когда темницы наполнились сими преступниками, покушающимися на жизнь законнаго своего Государя, тогда, по сугубомъ прежнихъ ихъ бунтовъ прощеніи, младый, строгій, въ суровствѣ и среди изліянія крови воспитанный, самодержавный Государь, не употребилъ Азіяцкаго самовластія, чтобы безъ суда ихъ истребить, но опредѣлилъ вѣрныхъ бояръ изслѣдовать ихъ дѣла; а какъ всѣ они, кромѣ малаго числа, нашлися виновными, то и смерти безъ пощады всѣхъ и осудилъ. Они были единые казнены на площади, и не токмо палачи, но и самъ Государь и бояре многіе, Государемъ бывъ принужденны, имъ головы рубили. Другіе были повѣшены на городскихъ зубцахъ, а нѣкоторые на зубцахъ стѣнъ Дѣвичья монастыря и въ самыхъ окошкахъ келей, куда была заключена Царевна Софія, сестра Петра Великаго, начальница всѣхъ сихъ возмущеній. Множество охулительныхъ жестокостей, и многое похвалы достойное, я въ семъ ужасномъ начертаніи обрѣтаю; но дабы не причли мнѣ въ мерзкую лесть, что въ оправданіе скажу, я потщусь, не закрывая все, что ужасное нахожу, изъяснить. Семь тысячь человѣкъ вдругъ смерти предаются. Самъ Монархъ обагряетъ недостойнымъ себѣ дѣяніемъ священныя руки кровію подданныхъ своихъ, и среди палачей зрится; знатнѣйшіе бояре, къ тому же принужденные, дрожащими руками то же исполняютъ, огорчеваются, что толь мерзкую должность принуждены исполнять, а вкушающихъ смерть мученье усугубляется. Сестра, хотя преступница, но есть сестра, дщерь Царя Алексѣя Михайловича, не токмо строго заключена въ Дѣвичьемъ монастырѣ, но принуждена, можно сказать, жить среди мертвецовъ, ежечасно должна мучиться взираніемъ на нихъ и обонять смрадъ, отъ тѣлъ ихъ происходящій.

Сіе, думаю, изображеніе не покажется никому лестнымъ. Но воззримъ, что въ казни сей Стрѣлецкой было похвальное и простительное, и что отъ чего происходило. Сказалъ я, что могъ и единымъ своимъ приказаніемъ повелѣть безъ суда умертвить всѣхъ Стрѣльцовъ; но и въ семъ случаѣ былъ произведенъ толь справедливый судъ, что хотя мало могущія оправдаться, были отъ смертной казни освобождены, и не токмо освобождены, но нѣкоторые начальники ихъ, участвующіе въ семъ бунтѣ, когда начали изъявлять свою вѣрность Государю, награжденія получили, яко то были два брата Толстыхъ, которые, наконецъ, загладили свое во младости преступленіе, и наконецъ подпорами отечеству и вѣрными подданными Государя своего были. Взирая на состояніе Стрѣльцовъ, на частые ихъ повторяемые бунты, не могъ младый Государь никогда ожидать, чтобы сіи люди могли спокойны остаться, и чтобы ихъ безпокойствами власть его не была поколеблема, а паче имѣя уже намѣреніе учинить во всѣхъ частяхъ въ Государствѣ, а особливо въ военномъ расположеніи (что бы ихъ чювствительнѣйше огорчило), великія перемѣны, не могъ надѣяться до сего достигнуть, пока хотя малое число сихъ безпокойныхъ людей въ живыхъ останется, чего ради и рѣшился на толь суровое дѣло. Признаюсь, что труднѣе оправдать дѣяніи самаго Государя, бывшаго среди палачей, казнящаго своими руками своихъ подданныхъ, и знатныхъ бояръ къ тому принуждающаго. Но какую мы жестокость ни припишемъ сему Монарху, разумъ у него отнять не можемъ; а естли мы оставимъ ему сіе, то и не можемъ подумать, чтобы къ такому дѣянію онъ безъ политической какой причины приступилъ. Сокрыты отъ насъ и тогдашнимъ молчаніемъ, и временемъ, сіи Царскія тайны, но потщимся догадками до сего достигнуть. Голицынъ, Толстые, Хованской были соучастники симъ бунтамъ: то не имѣлъ ли еще нѣкоего подозрѣнія Государь и на другихъ бояръ, которыхъ симъ поступкомъ восхотѣлъ учинить собственно ихъ особами участниками сей казни, и руки ихъ обмочить въ крови сихъ преступниковъ, дабы остающимся невѣдомыхъ ихъ соучастниковъ живымъ на сихъ бояръ сумнѣніе подать? Не хотѣлъ ни по выбору къ сему жестокому дѣлу употребить, дабы тѣ явно не открыты были, что есть на нихъ сумнѣніе; сего ради безъ разбору и другимъ то же велѣлъ исполнять; а дабы самою жестокою сею должностію и никого не огорчить, самъ, безчестное для себя, на себя отчасти дѣло пріялъ.

Все сіе оправданіе, я признаюся, что есть весьма слабо, въ разсужденіи оказанной жестокости; но отнесемъ при томъ сіе къ тѣмъ суровымъ времянамъ, отнесемъ къ худому воспитанію, отнесемъ ко привычкѣ къ крови, и узримъ, что то, что теперь найжесточайшій тиранъ въ Европѣ постыдится учинить, то тогда въ Россіи могло простительно казаться, въ Россіи, гдѣ и должность палача не была безчестна, и гдѣ и наказанной палачемъ могъ опять въ чины и въ должности выходить.

Не могу я ни какимъ образомъ оправдать вышепоказанной поступокъ, учиненный имъ съ сестрою его, Царевною Софіею. Не льзя ее оправдать, чтобы она не была преступница противу вышней власти, чтобы она не была злодѣйка брату своему и Государю, чтобы не она была причиною множества проліянной крови, какъ во время бунта, такъ и послѣ бунтовъ, въ наказаніе за оные. Но она была его сестра, ему однокровная; заключеніе ея отнимало у нее всѣ способы ухищреніи свои къ возмущенію Россіи употреблять, но надлежало ль жизнь ее тягостнѣе смерти здѣлать? Надлежало ль и видѣніемъ и обоняніемъ мертвыхъ тѣлъ, при засыпаніи, при возбужденіи и во все время ея пребыванія, ее тихимъ, но мучительнымъ, образомъ терзать? Признаемся всѣмъ, что жестокъ былъ Петръ Великій, но возложимъ отчасти сію жестокость на время, въ которое онъ родился, на обстоятельствы и на образъ, коимъ онъ воспитанъ былъ.

Говоря о оказанной жестокости имъ съ его сестрою, прилично здѣсь сказать о жестокости его съ его сыномъ. Сына, рожденнаго отъ крови своея, строгостями своими принудить къ бѣгству; возвратя, повелѣть его судить, истязать его и, ежели то правда, яко послѣдняго подданнаго, казнить. Се есть жестокость, имѣющая мало примѣровъ въ исторіи.

Но дабы судить о вещахъ съ тою справедливостію, каковую требуетъ исторія, каковую должны мы воздавать Монархамъ, и Монархамъ, облагодѣтельствующимъ насъ, надлежитъ не по первому возрѣнію суды свои располагать, но войти во всѣ обстоятельствы дѣла. Царевичь Алексѣй Петровичь былъ человѣкъ не великаго разуму, тайный противникъ всѣмъ изволеніямъ и учрежденіямъ своего родителя и привязанный твердо къ старымъ обычаямъ. Напротиву того, Петръ Великій, ощущая уже пользу своихъ установленій

видя, что уже успѣхи увѣнчиваютъ его труды, не словами, но дѣломъ, любитель своего отечества и блаженства своего народа, для коего онъ толико разъ къ опасности подвергался, яко въ самомъ своемъ письмѣ къ сему сыну своему изъясняется, зрилъ въ немъ найгоршаго непріятеля, каковаго онъ и отечество могутъ имѣть, зрилъ въ немъ разрушителя всѣхъ его учрежденій, подпертаго всѣми тѣми, которые еще любили древніе обычаи, а таковыхъ множество было; долго старался онъ его къ мыслямъ своимъ обратить, вложить въ него чювствія, что подвиги его суть полезны, но, не имѣя успѣху въ семъ, отрѣшилъ его отъ наслѣдія. Но самое сіе и показывало ему, что сей способъ несть доволенъ для утвержденія его учрежденій и блага отечества; ибо, имѣя и духовный чинъ, и множество бояръ единомышленниками себѣ, какое бы отреченіе могло послѣ смерти его воспретить на престолъ возвести? Какая бы толь твердая темница могла его такъ удержать, чтобъ врата ея не разрушены были? А возведеніе его не токмо угрожало ввержепіемъ Россіи въ прежнее ея непросвѣщеніе и слабость, но еще и междоусобною войною, рѣшился, яко до крайности простирающій всѣ свои страсти, каковую онъ имѣлъ и къ отечеству своему, непреоборимымъ образомъ, осужденіемъ его на смерть, а, можетъ быть, и казнію сію опасность прекратить. Страшный примѣръ, зримый токмо нами въ Юніи Брутѣ, примѣръ, показующій жестокость обычая, но главности его не суть хулительны.

Сказалъ уже я выше о обвиненіи, что Петръ Великій, не разбирая ни роду, ни чиновъ, бивалъ приближающихъ къ нему. Не можетъ сіе въ нашихъ обычаяхъ, имъ же введенныхъ, не странно показаться, и многіе изъ насъ, конечно, восхотятъ скорѣе смертную казнь претерпѣть, нежели жить послѣ палокъ, или плетей, хотя бы сіе наказаніе и священными руками и подъ очами Божія Помазанника было учинено. Всякой вѣкъ имѣетъ свои нравы, а вѣкъ тотъ, которой засталъ Петръ Великій и съ воспитанными въ коемъ людьми жилъ, былъ таковъ, что побои не инако, какъ по болѣзни почитали, не щитая ихъ себѣ въ безчестіе, хотя бы тѣ и кацкими * руками были учинены. Колико находимъ мы въ Розрядныхъ книгахъ, что иного, высѣкши плетьми, отсылали къ тому головою, съ кѣмъ мѣст-

---

* Катъ, по Малороссійски палачь.

ничался, или иного за какое неисполненіе приводили подъ висѣлицу и били чрезъ кацкія руки по щекамъ; имянъ я ихъ не поминаю, дабы не сдѣлать огорченія потомкамъ ихъ; но всѣ, которые хотя мало знаніе имѣютъ въ Россійскихъ древностяхъ, въ истиннѣ сей согласятся. А однако сіи тогда наказаніи не безчестили, и они по прежнему въ чины и должности употреблялись. То удивительно ли есть, что Петръ Великій, послѣдуя горячему своему обычаю, и когда съ таковаго воспитанія людьми, самъ воспитанію своему уступалъ? Они сами, претерпѣвшіе такія наказаніи, свидѣтели мнѣ суть; ибо мнѣ еще удалось многихъ изъ нихъ знать: былъ ли, хотя одинъ, которой бы за сіи побои пожаловался на Петра Великаго, или бы устыдился объ оныхъ сказать, или бы имѣлъ какое озлобленіе на него; но всѣхъ паче видѣлъ я исполненныхъ любовію къ нему и благодарностію; а сіе и доказуетъ, что сей поступокъ не въ порокъ особѣ Петра Великаго должно приписать, но въ порокъ умоначертанію тогдашняго времяни. Не довольно сего; тѣ, которые толь во укоризну Петру Великому сей поступокъ проглашаютъ, разсмотрѣли ли, кого онъ такимъ образомъ наказывалъ? Или тѣхъ, коихъ изъ праху возвелъ на великія степени, или младыхъ людей, часто исполненныхъ пороками, да и симъ обоимъ часто сіи наказаніи замѣнялись, вмѣсто жесточайшихъ наказаній, которыя бы они по закону заслуживали. Но вельможи сановитые, яко Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій, часто съ грубостію ему противурѣчющій, Борисъ Петровичъ Шереметевъ, Князь Михайло Михайловичъ и Князь Дмитрей Михайловичъ Голицыны, многажды противящіяся его изволеніямъ, никогда такого наказанія не претерпѣли. И тако лучше удивитеся, охулители Петра Великаго, мужа нравомъ горячаго, воспитаннаго въ такомъ вѣкѣ, въ коемъ побои, учиненные вельможѣ, за безчестье не считались, что онъ съ терпѣньемъ снесъ отъ Князя Долгорукова разодраніе подписаннаго имъ протокола: что не наказалъ за неподписаніе Шереметевымъ суда Царевича, и сказавшаго ему въ отвѣтъ: «Служить своимъ Государемъ, а не судить его кровь моя есть должность;» не послушавшаго его при взятьѣ Шлюсембурга Князя Голицына, учинящаго отвѣтъ: «Несть въ твоей волѣ, но въ волѣ Божіеи есть», исправившаго мысли Государевы, Князь Дмитрія Михайловича Голицына, принудившаго, превосходныя доброты сочиненіемъ Каморъ-Коллежскаго Регламента, уничтожить тотъ, что самъ Петръ Великій начерталъ. Яко человѣку, все сіе не могло ему прискорбія не нанести, но, яко ирой, уступая свою

пользу пользѣ Государства, видя искренность сердцъ изящныхъ сихъ своихъ слугъ, не токмо чѣмъ ихъ наказалъ, но паче милостями осыпалъ.

Крѣпость тѣлесная и горячая кровь чинила его любострастна. Колико сіе ни есть естественное побужденіе, колико ни есть Монарховъ, которые оной не стыдятся, но я не могу ее не почесть порокомъ, отъ котораго желательно бы было, чтобы сей великій мужъ воздержался, тѣмъ найпаче, что ни обычаи, ни примѣръ его страны въ семъ его оправдать не могутъ; и можетъ быть, что онъ свершилъ расположеніе свое къ сей страсти путешествіями своими въ чюжіе краи и примѣрами, которые онъ тамъ видѣлъ и слышалъ. Но со всѣмъ тѣмъ думаю, чтобъ любострастіе его не имѣло такой силы надъ нимъ, естли бы въ первой своей супругѣ нашелъ себѣ сотоварища и достойную особу; но, не имѣя сего, неудивительно есть, что, возненавидя ее, самъ въ любострастіе ввергнулся. Но воззримъ и въ семъ случаѣ на его поступокъ, узримъ ли мы, чтобъ сія страсть, которая толь многими овладѣла, которая Геркулеса заставила прясть у Омфалы, которая Помпея и Антонія погубила , когда ни будь отвлекла его отъ трудолюбія, должности, или правосудія? Онъ довольствовалъ свою плоть, но никогда душа его побѣждена не была. Карлъ XII-й толь боялся сей страсти, что даже видѣть женской полъ страшился; вмѣсто что Петръ Великій, среди тѣлесныхъ удовольствій, владычествовалъ надъ нею. На сіе, можетъ статься, могутъ мнѣ отвѣтствовать, что онъ Екатерину, изъ низкаго состоянія плѣнницу, учиня сперва своею любимицею, возвелъ, наконецъ, быть своей супругою; и се есть знакъ, что, по крайней мѣрѣ, въ семъ случаѣ страсть его побѣдила. Остановитесь и разсмотрите; во первыхъ, для сей Екатерины, яко любимицы, иль яко супруги, упустилъ ли что Петръ Великій? Сдѣлалъ ли для нее какое неправосудіе? И думаю, что злодѣи его мнѣ скажутъ: «Нѣтъ!» Извѣстно каждому, что страсти въ насъ дѣйствуютъ сильнѣе тогда, когда хотѣнія наши неудовольствованы; сей причины Петру Великому не настояло, ибо онъ безпрепятственно ею владѣлъ, и Екатерина, кто ее зналъ, не толь была честолюбива, чтобы и могла хотѣть быть его супругою. Что жъ его побудило къ такому великому ей награжденію? Первое, признаніе за всѣ, ею понесенные съ нимъ, труды и за благіе совѣты, которые она ему въ опасномъ случаѣ при Прутѣ подала, что и самъ онъ объявлялъ. Второе, мнѣ

кажется, была и политическая причина. Петръ Великій отъ перваго браку имѣлъ единаго сына, Царевича Алексѣя, котораго уже усмотрѣлъ быть неудобна къ приятію Россійскаго престола и къ содержанію начатыхъ имъ дѣлъ; отъ сея же Екатерины имѣлъ уже двухъ дочерей, видѣлъ уже себя начинающаго ослабѣвать, не зналъ, будетъ ли имѣть толь достойную и повиновенную супругу, какъ сія, а отъ сея зримъ уже и потомство, то супружествомъ своимъ и признаніемъ законными рожденныхъ дѣтей хотѣлъ утвердить престолъ свой, а самымъ симъ и могущее междоусобіе случиться послѣ смерти его, упредить. Естли таковыи были намѣреніи Петра Великаго, яко сіе есть весьма вѣроятно, то истинно я въ поступкѣ семъ ничего охулительнаго не нахожу Ибо когда Государи, его предки, на многихъ незнатныхъ женивались и не зная внутреннихъ ихъ расположеній, то чего ради Петру Великому не вступить было въ бракъ не токмо съ той, которой добродѣтели ему были извѣстны, къ которой имѣлъ причину благодарности, и чрезъ что могъ утвердить безопасность престола своего и спокойство Россіи?

Никто Петра Великаго въ неумѣренной склонности къ пьянству не обвиняетъ; но находятъ въ немъ достойно охуленія, какъ оно дѣйствительно и есть, что онъ иногда на пиршествахъ, снисходя въ равенство къ подданнымъ своимъ, самъ излишнее пивалъ и другихъ напивалъ. Первое показуетъ невоздержность, а другое охулительное самовластіе. Но не единожды я предложилъ правило, что есть разныя времяна, и суть разные нравы и обычаи, взирая на которые и должно не только таковаго великаго мужа, но и приватнаго человѣка, судить. А сіи самые нравы и были таковые не токмо въ Россіи, но почти и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ сей Государь, для просвѣщенія своего народа, путешествовалъ. Вездѣ, во время веселій и пиршествъ, лишнее пивали, чиня сіе, яко знакъ удовольствія. То можно ли, яко непростительное дѣло, охулить сіе въ семъ Государѣ, когда подражалъ онъ въ томъ всей Европѣ тогдашнимъ обычаямъ, съ тою особенностію, что низлагалъ съ себя и пышность Царскую, и снисходилъ къ подданнымъ своимъ, съ ними, не яко ихъ Монархъ, но яко равный, веселился, подавая имъ способъ въ семъ случаѣ всѣ истинны ему говорить и дружески съ нимъ обходиться? И конечно, естли всякое упиваніе есть зло, но чинимое имъ нисхожденіе, можно сказать, нѣкоимъ образомъ сіе зло исправляетъ. А сверхъ того сіе не толь его занимало, чтобы хотя

малую остановку въ дѣлахъ приключить могло, яко свидѣтельствуютъ то превыше, кажется, силъ человѣческихъ исполненныя имъ дѣла. Къ тому же, можетъ статься, что онъ въ семъ поступкѣ и сугубый имѣлъ предметъ, познавалъ въ пьянствѣ враждующихъ между собою вельможей, а чрезъ самое сіе бралъ свои осторожности, чтобы не быть обмануту навѣтами единыхъ на другихъ; и не безызвѣстно ему было, что много еще было такихъ, которые о старыхъ обычаяхъ сожалили, и многіе были ему недоброхоты, то симъ способомъ и мысли ихъ онъ тщился познавать и остерегаться отъ поставляемыхъ ему мрежей. И се, можетъ статься, была причина, что не токмо знатнѣйшихъ бояръ нѣкоимъ родомъ самовластія упиваться припуждалъ, но иногда и женщинъ поилъ Жестокое дѣло, но по обстоятельствамъ, можетъ быть, тогдашнимъ необходимо ему было.

Наконецъ, обвиненіе его въ неумѣренномъ самовластіи видъ истинны имѣетъ. Онъ премѣнилъ всѣ порядки, принудилъ одѣваться инако, нежель прежде былъ обычай, принудилъ выбрить бороды, наложилъ налоги, записалъ дворянъ въ службу, не по срокамъ, но навсегда; взявъ дѣтей, послалъ учиться разнымъ наукамъ и мастерствамъ. Вотъ сильные знаки самовластія. Но да воззрятъ охуляющіе въ семъ Петра Великаго, тѣ, кои отъ самовластія сего получили и самое то довольное просвѣщеніе, чтобы самовластіе сіе охулять. Возмогъ ли Петръ Великій достигнуть до намѣряемыхъ имъ поправленій безъ оказанія самовластія? Отмѣннымъ образцомъ сшитое платье хотя ничего не знаменуетъ, но оно отнимало различіе между Россіанами и чюжестранными, которые нужны ему были, а коихъ Россійской народъ ненавидѣлъ. Бритіе бородъ такъ же чинило Россіанъ сходственныхъ на другіе изученные Европейскіе народы, и отнимало у нихъ предубѣжденіе, яко бы всѣ, не имѣющіе бородъ, погани были: а къ тому же и истребляло родъ ереси Антропоморфитовъ, которая, по незнанію, вкоренена была. Не могъ онъ ввести порядокъ, не сдѣлавъ нѣкоторыя знатныя перемѣнении во всемъ правительствѣ. Не могъ онъ распространить торговли, безъ пріобрѣтенія портовъ, а пріобрѣтеніе портовъ не могъ получить безъ войны, а потому порядочныя войска для защищенія государства и для пріобрѣтенія странъ необходимо нужны были; а порядочныя войска не могли завестися, естли останется земская служба, по малымъ срокамъ располагаемая,

естли бы дворяне не вступали съ нижнихъ чиновъ въ службу, и тѣмъ чрезъ собственное свое испытаніе не приобрѣтали въ ней нужное искуство, не имѣли бы порядочнаго за заслуги, или по старшинству, произвожденія, и не обязаны бы были служить всегда, а не посрочно. Произведеніе войны и сооруженіе флота требуютъ денегъ: ихъ весьма было мало. Комерція почти ничего не приносила, и, не взирая на всю умѣренность въ собственномъ житьѣ сего Государя, онъ почти всегда въ нихъ нужду ощущалъ: то умноженіе денежныхъ налоговъ совершенно нужно было, разумѣя чрезъ сіе сей великій Государь, что хотя обстоятельства государства требовали сей тягости народа, тогда почти несносной для него, но, предвидя, что размноженіе торговли, заведеніе мануфактуръ и ремеслъ, и умноженіе обращенія денегъ, наконецъ, сіи налоги не тягостны учинятъ, что въ самомъ дѣлѣ и исполнилось. Надлежало ввести просвѣщеніе въ Россіи: то чѣмъ лучше можно было его ввести, какъ посылкою благородныхъ юношей для наученія не токмо наукамъ, военному искуству, но и самымъ ремесламъ, показуя, что несть ничего подлого, что къ пользѣ отечества можетъ послужить? И простерщій самъ Монархъ къ скипетру рожденныя въ работу руки, не могъ ли требовать, чтобъ подданные его ему подражали? Все сіе онъ учинилъ самовластнымъ образомъ, не спрашивая совѣту ни отъ кого; да отъ кого ему было его и спрашивать? Предложить ли учинить перемѣны въ правленіи убѣжденнымъ людямъ въ его пользѣ, и пользующимся непорядками онаго, да не чувствующимъ пользъ, которыя могутъ произойти? Предложить ли ему сообщеніе съ чюжестранными народами тѣмъ, которые за грѣхъ сіе щитали? Предложить ли наложеніе податей тѣмъ, которые самый малый налогъ за несносную тягость почитали, а пользы не предвидѣли? Предложить ли учрежденіе порядочныхъ войскъ тѣмъ, которые тѣмъ лишались многихъ своихъ правъ, подвергались во многіе труды, и лишались подданныхъ своихъ, которыхъ должны были въ рекруты отдавать? Предложить ли посылку юношей въ чюжіе краи, когда отцы и матери не токмо сему противны были неумѣренною привязанностію къ дѣтямъ своимъ, и по самому суевѣрію, думая, яко бы осквернятся пребываніемъ не съ единовѣрными, тому противны были? И тако не съ кѣмъ было Петру Великому совѣтовать: то имѣлъ онъ право, по великимъ своимъ расположеніямъ, и по мудрому предвидѣнію, самовластно то повелѣвать?

Но воззримъ на Петра Великаго въ другихъ дѣлахъ, гдѣ не настояла такая нужда. Учинилъ ли онъ въ рѣшеніи дѣлъ, которыя самъ рѣшилъ, по какому пристрастію, кому несправедливость? Не равно ли послѣдняго подданнаго съ наилюбимыми своими вельможами судилъ? Не вкушалъ ли онъ при рѣшеніи дѣлъ грубыя, ему учиненныя, противурѣчіи, и не соглашался ли всегда на истинну, не гнѣваяся за грубость? Когда учинилъ ощутительны полезныя свои установленіи, не далъ ли Сенату указу, не принимать самыхъ его повелѣній, когда противны государственной пользѣ онѣ будутъ, или противурѣчительны другимъ законамъ? Не совѣтовалъ ли онъ всегда съ своимъ Сенатомъ, и не побуждалъ ли ему самую истинну говорить? Понеже никто всѣхъ сихъ справедливостей откинуть не можетъ, а потому и ясно есть, что нужда его заставляла быть деспотомъ; но въ сердцѣ онъ имѣлъ расположеніе, и можно сказать, вліянное познаніе взаимственныхъ обязательствъ Государя съ подданными.

Се слабое мое перо кратко начертало пороки и добродѣтели сего благодѣтеля Россіи; направляемо бывъ истинною, по силѣ своей изобразило его пороки и проступки, съ показаніемъ, колико онъ къ онымъ обстоятельствами, умоначертаніемъ, обычаями того времяни и воспитаніемъ былъ побужденъ. Теперь остается мнѣ въ заключеніи сего оправдать и себя въ томъ, что, можетъ быть, нѣкоторые мнѣ скажутъ, что я есть защитникъ деспотичества, иль самовластія, и что по предложеннымъ мною правиламъ и каждый Монархъ можетъ сказать, что онъ такіе же имѣетъ благіе виды, и подобныя же ему обстоятельства настоятъ употреблять самовластіе, и его употребитъ.

Несть мое намѣреніе побуждать владыкъ свѣта къ забвенію взаимной связи между престола и гражданъ, и влагать въ нихъ мысли, усугубляющія злосчастіи рода человѣческаго. Но симъ не охуляю я Петра Великаго въ его самовластіи: ибо можетъ ли кто нынѣ Государь въ Европѣ имѣть такія обстоятельства, какія имѣлъ сей Монархъ?

И тако, тотъ Государь, который помыслитъ употреблять такое самовластіе, да размыслитъ прежде, нашелъ ли онъ народъ свой безъ просвѣщенія и загрубѣлой въ своихъ обычаяхъ и, по несправедливому воображенію своему о вѣрѣ, противляющійся всякому просвѣщенію? Былъ ли подвергнутъ отъ юности своея къ разнымъ

безпокойствамъ, ухищреніямъ и бунтамъ, которыя всѣ силою разума своего превозмогъ? Испыталъ ли всѣ состоянія самъ собою, и обозрѣлъ ли безъ пышности, но съ прилежаніемъ, почти всѣ части своего государства? Подвергъ ли себя ко многимъ трудамъ и опасностямъ для любови къ отечеству своему? Снизошелъ ли въ состояніе своихъ подданныхъ, законами являяся имъ строгій Государь, обхожденіями же другъ? Вкушалъ ли безъ гнѣву грубыя ему учиненныя противорѣчія, и всегда ли готовъ былъ истинну вкушать?

Естли кто все сіе исполнилъ, то, имѣя такія расположенія, можетъ безъ охуленія употреблять самовластіе. Но кто все сіе исполнитъ?

КНЯЗЬ М. М. ЩЕРБАТОВЪ.

ПРИМѢРНОЕ ВРЕМЯИСЧИСЛИТЕЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ, ВО СКОЛЬКО БЫ ЛѢТЪ, ПРИ БЛАГОПОЛУЧНѢЙШИХЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХЪ, МОГЛА РОССІЯ САМА СОБОЮ, БЕЗЪ САМОВЛАСТІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО, ДОЙТИ ДО ТОГО СОСТОЯНІЯ, ВЪ КАКОМЪ ОНА НЫНѢ ЕСТЬ, ВЪ РАЗСУЖДЕНІИ ПРОСВѢЩЕНІЯ И СЛАВЫ.

СОСТОЯНІЕ РОССІИ

ДО

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Россійскій народъ даже до бѣсновѣрія былъ привязанъ къ вѣрѣ, считалъ всѣхъ другихъ исповѣданій Христіанъ погаными; сему примѣръ, что за безчестье и за грѣхъ считали, естли кто у Нѣмцовъ въ слободѣ побывалъ; былъ суевѣренъ: въ доказательство сему, что найпросвѣщеннѣйшій мужъ тогда въ Россіи, Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, гадателей призывалъ и на мѣсяцъ смотрѣлъ о познаніи судьбы своей, начиналъ подвергнуть быть духовному чину, ибо за то, что Никонъ Патріархъ противуборствовалъ Царю Алексѣю Михайловичу, его святымъ почитали.

Не имѣлъ никакого просвѣщенія, но многіе знатные бояре и грамотѣ не знали.

Гордость и надменность бояръ была безмѣрная, и дворяне у нихъ въ знакомцахъ и прислужникахъ жили.

Дворяне служили съ помѣстей, да и тѣ не всѣ по нарядамъ въ назначенное мѣсто пріѣзжали; служа же безъ жалованья, не могли

ни внѣ Государства долго службу продолжать, ни внутри Государства быть долго отдалены отъ домовъ своихъ, чего ради и предписывалось имъ служить по срокамъ.

Мѣстничество было въ году уничтожено, но порядокъ не заведенъ, ибо въ бояре и въ Окольничіе производились по прежнему, по знатности родовъ, а не по заслугамъ, яко свидѣтельствуютъ многія родословныя, что изъ Стольниковъ жаловали прямо въ бояре, и многіе младые люди великіе чины имѣли, яко Князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой менѣе двадцати лѣтъ бояриномъ былъ, а симъ и поручались важнѣйшія дѣла Государства.

Торговли ни внутренней, ни внѣшней не было, ибо которая и была, та за слабостію своею недостойна была симъ имянемъ называться; потому что не было рукодѣлій, весьма мало было истребленіе вещей, не было ни знанія въ чюжестранной торговлѣ, ни портовъ; ибо единый былъ портъ городъ Архангельской, да и тотъ, окромѣ положенія своего на сѣверномъ краю Россіи, неудобности входу въ Двину и весьма длиннаго пути, обходя Норвегію, почти весь во власти Англичанъ былъ, которые сею торговлею владѣли.

Недостатокъ торговли и истребленія вещей производилъ недостатокъ денегъ и остановку въ обращеніи ихъ.

Не было ни фабрикъ, ни рукодѣлій, и простѣйшія вещи получали отъ чюжестранныхъ.

Были Правительства, съ изрядною мыслію устроенныя, яко Полата Золотая, Розрядная Полата, Земской Приказъ, Разбойной Приказъ, Холопей Приказъ, Судные Владимірскій и Московской Приказы и прочія, но они ни регламентовъ, ни порядковъ не имѣли, ни формы суда и прочаго, но все по обычаямъ исполнялось. Законы хотя сочиненіемъ Уложенья и новоуказныхъ статей были, но не было никакого порядку къ приведенію во исполненіе ихъ.

Не было сухопутнаго порядочнаго войска; главная сила государства состояла въ дворянахъ, служащихъ съ помѣстій, которыя отъ Розряду наряжались; но никогда ни всѣ, ни на срокъ въ назначенное мѣсто не пріѣзжали; да которые и съѣдутся, ни хорошаго вооруженія, ни порядку и устройства не имѣли, да и служа на своемъ иждивеніи, прежде времени разъѣзжались. Были заведены

Стрѣльцы, но и тѣхъ едва ли было десять тысячь человѣкъ. Войска неустроенныя, неповиновенныя своимъ начальникамъ, вступившія въ торги и промыслы и не радящія о своей должности; всякое ученіе воинское имъ трудно казалось, походъ несносенъ былъ, а непріятеля страшились; лише опасны были смутнымъ своимъ обычаемъ Престолу и своимъ начальникамъ.

Не было флоту. Тщился Царь Алексѣй Михайловичъ, построя суда на Волгѣ, явить Россійской флагъ на Каспійскомъ морѣ; созданной фрегатъ Орелъ чюжестранными мастерами претерпѣлъ нещастіе, и намѣреніе сіе оставлено было. Ясное доказательство, коль противна всякая новость была Россіянамъ.

Не было крѣпостей, и не знали ихъ укрѣплять, но высокія башни и стѣны составляли все укрѣпленіе градовъ, укрѣпленіи отъ малаго числа пушечныхъ ударовъ могущія разсыпаться. Не знали и не воображали пользу низкихъ укрѣпленіій, ни перекрестнаго выстрѣла.

Были пушки, но пушки таковыя, каковымъ должно было быть у непросвѣщеннаго народа, то есть, не въ мѣру вылитыя, длинны, толсты, великожерлисты, лафеты того хуже, и совсѣмъ почти неудобны ни къ возкѣ, ни къ скорому стрѣлянію.

Обильная Россія въ разныхъ крушцахъ ни злата, ни серебра, ни мѣди, ни желѣза своего не имѣла, но принуждена была даже до желѣза получать изъ Швеціи; ибо не было ни знающихъ крушцы, ни умѣющихъ ихъ искапывать, ставливать и отдѣлять.

ИСЧИСЛЕНІЕ.

Се есть отчасти состояніе Россіи до исправленія Петромъ Великимъ.

Въ 1682 году заведена была въ Иконоспаскомъ монастырѣ Академія, гдѣ учили по Латински, по Гречески, и философію Аристотелеву.

Положимъ мы, чтобы сіе училище имѣло весь могущій себя изобразить успѣхъ, то и тутъ надлежало, чтобы, по крайней мѣрѣ, прошло два рода, прежде нежели бы могли Россіане познать пользу науки, и имѣть отвращеніе отъ невѣжества, и тако бы и сію знатную перемѣну, чтобы ста два человѣкъ было Латинщиковъ и знающихъ дурную философію, но можно бы было зрить прежде 60 лѣтъ; ибо пока съ прежними убѣжденіями въ живыхъ первой родъ обрѣ-

тался, сего было ожидать не можно, а и второй родъ еще бы тому противенъ былъ, а я соглашаюсь со всѣми времяисчислителями, полагая на каждый родъ 30 лѣтъ.

Но чему бы въ сей Академіи научились? Научились бы языкамъ Греческому и Латинскому, философіи Аристотелевой, его категоріямъ, тонкимъ и часто непонятнымъ разсужденіямъ Платона и Богословіи, разумѣли бы всѣхъ лучшихъ писателей Аѳинскихъ, цвѣтущаго Рима, и святыхъ Отцовъ. Но познали ль бы новыя откровенія, учиненныя новыми? Познали ль бы новую систему свѣта, изобрѣтенія въ физикѣ, химіи и маѳематикѣ? Нѣтъ, полагая паче себѣ правиломъ не сообщаться не съ единовѣрными, утверждаясь еще болѣе въ сей ненависти, что и первенствующая Церковь всякое сообщеніе съ еретиками и раздирателями Церкви запрещала, то или яко бы отдаленная отъ другихъ частей свѣта земля должна была сама все изыскивать, или бы превозмочь ненависть свою къ чюжестраннымъ и съ ними въ сообщеніе войти. На первое бы надлежало многія тысячи лѣтъ, да и то бы невозможно было безъ путешествій, то сколько же бы времяни надлежало употребить для преодолѣнія ненависти къ чюжестраннымъ? И полагаю на сіе, по крайней мѣрѣ, три рода человѣческіе, то есть 90 лѣтъ, и тѣмъ паче утверждаюсь въ своихъ мысляхъ, что хотя Царь Іоаннъ Васильевичъ, желая ввести нѣкоторое просвѣщеніе, чужестранныхъ призывалъ, хотя Годуновъ и вящшія къ тому старанія употреблялъ, и даже посылалъ Россійскихъ юношей учиться въ чужіе краи, однако ни науки, ни искуства ни малаго успѣха не имѣли, ни ненависть къ чюжестраннымъ нимало не убавилась.

Достигши до нѣкоего просвѣщенія и познанія, также пріучась имѣть сообщеніе съ чюжестранными народами, надлежало входить въ познанія вновь изобрѣтенныхъ наукъ, изучиться военному искуству, литью пушекъ, военной и гражданской архитектурѣ. Но тутъ новые бы препятствіи встрѣтились: первая, гордость Россійскаго дворянства, и понынѣ еще и самымъ деспотичествомъ неукрощенная, не позволила бы имъ согласиться, чюжестранныхъ людей незнаемыхъ, а часто и самихъ незнатныхъ, начальниками себѣ имѣть; то какъ же сему было научиться путешествіями? Привязанность къ семьямъ своимъ и къ домамъ, а и малые доходы ихъ деревень, совокупленные съ пышностію Россійскаго дворянства, сего бы не позволили, и тако бы надлежало новую привычку для сего дѣлать,

для которой, по крайней мѣрѣ, я полагаю еще тритцать лѣтъ. Но что бы и тогда они научились? Познали бы состояніе войскъ чюжестранныхъ, не примѣривая ихъ расположеніе съ расположеніемъ Россіи, пріѣхали бы въ отечество свое, начали дѣлать все по чюжестранному и все не кстати, не бояся быть охуляемы яко чюжестранные, а чрезъ то бы все худо и надѣлали, яко и нынѣ видимъ сему примѣры, что часто, не зная состоянія Россіи, хотятъ перемѣнить на чюжестранные обычаи, и дѣлаютъ дурно. Въ примѣръ сему можно предложить. Россійская армія никогда почти никакою нуждою не остановится: нѣтъ ли у нея хлѣбовъ, сами солдаты жнутъ, молотятъ, мелютъ и пекутъ хлѣбы: напротивъ того, Цесарская армія должна имѣть все приготовленное, и ежели случится, что у нее пекарей отобьютъ, она, среди обильной страны, голодомъ умираетъ. Однако, хотѣли сіе въ Россійской арміи завести, и презрѣвъ способности, въ неудобности ввергнуться. А по сему я заключаю, что весьма полезнѣе, чтобъ не природные, изучася, дѣлали какое вновь заведеніе, но призванные чюжестранные; ибо хотя они внутреннихъ обстоятельствъ и не знаютъ, но, бывъ направляемы знающими, не имѣя ни родовой связи, ни защищенія, а паче завистниковъ, съ вящшею осторожностію все дѣлать могутъ.

Но какъ бы по положенію, чтобъ Россіане сами изучась, чинили всѣ поправленія и заведенія, колебалось бы оно, по крайней мѣрѣ, прежде, нежели что могло быть заведено, тритцать лѣтъ. Да и то бы едва могло быть, когда безъ самовластія сдѣлано, въ разсужденіи арміи, по причинѣ должныхъ наложить налоговъ и взятья рекрутъ.

Но пусть и все бы сіе исполнилось: надлежало предпринимать войну, для полученія портовъ. То пускай бы она была и во всемъ успѣшна. Война, заключеніе мира, посылка для наученія мореплаванію, и прочее для заведенія флота еще бы тритцати лѣтъ требовало.

Я уже не говорю о фабрикахъ и рукодѣліяхъ, о торговлѣ, которой и нынѣ у насъ нѣтъ, о рудокопательномъ искуствѣ, которое у насъ есть на весьма дурномъ положеніи, сколько бы еще для сего всего лѣтъ надлежало, дабы привести все сіе и въ такое состояніе, въ какомъ оно нынѣ обрѣтается; а и безъ сего, по вышеписанному исчисленію, отъ зачала Спаской Академіи надлежало бы протечи

естли бы дворяне не вступали съ нижнихъ чиновъ въ службу, и тѣмъ чрезъ собственное свое испытаніе не приобрѣтали въ ней нужное искуство, не имѣли бы порядочнаго за заслуги, или по старшинству, произвожденія, и не обязаны бы были служить всегда, а не посрочно. Произведеніе войны и сооруженіе флота требуютъ денегъ: ихъ весьма было мало. Комерція почти ничего не приносила, и, не взирая на всю умѣренность въ собственномъ житьѣ сего Государя, онъ почти всегда въ нихъ нужду ощущалъ: то умноженіе денежныхъ налоговъ совершенно нужно было, разумѣя чрезъ сіе сей великій Государь, что хотя обстоятельства государства требовали сей тягости народа, тогда почти несносной для него, но, предвидя, что размноженіе торговли, заведеніе мануфактуръ и ремеслъ, и умноженіе обращенія денегъ, наконецъ, сіи налоги не тягостны учинятъ, что въ самомъ дѣлѣ и исполнилось. Надлежало ввести просвѣщеніе въ Россіи: то чѣмъ лучше можно было его ввести, какъ посылкою благородныхъ юношей для наученія не токмо наукамъ, военному искуству, но и самымъ ремесламъ, показуя, что несть ничего подлого, что къ пользѣ отечества можетъ послужить? И простерщій самъ Монархъ къ скипетру рожденныя въ работу руки, не могъ ли требовать, чтобъ подданные его ему подражали? Все сіе онъ учинилъ самовластнымъ образомъ, не спрашивая совѣту ни отъ кого; да отъ кого ему было его и спрашивать? Предложить ли учинить перемѣны въ правленіи убѣжденнымъ людямъ въ его пользѣ, и пользующимся непорядками онаго, да не чувствующимъ пользъ, которыя могутъ произойти? Предложить ли ему сообщеніе съ чюжестранными народами тѣмъ, которые за грѣхъ сіе щитали? Предложить ли наложеніе податей тѣмъ, которые самый малый налогъ за несносную тягость почитали, а пользы не предвидѣли? Предложить ли учрежденіе порядочныхъ войскъ тѣмъ, которые тѣмъ лишались многихъ своихъ правъ, подвергались во многіе труды, и лишались подданныхъ своихъ, которыхъ должны были въ рекруты отдавать? Предложить ли посылку юношей въ чюжіе краи, когда отцы и матери не токмо сему противны были неумѣренною привязанностію къ дѣтямъ своимъ, и по самому суевѣрію, думая, яко бы осквернятся пребываніемъ не съ единовѣрными, тому противны были? И тако не съ кѣмъ было Петру Великому совѣтовать: то имѣлъ онъ право, по великимъ своимъ расположеніямъ, и по мудрому предвидѣнію, самовластно то повелѣвать?

Но воззримъ на Петра Великаго въ другихъ дѣлахъ, гдѣ не настояла такая нужда. Учинилъ ли онъ въ рѣшеніи дѣлъ, которыя самъ рѣшилъ, по какому пристрастію, кому несправедливость? Не равно ли послѣдняго подданнаго съ найлюбимыми своими вельможами судилъ? Не вкушалъ ли онъ при рѣшеніи дѣлъ грубыя, ему учиненныя, противурѣчіи, и не соглашался ли всегда на истинну, не гнѣваяся за грубость? Когда учинилъ ощутительны полезныя свои установленіи, не далъ ли Сенату указу, не принимать самыхъ его повелѣній, когда противны государственной пользѣ онѣ будутъ, или противурѣчительны другимъ законамъ? Не совѣтовалъ ли онъ всегда съ своимъ Сенатомъ, и не побуждалъ ли ему самую истинну говорить? Понеже никто всѣхъ сихъ справедливостей откинуть не можетъ, а потому и ясно есть, что нужда его заставляла быть деспотомъ; но въ сердцѣ онъ имѣлъ расположеніе, и можно сказать, вліянное познаніе взаимственныхъ обязательствъ Государя съ подданными.

Се слабое мое перо кратко начертало пороки и добродѣтели сего благодѣтеля Россіи; направляемо бывъ истинною, по силѣ своей изобразило его пороки и проступки, съ показаніемъ, колико онъ къ онымъ обстоятельствами, умоначертаніемъ, обычаями того времяни и воспитаніемъ былъ побужденъ. Теперь остается мнѣ въ заключеніи сего оправдать и себя въ томъ, что, можетъ быть, нѣкоторые мнѣ скажутъ, что я есть защитникъ деспотичества, иль самовластія, и что по предложеннымъ мною правиламъ и каждый Монархъ можетъ сказать, что онъ такіе же имѣетъ благіе виды, и подобныя же ему обстоятельства настоятъ употреблять самовластіе, и его употребитъ.

Несть мое намѣреніе побуждать владыкъ свѣта къ забвенію взаимной связи между престола и гражданъ, и влагать въ нихъ мысли, усугубляющія злосчастіи рода человѣческаго. Но симъ не охуляю я Петра Великаго въ его самовластіи: ибо можетъ ли кто нынѣ Государь въ Европѣ имѣть такія обстоятельства, какія имѣлъ сей Монархъ?

И тако, тотъ Государь, который помыслитъ употреблять такое самовластіе, да размыслитъ прежде, нашелъ ли онъ народъ свой безъ просвѣщенія и загрубѣлой въ своихъ обычаяхъ и, по несправедливому воображенію своему о вѣрѣ, противляющійся всякому просвѣщенію? Былъ ли подвергнутъ отъ юности своея къ разнымъ

безпокойствамъ, ухищреніямъ и бунтамъ, которыя всѣ силою разума своего превозмогъ? Испыталъ ли всѣ состоянія самъ собою, и обозрѣлъ ли безъ пышпости, но съ прилежаніемъ, почти всѣ части своего государства? Подвергъ ли себя ко многимъ трудамъ и опасностямъ для любови къ отечеству своему? Снизошелъ ли въ состояніе своихъ подданныхъ, законами являяся имъ строгій Государь, обхожденіями же другъ? Вкушалъ ли безъ гнѣву грубыя ему учиненныя противорѣчіи, и всегда ли готовъ былъ истинну вкушать?

Естли кто все сіе исполнилъ, то, имѣя такія расположеніи, можетъ безъ охуленія употреблять самовластіе. Но кто все сіе исполнитъ?

КНЯЗЬ М. М. ЩЕРБАТОВЪ.

ПРИМѢРНОЕ ВРЕМЯИСЧИСЛИТЕЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ, ВО СКОЛЬКО БЫ ЛѢТЪ, ПРИ БЛАГОПОЛУЧНѢЙШИХЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХЪ, МОГЛА РОССІЯ САМА СОБОЮ, БЕЗЪ САМОВЛАСТІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО, ДОЙТИ ДО ТОГО СОСТОЯНІЯ, ВЪ КАКОМЪ ОНА НЫНѢ ЕСТЬ, ВЪ РАЗСУЖДЕНІИ ПРОСВѢЩЕНІЯ И СЛАВЫ.

СОСТОЯНІЕ РОССІИ

ДО

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Россійскій народъ даже до бѣсновѣрія былъ привязанъ къ вѣрѣ, считалъ всѣхъ другихъ исповѣданій Христіанъ погаными; сему примѣръ, что за безчестье и за грѣхъ считали, естли кто у Нѣмцовъ въ слободѣ побывалъ; былъ суевѣренъ: въ доказательство сему, что найпросвѣщеннѣйшій мужъ тогда въ Россіи, Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, гадателей призывалъ и на мѣсяцъ смотрѣлъ о познаніи судьбы своей, начиналъ подвергнуть быть духовному чину, ибо за то, что Никонъ Патріархъ противуборствовалъ Царю Алексѣю Михайловичу, его святымъ почитали.

Не имѣлъ никакого просвѣщенія, но многіе знатные бояре и грамотѣ не знали.

Гордость и надменность бояръ была безмѣрная, и дворяне у нихъ въ знакомцахъ и прислужникахъ жили.

Дворяне служили съ помѣстей, да и тѣ не всѣ по нарядамъ въ назначенное мѣсто пріѣзжали; служа же безъ жалованья, не могли

ни внѣ Государства долго службу продолжать, ни внутри Государства быть долго отдалены отъ домовъ своихъ, чего ради и предписывалось имъ служить по срокамъ.

Мѣстничество было въ году уничтожено, но порядокъ не заведенъ, ибо въ бояре и въ Окольничіе производились по прежнему, по знатности родовъ, а не по заслугамъ, яко свидѣтельствуютъ многія родословныя, что изъ Стольниковъ жаловали прямо въ бояре, и многіе младые люди великіе чины имѣли, яко Князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой менѣе двадцати лѣтъ бояриномъ былъ, а симъ и поручались важнѣйшія дѣла Государства.

Торговли ни внутренней, ни внѣшней не было, ибо которая и была, та за слабостію своею недостойна была симъ имянемъ называться; потому что не было рукодѣлій, весьма мало было истребленіе вещей, не было ни знанія въ чюжестранной торговлѣ, ни портовъ; ибо единый былъ портъ городъ Архангельской, да и тотъ, окромѣ положенія своего на сѣверномъ краю Россіи, неудобности входу въ Двину и весьма длиннаго пути, обходя Норвегію, почти весь во власти Англичанъ былъ, которые сею торговлею владѣли.

Недостатокъ торговли и истребленія вещей производилъ недостатокъ денегъ и остановку въ обращеніи ихъ.

Не было ни фабрикъ, ни рукодѣлій, и простѣйшія вещи получали отъ чюжестранныхъ.

Были Правительства, съ изрядною мыслію устроенныя, яко Полата Золотая, Розрядная Полата, Земской Приказъ, Разбойной Приказъ, Холопей Приказъ, Судные Владимірскій и Московской Приказы и прочія, но они ни регламентовъ, ни порядковъ не имѣли, ни формы суда и прочаго, но все по обычаямъ исполнялось. Законы хотя сочиненіемъ Уложенья и новоуказныхъ статей были, но не было никакого порядку къ приведенію во исполненіе ихъ.

Не было сухопутнаго порядочнаго войска; главная сила государства состояла въ дворянахъ, служащихъ съ помѣстій, которыя отъ Розряду наряжались; но никогда ни всѣ, ни на срокъ въ назначенное мѣсто не пріѣзжали; да которые и съѣдутся, ни хорошаго вооруженія, ни порядку и устройства не имѣли, да и служа на своемъ иждивеніи, прежде времени разъѣзжались. Были заведены

Стрѣльцы, но и тѣхъ едва ли было десять тысячь человѣкъ. Войска неустроенныя, неповиновенныя своимъ начальникамъ, вступившія въ торги и промыслы и не радящія о своей должности; всякое ученіе воинское имъ трудно казалось, походъ несносенъ былъ, а непріятеля страшились; лише опасны были смутнымъ своимъ обычаемъ Престолу и своимъ начальникамъ.

Не было флоту. Тщился Царь Алексѣй Михайловичъ, построя суда на Волгѣ, явить Россійской флагъ на Каспійскомъ морѣ; созданной фрегатъ Орелъ чюжестранными мастерами претерпѣлъ нещастіе, и намѣреніе сіе оставлено было. Ясное доказательство, коль противна всякая новость была Россіянамъ.

Не было крѣпостей, и не знали ихъ укрѣплять, но высокія башни и стѣны составляли все укрѣпленіе градовъ, укрѣпленіи отъ малаго числа пушечныхъ ударовъ могущія разсыпаться. Не знали и не воображали пользу низкихъ укрѣпленій, ни перекрестнаго выстрѣла.

Были пушки, но пушки таковыя, каковымъ должно было быть у непросвѣщеннаго народа, то есть, не въ мѣру вылитыя, длинны, толсты, великожерлисты, лафеты того хуже, и совсѣмъ почти неудобны ни къ возкѣ, ни къ скорому стрѣлянію.

Обильная Россія въ разныхъ крушцахъ ни злата, ни серебра, ни мѣди, ни желѣза своего не имѣла, но принуждена была даже до желѣза получать изъ Швеціи; ибо не было ни знающихъ крушцы, ни умѣющихъ ихъ искапывать, ставливать и отдѣлять.

ИСЧИСЛЕНІЕ.

Се есть отчасти состояніе Россіи до исправленія Петромъ Великимъ.

Въ 1682 году заведена была въ Иконоспаскомъ монастырѣ Академія, гдѣ учили по Латински, по Гречески, и философію Аристотелеву.

Положимъ мы, чтобы сіе училище имѣло весь могущій себя изобразить успѣхъ, то и тутъ надлежало, чтобы, по крайней мѣрѣ, прошло два рода, прежде нежели бы могли Россіане познать пользу науки, и имѣть отвращеніе отъ невѣжества, и тако бы и сію знатную перемѣну, чтобы ста два человѣкъ было Латинщиковъ и знающихъ дурную философію, но можно бы было зрить прежде 60 лѣтъ; ибо пока съ прежними убѣжденіями въ живыхъ первой родъ обрѣ-

тался, сего было ожидать не можно, а и второй родъ еще бы тому противенъ былъ, а я соглашаюсь со всѣми времяисчислителями, полагая на каждый родъ 30 лѣтъ.

Но чему бы въ сей Академіи научились? Научились бы языкамъ Греческому и Латинскому, философіи Аристотелевой, его категоріямъ, тонкимъ и часто непонятнымъ разсужденіямъ Платона и Богословіи, разумѣли бы всѣхъ лучшихъ писателей Аѳинскихъ, цвѣтущаго Рима, и святыхъ Отцовъ. Но познали ль бы новыя откровенія, учиненныя новыми? Познали ль бы новую систему свѣта, изобрѣтенія въ физикѣ, химіи и маѳематикѣ? Нѣтъ, полагая паче себѣ правиломъ не сообщаться не съ единовѣрными, утверждаясь еще болѣе въ сей ненависти, что и первенствующая Церковь всякое сообщеніе съ еретиками и раздирателями Церкви запрещала, то или яко бы отдаленная отъ другихъ частей свѣта земля должна была сама все изыскивать, или бы превозмочь ненависть свою къ чюжестраннымъ и съ ними въ сообщеніе войти. На первое бы надлежало многія тысячи лѣтъ, да и то бы невозможно было безъ путешествій, то сколько же бы времяни надлежало употребить для преодолѣнія ненависти къ чюжестраннымъ? И полагаю на сіе, по крайней мѣрѣ, три рода человѣческіе, то есть 90 лѣтъ, и тѣмъ паче утверждаюсь въ своихъ мысляхъ, что хотя Царь Іоаннъ Васильевичь, желая ввести нѣкоторое просвѣщеніе, чужестранныхъ призывалъ, хотя Годуновъ и вящшія къ тому старанія употреблялъ, и даже посылалъ Россійскихъ юношей учиться въ чужіе краи, однако ни науки, ни искуства ни малаго успѣха не имѣли, ни ненависть къ чюжестраннымъ нимало не убавилась.

Достигши до нѣкоего просвѣщенія и познанія, также пріучась имѣть сообщеніе съ чюжестранными народами, надлежало входить въ познанія вновь изобрѣтенныхъ наукъ, изучиться военному искуству, литью пушекъ, военной и гражданской архитектурѣ. Но тутъ новые бы препятствія встрѣтились: первая, гордость Россійскаго дворянства, и нынѣ еще и самымъ деспотичествомъ неукрощенная, не позволила бы имъ согласиться, чюжестранныхъ людей незнаемыхъ, а часто и самихъ незнатныхъ, начальниками себѣ имѣть; то какъ же сему было научиться путешествіями? Привязанность къ семьямъ своимъ и къ домамъ, а и малые доходы ихъ деревень, совокупленные съ пышностію Россійскаго дворянства, сего бы не позволили, и тако бы надлежало новую привычку для сего дѣлать,

для которой, по крайней мѣрѣ, я полагаю еще тритцать лѣтъ. Но что бы и тогда они научились? Познали бы состояніе войскъ чюжестранныхъ, не примѣривая ихъ расположеніе съ расположеніемъ Россіи, пріѣхали бы въ отечество свое, начали дѣлать все по чюжестранному и все не кстати, не боясь быть охуляемы яко чюжестранные, а чрезъ то бы все худо и надѣлали, яко и нынѣ видимъ сему примѣры, что часто, не зная состоянія Россіи, хотятъ перемѣнять на чюжестранные обычаи, и дѣлаютъ дурно. Въ примѣръ сему можно предложить. Россійская армія никогда почти никакою нуждою не остановится: нѣтъ ли у нея хлѣбовъ, сами солдаты жнутъ, молотятъ, мелютъ и пекутъ хлѣбы: напротивъ того, Цесарская армія должна имѣть все приготовленное, и ежели случится, что у нее пекарей отобьютъ, она, среди обильной страны, голодомъ умираетъ. Однако, хотѣли сіе въ Россійской арміи завести, и презрѣвъ способности, въ неудобности ввергнуться. А по сему я заключаю, что весьма полезнѣе, чтобъ не природные, изучася, дѣлали какое вновь заведеніе, но призванные чюжестранные; ибо хотя они внутреннихъ обстоятельствъ и не знаютъ, но, бывъ направляемы знающими, не имѣя ни родовой связи, ни защищенія, а паче завистниковъ, съ вящшею осторожностію все дѣлать могутъ.

Но какъ бы по положенію, чтобъ Россіане сами изучась, чинили всѣ поправленія и заведенія, колебалось бы оно, по крайней мѣрѣ, прежде, нежели что могло быть заведено, тритцать лѣтъ. Да и то бы едва могло быть, когда безъ самовластія сдѣлано, въ разсужденіи арміи, по причинѣ должныхъ наложить налоговъ и взятья рекрутъ.

Но пусть и все бы сіе исполнилось: надлежало предпринимать войну, для полученія портовъ. То пускай бы она была и во всемъ успѣшна. Война, заключеніе мира, посылка для наученія мореплаванію, и прочее для заведенія флота еще бы тритцати лѣтъ требовало.

Я уже не говорю о фабрикахъ и рукодѣліяхъ, о торговлѣ, которой и нынѣ у насъ нѣтъ, о рудокопательномъ искуствѣ, которое у насъ есть на весьма дурномъ положеніи, сколько бы еще для сего всего лѣтъ надлежало, дабы привести все сіе и въ такое состояніе, въ какомъ оно нынѣ обрѣтается; а и безъ сего, по выписанному исчисленію, отъ начала Спаской Академіи надлежало бы протечи

210 годамъ, слѣдственно, Россія бы еще начала входить въ то состояніе, въ какомъ она есть, еще и не прославивъ себя, около 1892 года, да и то, считая, что въ теченіи бы сего великаго времяни, не было никакого помѣшательства, ни внутренняго, ни внѣшняго.

А кто возможетъ поручиться, чтобы въ сіе время не было такихъ въ ней Государей, которые неблагоразумно принятыми мѣрами разрушили бы то, что два или три предка ихъ заводили, и поступкомъ бы симъ продлили еще время ея просвѣщенія? Кто мнѣ поручится, чтобъ въ сіе время царствующіе Государи, во Швеціи Карлъ XII, и въ Пруссіи Фридрикъ II, знатныя части оной себѣ не покорили? То бъ когда исполнилось сіе просвѣщеніе, и гдѣ бъ была нынѣ пріобрѣтенная его слава?

А сіе съ прилежаніемъ разсмотря, не судите о времяни, какъ бы сама Россія, собственнымъ народа своего побужденіемъ, могла до хорошаго состоянія дойти, потому что она нынѣ есть; но судите, сообразя съ древнимъ ея состояніемъ и съ предубѣжденіями, и разсматривайте по степенямъ, во сколько времяни какую болѣзнь могла она излѣчить; иль судите паче собственно по себѣ, коль и надъ вами частными предубѣжденіи дѣйствуютъ, надъ вами, просвѣщенными Петромъ Великимъ; то коль они суть трудны ко истребленію въ народѣ, и отложа сіи ваши тщетныя мысли, паче воздайте хвалу и благодареніе Петру Великому, что хотя много послѣ смерти его дѣлъ повреждали, но учиненное имъ основаніе и слабости, и зависти, и тщетному самолюбію и развратности воспротивляется, и что сей Монархъ, въ гробницѣ заключенный, еще побѣждаетъ своихъ враговъ и прославляетъ Россію.

КНЯЗЬ М. М. ЩЕРБАТОВЪ.

РАЗМЫШЛЕНІЯ

О

СМЕРТНОМЪ ЧАСѢ.

Во всякомъ состояніи людей, когда кто хочетъ выгодно себѣ что содѣлать, то прежде стараются достигнуть до сего нѣкоторою приличною наукою. Тако, риторъ препровождаетъ нощи во бдѣніи, читая изящныхъ писателей, примѣчаетъ ихъ лутчія мѣста, воспоминаетъ предложенныя правила, и устремляетъ весь умъ и разсудокъ свой, трудяся въ своихъ сочиненіяхъ. Стихотворецъ старается изыскать пристойныя мысли, привести ихъ въ такія реченія, которыя бы мѣру, согласіе и рифму составляли. Комедіантъ трудится выучить хорошо данную ему ролю, декламируетъ ее съ размышленіемъ, что и даетъ произношеніе гласа, какого требуетъ обстоятельство представляемаго имъ лица, и часто предъ зеркаломъ располагаетъ свои тѣлодвиженія, дабы ноги благопристойны и соотвѣтствующія съ гласомъ и словами его роли были. Живописецъ, предпріемля изобразить какую картину, начертываетъ карандашемъ не токмо ее всю, но и каждый членъ особливо, и избираетъ, которой лутчее дѣйствіе учинитъ. Однимъ словомъ, онъ учится, какъ бы непостыдно ему явить обществу трудъ свой. Подобно такъ и во всякихъ низшихъ ремеслахъ, столяръ, плотникъ, каменщикъ, пешникъ, всякой учится своему мастерству. Единое токмо есть, чему малое число людей учатся, а что, однако, всѣ знаютъ, что имъ исполнить должно. Сіе есть: какъ бы хорошо и безъ страху умереть.

Сіе воистинну достойно удивленія, какъ зная всѣ необходимость сего часа, единственно токмо помышляютъ, чтобы память о знаемости сей у себя загладить, яко бы, отвращая свои мысли, и спѣшащій сей часъ могли отвратить. И вмѣсто, чтобы самыми разглагольствованіями о немъ и видѣніемъ мертвецовъ приучить мысль и взоръ свой къ приближающемуся сему часу, убѣгаютъ отъ напоминанія имяни смерти, и очи свои отъ тѣлъ мертвыхъ отвращаютъ. Есть же такіе, которые толь укрѣпили свой духъ, чтобъ ни-

когда о смерти не размышлять, что можно о нихъ сказать, яко глубокомыслящій Юнгъ говоритъ: что они, получая карту о объявленіи чей смерти, съ толикимъ неучастнымъ окомъ ее читаютъ, яко бы то было повѣстка о оперѣ, или видятъ погребальное позорище съ равными чювствіями, яко какое увеселительное зрѣлище. Не отъ безстрашія смерти сіе въ нихъ происходитъ; ибо при малой болѣзни охладѣваетъ кровь, трепещутъ всѣ ихъ члены, и есть довольно врачей для призванія, чтобы имъ помочь учинить и избавить отъ неизбѣжнаго часа, и при послѣднихъ минутахъ чювствованія своего совершенное являютъ отчаяніе. Я думаю, что сіи люди прелестями и суетами свѣта толь омрачили свои очи, что они, можно сказать, съ закрытыми глазами шествуютъ ко гробу.

Достигая до пятдесятъ шестаго года отъ рожденія моего, я, благодаря Бога, не подражалъ такимъ поступкамъ, но часто размышлялъ о смерти, и разглагольствіи о ней никогда не дѣлали мнѣ отвращенія. Старался я научиться хорошо жить, дабы чрезъ самое сіе научиться хорошо и умереть. Да въ самомъ дѣлѣ слабость моего сложенія и частые болѣзненные припадки заставляютъ меня болѣе другихъ о часѣ смертномъ размышлять, и, можетъ статься, что они меня и научили не съ такою ужестію взирать на сію минуту, яко я вижу, что взираютъ другіе.

А посему, дабы утвердиться въ самыхъ моихъ мысляхъ, и чтобы смерть моя, которая не можетъ уже быть весьма отдаленна, соотвѣтствовала учиненнымъ мною стараніямъ, какъ жить и умереть, предпринялъ я кратко начертать въ разные времена учиненные мною о ней размышленія.

А посему и надлежитъ учинить разсмотрѣніе о трехъ главныхъ притчинахъ боязни нашей смертнаго часу: 1) Какъ мы приближаемся къ смерти? 2) Что покидаемъ? и 3) Какъ умираемъ?

I

Страшащіися смертнаго часа вопіютъ, коль страшно есть душѣ оставить сіе тѣло, которое она одушевляетъ; пресѣченіе движеній крови, запоры во всѣхъ малыхъ скважинахъ ея проходовъ, остановленіе зиждительныхъ соковъ, онѣменіе всѣхъ чювствъ, приключаютъ найжесточайшія движенія въ тѣлѣ человѣческомъ которые, разными образами оказываются: или несноснымъ жаромъ, отнимающимъ всѣ естественныя движенія, или сильнымъ занятіемъ духа, вздыманіемъ груди, или несносными больми во всемъ тѣлѣ, конвульзіями, и другими, но всѣ изъявляющими страданіе и мученіе человѣка, при-

ближающагося къ послѣднему его часу. Да и естественно есть, когда прерывается тѣсный союзъ между души и тѣла, когда останавляются всѣ движенія машины человѣческой, не можно, чтобы сія машина, въ минуты своего разрушенія, жестокое не почювствовала потрясеніе, приключающее несносную и неудобосказанную болѣзнь. Свидѣтельствуетъ сіе самое видѣніе человѣка умирающаго, терзаніе, вздыманіе груди, охладѣніе его частей и стенаніе, страданіе его представляетъ; почему и справедливо сіе названо страданіемъ. То какъ не страшиться сего часу, которой совокупленъ съ толикою болѣзнію и терзаніемъ?

Внимаю и разумѣю ваши изображенія, страшливые смерти, и тѣмъ паче, что во время жизни моей не единожды случалось мнѣ быть очевиднымъ свидѣтелемъ таковыхъ печальныхъ позорищъ. Ближніе и друзья мои, коимъ долгъ дружбы и почтенія заставлялъ мнѣ воздавать мои старанія, многіе предъ очами моими скончались; я видѣлъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ таковыя страданія; но все, что я видѣлъ сихъ страданій, я видѣлъ въ страданіяхъ сихъ болѣзнь, а не смерть; а потому и должно различить страданіе, происходимое отъ болѣзни, съ тѣмъ, которое уже послѣдній ударъ смерти приключаетъ. Никто изъ мертвыхъ не воскресалъ, чтобы намъ сказать, коль труденъ и болѣзненъ послѣдній часъ, когда душа исходитъ изъ тѣла; но, судя по видимости и взявъ себѣ въ проводники науку и найвѣрнѣйшія испытанія, можно смѣло сказать, что часъ сей есть безболѣзненъ. Ибо что есть смерть? Она не иное что, какъ лишеніе всѣхъ жиздительныхъ движеній въ тѣлѣ и, слѣдственно, всѣхъ чювствъ. А потому, по мѣрѣ, какъ жиздительныя движенія въ тѣлѣ ослабѣваютъ, ослабѣваютъ и чювства; а ежели чювствія ослабѣваютъ, то и боли уменьшаются, даже какъ обое совсѣмъ исчезнутъ. Господинъ Боергавъ въ своей Химіи говоритъ, что излишный жаръ производитъ згущеніе и непорядочное обращеніе крови, отъ чего малыя жилы въ мозгѣ и въ другихъ мѣстахъ запорошаются и приключаютъ человѣку лишеніе чювствъ и смерть. Я тоже скажу и о самомъ охладѣніи, которое противное содѣлываетъ, и охладѣвшая кровь тихостію движенія своего во онѣменіе и въ нечювствіе приводя члены, приключаетъ смерть. А по всему сему я заподлинно могу сказать, что чѣмъ ближе человѣкъ къ концу своему приближается, то менѣе болѣзни ощущаетъ. Въ примѣръ сему скажу, что хотя я видѣлъ многихъ умирающихъ, но видѣлъ всегда боль ихъ предсмертную умаляться, и сіе показывалось уменьшеніемъ ихъ

стона. Возмемъ въ примѣръ отъ паралична болѣзни, соединенной съ апоплексіей умирающаго человѣка, яко я единому такому случаю свидѣтель былъ. Пораженной сей болѣзнью человѣкъ вдругъ теряетъ языкъ, память и чювства; въ леченіяхъ употребляютъ кровопусканіе, Шпанскія мухи, рвотное, електризацію, но сильно пораженный сею болѣзнію, въ безпамятствѣ лежа, никакого знаку ни вздроганіемъ, ни движеніемъ никакимъ не показываетъ своей чювствительности, хотя оказываетъ тягость дыханія; но рѣдко, или и никогда, стенанія не слышно, а потому и ясно есть, что уже толь сильныя болѣзни, яко себѣ изображаютъ, онъ не ощущаетъ. И за главный знакъ приближенія смерти дохтора щитаютъ, когда человѣкъ престанетъ вдругъ чювствовать всю боль. А посему чювствіе болѣзни есть не смерть; въ послѣдней же секундъ и когда умретъ человѣкъ, то уже и болѣзнь власти надъ нимъ не имѣетъ.

Не все же тяжкія и мучительныя болѣзни есть предзнаменованіе смерти, но многія, которыя и жесточайшія терзанія тѣлу производятъ, смерти не приключаютъ. Въ примѣръ сему можно представить болѣзнь каменную, подагру, плерезію, колики, мигрень и зубную, кои суть, такъ можно сказать, натуральныя; но есть другія, которыя суть случайныя, яко: разныя раны, изломленія кости, вывихнутіе какого состава, всѣ сіи, которыя я именовалъ; а есть многія и другія, которыя несносную боль приключаютъ. И естьли бы въ самыхъ жестокихъ терзаніяхъ единой изъ сихъ болѣзней вопрошенъ былъ человѣкъ: лутче ли онъ желаетъ, чтобы нѣсколько сутокъ продолжилось его мученіе, или въ нѣсколько минутъ онъ, лишася всѣхъ чювствъ, умретъ, не уповаю, чтобы нашлося много тѣхъ любителей жизни, которые бы скорую смерть долго продолжительному и часто возвращающемуся мученію не предпочли. А потому не всякое жестокое мученіе есть къ смерти, и самая смерть не есть толь болѣзненна, какъ страшливые себѣ представляютъ.

II

Что мы покидаемъ, лишаясь жизни? Сіе достойно разсмотрѣнія. Я же думаю, ничего. Сія притчина, кажется, требуетъ двухъ раздѣленій. Первое: что мы покидаемъ въ разсужденіи нашихъ ближнихъ, которыхъ мы любимъ, и которые насъ любятъ, и коимъ наше естествованіе есть нужно? и второе: какихъ мы удовольствій, ощущаемыхъ нами въ жизни, лишаемся?

Не могу я оспорить, чтобы не приносило нѣкоторыя тягости разлученіе оставить своихъ ближнихъ и друзей. Воспоминаніе удоволь-

ствій, которыя съ ними вмѣстѣ вкушали, изображеніе ихъ сожалѣнія, а паче естьли чювствуешь, что самое твое естествованіе есть нужно для нихъ, суть такія обстоятельства, которыя и лишающаго всего чювствительнаго человѣка могутъ тронуть.

Но прежде нежели намъ вдаться въ совершенное огорченіе о семъ, разсмотримъ и самыя сіи толь жестокія являющіися намъ обстоятельства, съ тѣмъ твердымъ духомъ, которой прямое любомудріе производитъ, и съ тою безпристрастностію и предвидѣніемъ, какого требовать надлежитъ отъ просвѣщеннаго разума.

Жалѣетъ человѣкъ при часѣ смертномъ о ближнихъ своихъ и о друзьяхъ. Но сіи ближніе и друзья суть ли сами безсмертны? А понеже они не суть, то тотъ же рокъ самихъ ихъ угрожаетъ; и колико, каждый доживши, не говорю до поздой старости, но и въ среднемъ возрастѣ, если подумаетъ, лишился родственниковъ, свойственниковъ и друзей своихъ, да исчислитъ всѣ сіи огорченія, приключенныя ему ихъ смертію, и да подумаетъ тогда, восхочетъ ли еще множество ихъ претерпѣть, и подъ видомъ, яко бы желалъ себя сохранить для сихъ ближнихъ людей, остаться послѣднимъ изъ всего своего поколѣнія и знакомства. А естьли учинитъ такія размышленія, и послѣ сего будетъ оставшихъ сожалѣть, то явно будетъ видно, что не толь сожалѣетъ о томъ, что оставляетъ естествующихъ, какъ о томъ, что самъ естествовать престалъ.

Что же касается до того, чье естествованіе есть нужно остающимся, сіе важнѣйшее обстоятельство представляетъ; ибо, хотя законъ насъ и научаетъ, что должны мы судьбу свою предати въ волю Вышняго, хотя зримъ множество примѣровъ, что сироты, оставленныя, казалось, безъ всякой помощи, непредвидимыми случаями величайшее щастіе себѣ содѣлали; но, пока душа наша не разлучилась съ тѣломъ, по взаимному ея союзу съ плотью, мы, яко плотскіе и помышляемъ, и подлинно можемъ сожалѣть, что ближніе наши приключенною намъ смертью помощи лишаются. Но нѣтъ ли при семъ нашего и самолюбія, что мы иногда себя и тогда полезными почитаемъ, когда въ самомъ дѣлѣ вредъ наносимъ? Не однажды мнѣ случалось слыхать, что по умертвіи главнаго въ домѣ, всѣ вопіяли, что домъ сей изчезнетъ; но, напротивъ того, въ совершенномъ возрастѣ бывшіе, вступя въ правленіе дому, къ трудамъ состарѣвшагося родителя, труды свѣжей юности прилагая, привели въ лутчее состояніе домъ, не жалѣютъ, когда бывалъ; оставшіися малолѣтныя сироты нашли себѣ опекуновъ, которые исправили ихъ

дѣла, иногда и запутанныя, и они при возмуженіи въ лутчемъ состояніи себя нашли, нежели когда родители ихъ бывали. Вдовы хотя не могли содѣлать толико прибыли, но, по крайней мѣрѣ, бережливостію своею то наградили. Юноши, не имѣя надежды на родителя, искали достоинствами своими по службѣ себѣ щастіе получить. Правда, что много можно представить и противныхъ сему примѣровъ, гдѣ во всѣхъ частяхъ свѣтскаго щастія кончиною родителя дѣти потеряли, но какія? Такія, которыя, надѣясь на родительское защищеніе по службѣ и по должностямъ своимъ, ни къ чему не прилежали, пока достойной, или случайной, родитель ихъ поддерживалъ, по тѣхъ мѣстъ недостоинствы ихъ закрывались, но, вмѣстѣ съ смертію того, и всѣ пороки ихъ явны всѣмъ стали. Другіе, которые при родителяхъ своихъ накопили множество тайныхъ долговъ, вскорѣ оставленное родителемъ имѣніе размотали, то сему уже не смерть родителя притчиной, но худые нравы сихъ, которые бы долго ли, или бы коротко, всегда въ такіе проступки ввалились, и тѣмъ бы неисправнѣе, что молодой можетъ очювствоваться, а заматерѣвшій въ порокѣ никогда, да и некогда будетъ.

Но за всѣмъ симъ предѣлъ положенъ, его же прейтить не возможно, что всякій родившійся долженъ умереть: страшливый смерти человѣкъ тужитъ, что оставляетъ дѣтей, родственниковъ и друзей своихъ; но тужитъ онъ, зная, что и они, долго ли, или коротко, ту же судьбину вкусить должны. А потому, естьли онъ не умретъ прежде, то тѣ должны прежде его жизни лишиться; естьли прямую имѣетъ къ нимъ любовь, возжелаетъ ли онъ быть погребателемъ всѣхъ себѣ любимыхъ? Возжелаетъ ли при старости дней своихъ, яко другова вѣку человѣкъ оставшійся одинъ, по гробахъ и пеплахъ ихъ, смоченныхъ его слезами, безъ помощи и безъ сожалѣнія проживши въ горести послѣдніе дни своея жизни, воздать послѣдній долгъ природѣ? Да воззритъ кто именитой, кои наиболѣе ощущаютъ страхъ смерти, на множество портретовъ его предковъ, служащихъ украшеніемъ его комнатамъ: они безмолственно ему вѣщаютъ, что жили и умерли, и что онъ къ той же судьбѣ долженъ изготовляться; да отгнавъ мірскія мысли, войдетъ таковый въ ту свою комнату: онъ узритъ въ ней не украшенія, но погребательные знаки, показующіе тлѣнность естества человѣческаго.

Но воззримъ, чего лишаемся изъ благъ свѣта? Да разсмотритъ каждый человѣкъ прилежно свою жизнь, да исчислитъ всѣ свои приключенія съ самаго своего младенчества; болѣзни, которыя его

отягощали; труды, которые онъ подъялъ; огорченія, которыя онъ въ домѣ своемъ и внѣ имѣлъ; слезы, которыя онъ по ближнимъ своимъ изліялъ; неудачи во многихъ его предпріятіяхъ, неправосудія и гоненія, которыя претерпѣлъ, и наконецъ недостатки, которые его отягощали; да исчислитъ, говорю я, то сколько найдется такихъ дней, которые онъ спокойствіемъ и удовольствіемъ чистымъ пользовался? Не скажутъ ли многіе, что оно имъ почти незнаемо есть, и естьли когда его они ощущали, то сіе было подобно лучю солнечному, на краткое время являющемуся изъ среди грозныхъ тучъ; или блеску молвіи, въ единое мгновеніе являющейся и въ единое мгновеніе исчезающей. Господинъ Монтескье, говоря о самоубійцахъ, ни какъ не удивляется дерзновенію ихъ. Онъ говоритъ, что сіе есть дѣло, отъ исчисленія зависящее; что естьли человѣкъ найдетъ по исчисленію, что то, что онъ претерпитъ, разставшись съ свѣтомъ, есть менѣе оного, что онъ претерпитъ, оставаясь на свѣтѣ, то естественно изберетъ себѣ то, гдѣ меньше надѣется претерпѣть. Симъ я, однако, не побуждаю кого къ самоубійству; ибо не сказалъ я однако, какъ и Господинъ Монтескье, чтобы учинено было сравненіе съ тѣмъ, что потеряетъ; а потеря дѣйствительно есть ненаградимая, то есть, потеря своей должности съ терпѣніемъ сносить то состояніе, въ которое Богъ насъ предопредѣлилъ; потеря, которую уже мы наградить ни какъ не можемъ, ибо лишася жизни, преступленіи наши не исправляемы становятся. Но когда не нашимъ преступленіемъ, но порядкомъ природы, достигаемъ мы до того конца, которой освобождаетъ насъ отъ всѣхъ сихъ безпокойствъ, нещастій и суетъ, изводитъ насъ отъ того свѣта, гдѣ даже всѣ блага наши суть растворенны нѣкоей горестью, а злы наши суть часты, то не должны ли мы, естьли не возрадоваться, по крайней мѣрѣ, съ терпѣніемъ и безъ ропоту вкусить неизбѣжныя чаши, изготовленной всѣмъ смертнымъ, и не почитать сіе какимъ зломъ? ибо ничто Богомъ не содѣлано ко злу, но къ благу; и сей Отецъ милосердый, создавшій насъ, питающій, снабжевающій, отъ коего все благо зависитъ, конечно бы не учинилъ сего часу, естьли бы онъ въ самомъ дѣлѣ не былъ благъ и полезенъ роду человѣческому.

III

Приступаю къ третьему вопросу. Какъ умираемъ? Я уже выше сказалъ, что умираемъ мы безболѣзненно; ибо сохраненіе и лишеніе чювствъ не можетъ быть въ единое время. Но со всѣмъ тѣмъ

чювствованіе, что мы изъ бытія въ небытіе преходимъ, дѣлаетъ ужесть душѣ нашей. Является, что сіе есть чювствіе естественное души нашей, омраченной соединеніемъ ея съ тѣломъ, почему она и не можетъ яснаго понятія о самой безсмертности своей имѣть. Ибо не душевное чювствованіе, но разсудокъ нашъ, увѣряетъ душу нашу въ ея безсмертіи. Но какъ остается, однако, въ ней ощущеніе ея безсмертія, то представленіе какого уничтоженія ея бытія ее возмущаетъ? Но, оставя безсмертіе души, основанное на философическихъ доказательствахъ и на преданіи святыя нашея Вѣры (ибо не богословскій трудъ пишу), представимъ хотя себѣ, что смертію въ ничто обращаемся. То и въ семъ случаѣ я не знаю, чего трепетать. Естьли я довольно доказалъ, что время нашего житья нѣсть иное что, какъ трудъ и болѣзнь, то, кажется, и самое уничтоженіе не страшно; потому что естьли лишаемся мы имъ какихъ удовольствій, лишаемся тогда же и всѣхъ злоключеній, которыхъ, конечно, болѣе въ свѣтѣ есть. Страждущій въ болѣзни, или въ тяжкой работѣ находящійся рабъ, не съ удовольствіемъ ли ожидаетъ, чтобъ сонъ чювства его успокоилъ? Не щастливыми ли щитаетъ тѣ минуты, когда, погруженный во снѣ, лишенъ пребываетъ своихъ чювствій? То страшливые смерти почтите, что вы засыпаете на неизвѣстное вамъ время, или навѣкъ; почтите, что естьли симъ крѣпкимъ сномъ вы лишаетесь малыхъ благъ, лишаетесь и большихъ золъ. Естьли вы лишаетесь безконечныхъ вашихъ мірскихъ надеждъ, зависящихъ отъ щастія, лишаетесь и всѣхъ нещастій, которыя васъ могутъ постигнуть.

Но коль превосходно долженъ тотъ въ бодрости укрѣпиться при семъ послѣднемъ часѣ, который есть увѣренъ въ безсмертіи души и въ правосудіи и милосердіи своего Создателя; который вѣкъ свой направлялъ, колико могъ, по его закону; который въ смертномъ часѣ не иное что зритъ, какъ преселеніе въ лутчее состояніе того, что прямо его существо составляетъ; не съ дерзостію, однако, полагаетъ сію надежду, но утверждаяся наиболѣе на благости Божіей. Упоенный такими чювствіями человѣкъ, конечно, возрадуется о приближеніи того часу, которой, разрѣша души его бренныя узы, есть путь къ приближенію до вышняго естества. Се есть истинная побѣда вѣры, иже и надъ самою смертію восторжествуетъ.

КНЯЗЬ М. М. ЩЕРБАТОВЪ.

РАЗНЫЯ РАЗСУЖДЕНІЯ

О

ПРАВЛЕНІИ.

1. Вообще о правленіи.

Хотя человѣкъ и снабденъ даромъ разума, что бы долженствовало всегда его вести на прямой путь, по главностямъ добродѣтели, иже суть изображены въ его сердцѣ, но такъ какъ одаренная разумомъ тварь, могущая принимать разныя изображенія, сіи чуждыя вещи толикое дѣйствіе въ немъ произвели, что нынѣшній человѣкъ не таковъ ужъ, каковъ отъ естества сотворенъ, но таковъ, каково воспитаніе, разныя предоосужденіи и изображенія часто несправедливыя его сочинили, и счастливъ тотъ, кто между сего тернія можетъ разсмотрѣть хорошую траву, которая подавлена суть.

Сіе поврежденіе разума человѣческаго есть причина, что никакое сообщество, хотя мало оно многочисленно, не можетъ пребывать безъ нѣкоторыхъ правилъ и законовъ, которые каждаго поступокъ установляютъ, и безъ одного или многихъ опредѣленныхъ персонъ, дабы принуждать оныя исполнять и надзирать надъ исполненіемъ. Сіе сочинило разные роды правленія, монаршическое, которое отъ патріаршескаго правленія начало свое имѣетъ; деспотическое иль самовластное, введенное мучителями, аристократическое и демократическое, о коихъ можно мнить, что они произведены неудовольствіемъ вельможъ, иль всего народа, правленіемъ сихъ деспотовъ,

которые по тому, колико они имѣли участіе въ сихъ премѣненіяхъ, болѣе или менѣе участія въ правленіи взяли.

Всѣ сіи правленіи (окромя самовластнаго) имѣютъ ихъ полезности и пороки; часто монархія премѣняется въ самовластіе иль во ужаснѣйшее мучительство, аристократія весьма утѣсняетъ подлой народъ, демократія производитъ безпорядки и смущенія, которыя иногда и самаго государства погибель приключаютъ. И такъ можно сказать, что несть ничего совершеннаго въ дѣлахъ человѣческихъ; но понеже совершенство намъ не дано въ удѣлъ, то будемъ, по крайней мѣрѣ, стараться отъ пороковъ избѣжать.

2. ПРАВЛЕНІЕ МОНАРШИЧЕСКОЕ.

Понеже монаршическое правленіе имѣетъ свое начало отъ правленія патріарховъ иль отцовъ фамилій, тутъ Государь, по избранію ли, иль по праву рожденія, на престолъ бываетъ возведенъ, долженъ не толь себя почитать Царемъ народа, которой управляемъ, какъ отцомъ, а они себя его дѣтьми считать. Онъ есть ихъ покровитель, защитникъ судія и проч. И яко въ правленіи каждаго рода хотя вышняя власть и въ персонѣ единаго отца пребываетъ, однако и тотъ въ важныхъ дѣлахъ спрашиваетъ совѣту у старѣйшихъ, иль мудрѣйшихъ, своихъ дѣтей, то тѣмъ найвяще, понеже въ монаршическомъ правленіи болѣе важныхъ дѣлъ случается, и что когда же надлежитъ сохранить установленные уже законы, иль новые установить для благополучія народовъ; не необходимо ли нужно Государю имѣть совѣтъ, сочиненной изъ мудрѣйшихъ и болѣе знанія имѣющихъ въ дѣлахъ, людей его народа, которые должны ему представлять то, что можетъ служить къ щастію государствъ, и отсовѣтовать колико возможно въ вещахъ, предосудительныхъ государству и клонящихся къ самовластію.

И тако я щитаю за величайшаго и щастливѣйшаго между Монарховъ того, которой, почитая себя отцомъ своего народа, не старается, отвергая законы, ввести самовластіе, не раздѣляетъ свои интересы съ интересами государства, знаетъ великое искуство избирать себѣ въ совѣтники таковыхъ людей, которые сопрягаютъ усердіе къ ихъ Государю съ любовію къ отечеству и къ законамъ. Но коль мало есть таковыхъ Монарховъ, которые, имѣя уже вышнюю власть, бывъ склонены честолюбіемъ, разными страстьми, а наче

симъ адкимъ * чудовищемъ (то есть, лестію придворныхъ), не покушаются достигнуть до самовластія! Коль же мало есть и Министровъ, которые бы по слѣпой любви къ Государю, а болѣе для собственной ихъ корысти, не готовы бъ были ему въ томъ помогать, иль бы могли сопротивляться блистанію злата и достоинствъ! Такъ же мало и народовъ, которые бы не хотѣли простерть ихъ привилегіи чрезъ уменьшеніе власти и доходовъ Государя.

3. О Аристократическомъ правленіи.

Аристократическое правленіе, по моему мнѣнію, установилось чрезъ нѣкоторые возмущеніи, сочиненныя главными фамиліями, которыя, видя, что монархія зачала въ самовластіе премѣняться, выдумали другой родъ правленія, сирѣчъ, такой, въ которомъ власть ввѣрена нѣкоторому числу людей, отличныхъ ихъ достоинствами и лѣтами. Съ перваго взгляду нѣсть ничего прекраснѣе главностей сего правленія: тутъ мудрѣйшіе люди сочиняютъ Сенатъ; не по своенравіямъ единаго, но по здравому разсужденію разумнѣйшихъ мужей государства дѣла теченіе свое имѣютъ. Учиненные проекты Государемъ, толь подверженны къ премѣненіямъ, наслѣдникомъ его не оставляются, иль и самой премѣною его мыслей, понеже сей Сенатъ есть безсмертенъ и непоколебимъ; тутъ каждой не ожидаетъ награжденій и не страшится наказаній, какъ токмо по мѣрѣ услугъ его государству. Сіи достойные вожди народовъ, трудяся для пользы отечества, сопрягаютъ пользы ихъ родовъ съ пользою республики, которою управляютъ; законы тутъ не премѣняются для пользы, иль своенравія единаго: понеже равность между членовъ Сената производитъ сопротивленіе; лесть, сіе адское чудовище, не имѣетъ власти въ таковомъ правленіи; команда армій лишь храбрѣйшимъ и искуснѣйшимъ препоручается, а не пронырливѣйшимъ придворнымъ. Юноши, воспитанныя въ добродѣтели, желая достигнуть до подобнаго достоинства въ правленіи, побуждены похвальнымъ честолюбіемъ, стараются добродѣтелями и заслугами своими достойными учиниться.

Вотъ вкратцѣ изображеніе съ единой страны сего правленія, которое бы можно почесть совершеннымъ, естьли бы люди могли укро-

---

* Т. е., адскимъ.

щать ихъ страсти: но сія толь мудрая форма правленія, какова она, естьли её въ тонкость разсмотрѣть? Сіи толь удрые люди, сочиняющіе Сенатъ, такъ же бываютъ заражены честолюбіемъ и собственною къ себѣ любовію; каждой, хотя и равенъ въ Сенатѣ, однако хотѣлъ бы властвовать, и чтобы его голосу предпочтительно предъ другими послѣдовали. Сіе раждаетъ происки, партіи, ненависти и другія злы, иже суть не отдѣльны отъ сихъ страстей. Хотя дѣла и рѣшатся по большему числу голосовъ, однако большее число не всегда лучшее бываетъ; хотя проекты и не толь легко премѣняются, но разные происходящія споры, въ которыхъ каждой хочетъ содержать свое мнѣніе, и чрезъ препятствія, которыя чинить, естьли то противу его мнѣнія опредѣлится, толь медлѣютъ, что часто оные въ ничто обращаются. Предпочитая пользы своихъ родовъ интересамъ государства, стараются учинить вѣчными въ ихъ домахъ достоинствы и богатствы со исключеніемъ другихъ, и утѣсняя подлоїі народъ, которой нигдѣ столь не нещастливъ, какъ подъ аристократическимъ правленіемъ. Хотя благіе законы не толь легко премѣняются для прибытку и честолюбія единаго, для самой той же причины вредные, въ которыхъ многіе члены Сената себѣ пользу обрѣтаютъ, и столь легко отвергнуты бываютъ. Коль лесть отъ нижняго къ вышнему въ семъ родѣ правленія не обрѣтается, другой родъ лести, иже есть, дабы возмочь кого привлечь въ свою сторону, между членовъ Сената бываетъ, а первая отъ подлаго народа вельможамъ для пріобрѣтенія ихъ покровительства. Хотя команда арміи лишь достойнымъ людямъ поручается, однако, окромя, что сіе правило есть не безъ исключенія, обыкновенная тихость въ разсужденіяхъ и исполненіи чинитъ, что часто лишь разсуждаютъ тогда, когда уже дѣйствовать надлежитъ, Юношество, правда, побуждаемо знатнымъ честолюбіемъ, старается своими добродѣтелями и великими дѣлами пріобрѣсти себѣ достоинствы, но весьма часто сіе лишь маска, которую употребляютъ для прикрытія своего неумѣреннаго честолюбія.

Я уже не говорю о сихъ заразахъ правленія аристократическаго, которыя, льстя народъ, усиливаются или дѣлать смущенія, иль достигнуть до мучительства, къ чему рѣдкое республиканское правленіе не подвергнуто; и о маломъ обрѣтающемся послушаніи отъ нижнихъ, когда они находятся подъ покровительствомъ въ родствѣ кому изъ великаго числа управляющихъ республику; ни о неудоволь-

ствіи народа, которой, бывъ часъ отъ часу болѣе утѣсняемъ отъ вельможъ, ищетъ случаю низвергнуть съ себя иго ихъ, и себя отмстить, хотя съ подверженіемъ произвести междоусобную войну и все государство въ смущеніе и безпорядокъ привести.

4. О ДЕМОКРАТИЧЕСКОМЪ ИЛИ НАРОДНОМЪ ПРАВЛЕНІИ.

Тѣ же причины, которыя подали случаи премѣнить монархію во аристократію, сирѣчь, мучительство государей вельможамъ, были причиною установленія народнаго правленія, то есть, мучительства вельможъ подлому народу. Иногда неравной раздѣлъ земель, яко во Аѳинахъ, иногда утѣсненіе должникамъ, яко въ Римѣ, иль какія другія причины принудили плебіанъ (дабы употребить обыкновенное имянованіе въ Римской республикѣ) принять оружіе и сравняться съ ихъ утѣснителями, какъ въ правѣ разсуждать о дѣлахъ государственныхъ, такъ и въ правѣ происходить въ достоинствы. Демократическое правленіе съ перваго взгляду является быть сходственнѣйшее съ естественнымъ закономъ; понеже, бывъ всѣ рождены отъ единого отца, не всѣ ли имѣютъ справедливость требовать сію равность состояній, которая является изгнанна изъ сообществъ? Но, разсмотря сіе съ другой страны, нѣсть ничего непостояннѣе сего правленія; оно снѣдаетъ свои нѣдры, раздѣляяся въ разныя партіи, которыя разные смутные поджигаютъ, яко корабль на волнующемся морѣ хотя часто искуствомъ кормщика отъ потопленія избѣгаетъ, но чаще еще и погибаетъ иногда и у самой пристани. Понеже, окромя обыкновеннаго пороку медленности, общаго всѣмъ республикамъ, никакое государственное таинство скрываться не можетъ, бывъ сообщаемо всему народу: издержки, весьма нужныя и необходимыя для государства, бываютъ соблюдены для того, что народъ не хочетъ новые наклады на себя наложить; люди справедливаго обычаю и непріятели лести, не токмо презрѣны остаются, но и гоненіе претерпѣваютъ; вмѣсто что люди лукавые, пронырливые, которые за правило ихъ поступка не добродѣтель и справедливость почитаютъ, но ихъ собственной прибытокъ, яко Силла, Цесарь, Августъ, Алцибіадъ, Периклесъ, и другіе, суть почтены и любимы. Тщетно несправедливо обвиняемой человѣкъ, надѣясь на свою добродѣтель и справедливость, мнитъ избѣжать отъ казни; довольно ему имѣть дву смутныхъ непріятелей, дабы осуждену быть, вмѣсто что преступникъ не теряетъ надежды, чтобы съ помощію

6

хорошаго ритора, которой пріятнымъ чарованіемъ своего краснорѣчія умѣетъ разжалобить народъ и затмить законы, быть оправданъ симъ смутнымъ собраніемъ. Любовь народа непостояннѣе его ненависти; они безъ всякаго зазрѣнія совѣсти казнятъ того, которой за нѣсколько дней предъ тѣмъ былъ избавителемъ отечества почитаемъ; и часто изгнанной съ безчестіемъ человѣкъ возвращается въ свое отечество при восклицаніяхъ сего самаго народа, которой недавно ему неприятель былъ. Учиненныя заслуги не далѣе въ памяти пребываютъ, какъ толико времяни, колико они шумъ производятъ; проходитъ ли нѣсколько времяни безъ какого новаго знатнаго дѣла, то заслуги забываются, а часто и наказаны бываютъ.

5. О САМОВЛАСТІИ.

Я не знаю, можно ли по справедливости самовластіе имянемъ правленія имяновать, понеже сіе есть мучительство, въ которомъ нѣтъ иныхъ законовъ и иныхъ правилъ, окромя безумныхъ своенравій деспота (самовладѣтеля). Вмѣсто что въ монархіи государь есть для народа, въ самовластномъ правленіи народъ является быть здѣланъ для государя. Тщетно естество истощитъ свои сокровищи для произведенія деспота, одареннаго всѣми возможными добродѣтельми, въ семъ родѣ правленія однако онъ весьма мало блага народу здѣлаетъ, естьли не испровергнетъ самовластіе; вмѣсто что нещастіе и злоключеніе народа почти вездѣ послѣдуютъ поступкамъ такого государя. Воюетъ ли онъ, миръ ли заключаетъ, никогда ни въ чемъ о пользахъ народа не стараются, но болѣе имѣютъ въ предметѣ честолюбіе, иль своенравіе государя; сочиняетъ ли благіе законы, народъ не имѣетъ причины радоваться, понеже въ его самоизволеніи состоитъ ихъ отвергнуть, иль и оставя ихъ, пребывать, нарушать ихъ, когда ему угодно, ради всѣхъ тѣхъ, для кого онъ восхочетъ. И дѣйствительно, какіе законы могутъ быть полезны для такого народа, которой, я уже не упоминаю о дарованіяхъ щастія, но и самую жизнь имѣетъ токмо тогда, пока угодно ихъ деспоту дозволить имъ оной пользоваться, и навсегда лишены величайшаго дара природы, то есть, вольности? Возможетъ ли что ужаснѣе быть, какъ видѣть милліоны людей, сравненныхъ съ скотами, которые работаютъ лишь для единого, и для его визиря и фаворита, которой, бывъ рожденъ въ неволѣ, достигъ до милости Государя лишь чрезъ

мерзкую лесть и подлость, требуетъ, чтобы другіе ему подобное же почтеніе воздавали и дѣлали бы для него то же, что онъ, для сохраненія своего случая, дѣлаетъ? Тщетно человѣкъ, утвержденной въ добродѣтельныхъ склонностяхъ, надѣется достигнуть до нѣкотораго достоинства, понеже всегда льстецы ему пресѣкаютъ дорогу, и недовольно того, что препятствуютъ ему произойтить, становятся его изгонителями, по единной токмо той причинѣ, что онъ является своею добродетелью ихъ укорять въ ихъ преступленіяхъ. Какое можетъ воинъ награжденіе ожидать за свою храбрость и доброй поступокъ, когда тотъ, кто по государѣ милости разливаетъ часто не болѣе что, какъ токмо шутъ, а почти всегда человѣкъ воспитанной при Дворѣ и знаетъ войну лишь по наслышкѣ одной? Имѣетъ ли право справедливой судья требовать награжденія за его непристрастное правосудіе, когда разливатель оныхъ не токмо ни какого знанія въ правахъ не имѣетъ, но часто насилу и азбуку помнитъ, и имѣетъ нужду, чтобы ему давали для удовольствованія его сластолюбія и лѣности? Такимъ образомъ, подъ симъ правленіемъ народъ стонетъ въ неволѣ, воинъ болѣе старается угодить, нежель дѣлать свою должность, судья продаетъ правосудіе для удовольствованія сребролюбія временщика, духовнаго чину человѣкъ безъ твердости, вмѣсто наставленій, лишь панегирики сочиняетъ, торговля ослабѣваетъ, науки, сіи украшенія разума, не имѣя вольности мыслить, бѣгутъ сихъ мѣстъ, искать благорастворениѣйшихъ воздуховъ.

6. О ПРАВАХЪ НАРОДОВЪ ПОДЪ СИМИ РАЗНЫМИ ПРАВЛЕНІЯМИ.

Понеже ничто болѣе дѣйствія не имѣетъ надъ нравами человѣческими, какъ воспитаніе, и какъ воспитаніе разнствуетъ по разнымъ родамъ правленія, и такъ подъ всякимъ правленіемъ народъ имѣетъ особливые нравы, болѣе иль меньше сходственные съ законами государства. Такимъ образомъ въ монархіи люди честолюбивы, во аристократіи горды и тверды, въ демократіи смутнолюбивы и увертчивы, въ самовластномъ же правленіи подлы и низки.

7. О ЗАКОНАХЪ.

Понеже никакое сообщество не можетъ быть безъ нѣкоторыхъ правилъ или законовъ, то и обрѣтаютъ великое множество законо-

дѣла, иногда и запутанныя, и они при возмуженіи въ лутчемъ состояніи себя нашли, нежели когда родители ихъ бывали. Вдовы хотя не могли содѣлать толико прибыли, но, по крайней мѣрѣ, бережливостію своею то наградили. Юноши, не имѣя надежды на родителя, искали достоинствами своими по службѣ себѣ щастіе получить. Правда, что много можно представить и противныхъ сему примѣровъ, гдѣ во всѣхъ частяхъ свѣтскаго щастія кончиною родителя дѣти потеряли, но какія? Такія, которыя, надѣясь на родительское защищеніе по службѣ и по должностямъ своимъ, ни къ чему не прилежали, пока достойной, или случайной, родитель ихъ поддерживалъ, по тѣхъ мѣстъ недостоинствы ихъ закрывались, но, вмѣстѣ съ смертію того, и всѣ пороки ихъ явны всѣмъ стали. Другіе, которые при родителяхъ своихъ накопили множество тайныхъ долговъ, вскорѣ оставленное родителемъ имѣніе размотали, то сему уже не смерть родителя притчиной, но худые нравы сихъ, которые бы долго ли, или бы коротко, всегда въ такіе проступки ввалились, и тѣмъ бы неисправнѣе, что молодой можетъ очювствоваться, а заматерѣвшій въ порокѣ никогда, да и некогда будетъ.

Но за всѣмъ симъ предѣлъ положенъ, его же прейтить не возможно, что всякій родившійся долженъ умереть: страшливый смерти человѣкъ тужитъ, что оставляетъ дѣтей, родственниковъ и друзей своихъ; но тужитъ онъ, зная, что и они, долго ли, или коротко, ту же судьбину вкусить должны. А потому, естьли онъ не умретъ прежде, то тѣ должны прежде его жизни лишиться; естьли прямую имѣетъ къ нимъ любовь, возжелаетъ ли онъ быть погребателемъ всѣхъ себѣ любимыхъ? Возжелаетъ ли при старости дней своихъ, яко другова вѣку человѣкъ оставшійся одинъ, по гробахъ и пеплахъ ихъ, смоченныхъ его слезами, безъ помощи и безъ сожалѣнія проживши въ горести послѣдніе дни своея жизни, воздать послѣдній долгъ природѣ? Да воззритъ кто именитой, кои найболѣе ощущаютъ страхъ смерти, на множество потретовъ его предковъ, служащихъ украшеніемъ его комнатамъ: они безмолственно ему вѣщаютъ, что жили и умерли, и что онъ къ той же судьбѣ долженъ изготовляться; да отгнавъ мірскія мысли, войдетъ таковый въ ту свою комнату: онъ узритъ въ ней не украшенія, но погребательные знаки, показующіе тлѣнность естества человѣческаго.

Но воззримъ, чего лишаемся изъ благъ свѣта? Да разсмотритъ каждый человѣкъ прилежно свою жизнь, да исчислитъ всѣ свои приключенія съ самаго своего младенчества; болѣзни, которыя его

отягощали; труды, которые онъ подъялъ; огорченія, которыя онъ въ домѣ своемъ и внѣ имѣлъ; слезы, которыя онъ по ближнимъ своимъ изліялъ; неудачи во многихъ его предпріятіяхъ, неправосудія и гоненія, которыя претерпѣлъ, и наконецъ недостатки, которые его отягощали; да исчислитъ, говорю я, то сколько найдется такихъ дней, которые онъ спокойствіемъ и удовольствіемъ чистымъ пользовался? Не скажутъ ли многіе, что оно имъ почти незнаемо есть, и естьли когда его они ощущали, то сіе было подобно лучю солнечному, на краткое время являющемуся изъ среди грозныхъ тучъ; или блеску молніи, въ единое мгновеніе являющейся и въ единое мгновеніе исчезающей. Господинъ Монтескье, говоря о самоубійцахъ, ни какъ не удивляется дерзновенію ихъ. Онъ говоритъ, что сіе есть дѣло, отъ исчисленія зависящее; что естьли человѣкъ найдетъ по исчисленію, что то, что онъ претерпитъ, разставшись съ свѣтомъ, есть менѣе оного, что онъ претерпитъ, оставаясь на свѣтѣ, то естественно изберетъ себѣ то, гдѣ меньше надѣется претерпѣть. Симъ я, однако, не побуждаю кого къ самоубійству; ибо не сказалъ я однако, какъ и Господинъ Монтескье, чтобы учинено было сравненіе съ тѣмъ, что потерястъ; а потеря дѣйствительно есть ненаградимая, то есть, потеря своей должности съ терпѣніемъ сносить то состояніе, въ которое Богъ насъ предопредѣлилъ; потеря, которую уже мы наградить ни какъ не можемъ, ибо лишася жизни, преступленіи наши не исправляемы становятся. Но когда не нашимъ преступленіемъ, но порядкомъ природы, достигаемъ мы до того конца, которой освобождаетъ насъ отъ всѣхъ сихъ безпокойствъ, нещастій и суетъ, изводитъ насъ отъ того свѣта, гдѣ даже всѣ блага наши суть растворенны нѣкоей горестью, а злы наши суть часты, то не должны ли мы, естьли не возрадоваться, по крайней мѣрѣ, съ терпѣніемъ и безъ ропоту вкусить неизбѣжныя чаши, изготовленной всѣмъ смертнымъ, и не почитать сіе какимъ зломъ? ибо ничто Богомъ не содѣлано ко злу, но къ благу; и сей Отецъ милосердый, создавшій насъ, питающій, снабжевающій, отъ коего все благо зависитъ, конечно бы не учинилъ сего часу, естьли бы онъ въ самомъ дѣлѣ не былъ благъ и полезенъ роду человѣческому.

III

Приступаю къ третьему вопросу. Какъ умираемъ? Я уже выше сказалъ, что умираемъ мы безболѣзненно; ибо сохраненіе и лишеніе чювствъ не можетъ быть въ единое время. Но со всѣмъ тѣмъ

чювствованіе, что мы изъ бытія въ небытіе преходимъ, дѣлаетъ ужесть душѣ нашей. Является, что сіе есть чювствіе естественное души нашей, омраченной соединеніемъ ея съ тѣломъ, почему она и не можетъ яснаго понятія о самой безсмертности своей имѣть. Ибо не душевное чювствованіе, но разсудокъ нашъ, увѣряетъ душу нашу въ ея безсмертіи. Но какъ остается, однако, въ ней ощущеніе ея безсмертія, то представленіе какого уничтоженія ея бытія ее возмущаетъ? Но, оставя безсмертіе души, основанное на философическихъ доказательствахъ и на преданіи святыя нашея Вѣры (ибо не богословскій трудъ пишу), представимъ хотя себѣ, что смертію въ ничто обращаемся. То и въ семъ случаѣ я не знаю, чего трепетать. Естьли я довольно доказалъ, что время нашего житья нѣсть иное что, какъ трудъ и болѣзнь, то, кажется, и самое уничтоженіе не страшно; потому что естьли лишаемся мы имъ какихъ удовольствій, лишаемся тогда же и всѣхъ злоключеній, которыхъ, конечно, болѣе въ свѣтѣ есть. Страждущій въ болѣзни, или въ тяжкой работѣ находящійся рабъ, не съ удовольствіемъ ли ожидаетъ, чтобъ сонъ чювства его успокоилъ? Не щастливыми ли щитаетъ тѣ минуты, когда, погруженный во снѣ, лишенъ пребываетъ своихъ чювствій? То страшливые смерти почтите, что вы засыпаете на неизвѣстное вамъ время, или навѣкъ; почтите, что естьли симъ крѣпкимъ сномъ вы лишаетесь малыхъ благъ, лишаетесь и большихъ золъ. Естьли вы лишаетесь безконечныхъ вашихъ мірскихъ надеждъ, зависящихъ отъ щастія, лишаетесь и всѣхъ нещастій, которыя васъ могутъ постигнуть.

Но коль превосходно долженъ тотъ въ бодрости укрѣпиться при семъ послѣднемъ часѣ, который есть увѣренъ въ безсмертіи души и въ правосудіи и милосердіи своего Создателя; который вѣкъ свой направлялъ, колико могъ, по его закону; который въ смертномъ часѣ не иное что зритъ, какъ преселеніе въ лутчее состояніе того, что прямо его существо составляетъ; не съ дерзостію, однако, полагаетъ сію надежду, но утверждаяся найболѣе на благости Божіей. Упоенный такими чювствіями человѣкъ, конечно, возрадуется о приближеніи того часу, которой, разрѣша души его бренные узы, есть путь къ приближенію до вышняго естества. Се есть истинная побѣда вѣры, иже и надъ самою смертію восторжествуетъ.

КНЯЗЬ М. М. ЩЕРБАТОВЪ.

РАЗНЫЯ РАЗСУЖДЕНІЯ

О

ПРАВЛЕНІИ.

---

1. ВООБЩЕ О ПРАВЛЕНІИ.

Хотя человѣкъ и снабденъ даромъ разума, что бы долженствовало всегда его вести на прямой путь, по главностямъ добродѣтели, иже суть изображены въ его сердцѣ, но такъ какъ одаренная разумомъ тварь, могущая принимать разныя изображенія, сіи чуждыя вещи толикое дѣйствіе въ немъ произвели, что нынѣшній человѣкъ не таковъ ужъ, каковъ отъ естества сотворенъ, но таковъ, каково воспитаніе, разныя предоосужденія и изображенія часто несправедливыя его сочинили, и счастливъ тотъ, кто между сего тернія можетъ разсмотрѣть хорошую траву, которая подавлена суть.

Сіе повреждение разума человѣческаго есть причина, что никакое сообщество, хотя мало оно многочисленно, не можетъ пребывать безъ нѣкоторыхъ правилъ и законовъ, которые каждаго поступокъ установляютъ, и безъ одного или многихъ опредѣленныхъ персонъ, дабы принуждать оныя исполнять и надзирать надъ исполненіемъ. Сіе сочинило разные роды правленія, монаршическое, которое отъ патріаршескаго правленія начало свое имѣетъ; деспотическое иль самовластное, введенное мучителями, аристократическое и демократическое, о коихъ можно мнить, что они произведены неудовольствіемъ вельможъ, иль всего народа, правленіемъ сихъ деспотовъ,

которые по тому, колико они имѣли участіе въ сихъ премѣненіяхъ, болѣе или менѣе участія въ правленіи взяли.

Всѣ сіи правленіи (окромя самовластнаго) имѣютъ ихъ полезности и пороки; часто монархія премѣняется въ самовластіе иль во ужаснѣйшее мучительство, аристократія весьма утѣсняетъ подлой народъ, демократія производитъ безпорядки и смущенія, которыя иногда и самаго государства погибель приключаютъ. И такъ можно сказать, что несть ничего совершеннаго въ дѣлахъ человѣческихъ; но понеже совершенство намъ не дано въ удѣлъ, то будемъ, по крайней мѣрѣ, стараться отъ пороковъ избѣжать.

2. ПРАВЛЕНІЕ МОНАРШИЧЕСКОЕ.

Понеже монаршическое правленіе имѣетъ свое начало отъ правленія патріарховъ иль отцовъ фамилій, тутъ Государь, по избранію ли, иль по праву рожденія, на престолъ бываетъ возведенъ, долженъ не толь себя почитать Царемъ народа, которой управляемъ, какъ отцомъ, а они себя его дѣтьми считать. Онъ есть ихъ покровитель, защитникъ судія и проч. И яко въ правленіи каждаго рода хотя вышняя власть и въ персонѣ единаго отца пребываетъ, однако и тотъ въ важныхъ дѣлахъ спрашиваетъ совѣту у старѣйшихъ, иль мудрѣйшихъ, своихъ дѣтей, то тѣмъ найвяще, понеже въ монаршическомъ правленіи болѣе важныхъ дѣлъ случается, и что когда же надлежитъ сохранить установленные уже законы, иль новые установить для благополучія народовъ; не необходимо ли нужно Государю имѣть совѣтъ, сочиненной изъ мудрѣйшихъ и болѣе знанія имѣющихъ въ дѣлахъ, людей его народа, которые должны ему представлять то, что можетъ служить къ щастію государствъ, и отсовѣтовать колико возможно въ вещахъ, предосудительныхъ государству и клонящихся къ самовластію.

И тако я щитаю за величайшаго и щастливѣйшаго между Монарховъ того, которой, почитая себя отцомъ своего народа, не старается, отвергая законы, ввести самовластіе, не раздѣляетъ свои интересы съ интересами государства, знаетъ великое искуство избирать себѣ въ совѣтники таковыхъ людей, которые сопрягаютъ усердіе къ ихъ Государю съ любовію къ отечеству и къ законамъ. Но коль мало есть таковыхъ Монарховъ, которые, имѣя уже вышнюю власть, бывъ склонены честолюбіемъ, разными страстьми, а паче

симъ адскимъ * чудовищемъ (то есть, лестію придворныхъ), не покушаются достигнуть до самовластія! Коль же мало есть и Министровъ, которые бы по слѣпой любви къ Государю, а болѣе для собственной ихъ корысти, не готовы бъ были ему въ томъ помогать, иль бы могли сопротивляться блистанію злата и достоинствъ! Такъ же мало и народовъ, которые бы не хотѣли простерть ихъ привилегіи чрезъ уменьшеніе власти и доходовъ Государя.

3. О АРИСТОКРАТИЧЕСКОМЪ ПРАВЛЕНІИ.

Аристократическое правленіе, по моему мнѣнію, установилось чрезъ нѣкоторые возмущеніи, сочиненныя главными фамиліями, которыя, видя, что монархія зачала въ самовластіе премѣняться, выдумали другой родъ правленія, сирѣчь, такой, въ которомъ власть ввѣрена нѣкоторому числу людей, отличныхъ ихъ достоинствами и лѣтами. Съ перваго взгляду нѣсть ничего прекраснѣе главностей сего правленія: тутъ мудрѣйшіе люди сочиняютъ Сенатъ; не по своенравіямъ единаго, но по здравому разсужденію разумнѣйшихъ мужей государства дѣла теченіе свое имѣютъ. Учиненные проекты Государемъ, толь подверженны къ премѣненіямъ, наслѣдникомъ его не оставляются, иль и самой премѣною его мыслей, понеже сей Сенатъ есть безсмертенъ и непоколебимъ; тутъ каждой не ожидаетъ награжденій и не страшится наказаній, какъ токмо по мѣрѣ услугъ его государству. Сіи достойные вожди народовъ, трудяся для пользы отечества, сопрягаютъ пользы ихъ родовъ съ пользою республики, которою управляютъ; законы тутъ не премѣняются для пользы, иль своенравія единаго: понеже равность между членовъ Сената производитъ сопротивленіе; лесть, сіе адское чудовище, не имѣетъ власти въ таковомъ правленіи: команда армій лишь храбрѣйшимъ и искуснѣйшимъ препоручается, а не пронырливѣйшимъ придворнымъ. Юноши, воспитанныя въ добродѣтели, желая достигнуть до подобнаго достоинства въ правленіи, побуждены похвальнымъ честолюбіемъ, стараются добродѣтелями и заслугами своими достойными учиниться.

Вотъ вкратцѣ изображеніе съ единой страны сего правленія, которое бы можно почесть совершеннымъ, естьли бы люди могли укро-

---

* Т. е., адскимъ.

щать ихъ страсти: но сія толь мудрая форма правленія, какова она, естьли ее въ тонкость разсмотрѣть? Сіи толь удрые люди, сочиняющіе Сенатъ, такъ же бываютъ заражены честолюбіемъ и собственною къ себѣ любовію; каждой, хотя и равенъ въ Сенатѣ, однако хотѣлъ бы властвовать, и чтобы его голосу предпочтительно предъ другими послѣдовали. Сіе раждаетъ происки, партіи, ненависти и другія злы, иже суть не отдѣльны отъ сихъ страстей. Хотя дѣла и рѣшатся по большему числу голосовъ, однако большее число не всегда лучшее бываетъ; хотя проекты и не толь легко премѣняются, но разные происходящія споры, въ которыхъ каждой хочетъ содержать свое мнѣніе, и чрезъ препятствія, которыя чинить, естьли то противу его мнѣнія опредѣлится, толь медлѣютъ, что часто оные въ ничто обращаются. Предпочитая пользы своихъ родовъ интересамъ государства, стараются учинить вѣчными въ ихъ домахъ достоинствы и богатствы со исключеніемъ другихъ, и утѣсняя подлой народъ, которой нигдѣ столь не нещастливъ, какъ подъ аристократическимъ правленіемъ. Хотя благіе законы не толь легко премѣняются для прибытку и честолюбія единаго, для самой той же причины вредные, въ которыхъ многіе члены Сената себѣ пользу обрѣтаютъ, и столь легко отвергнуты бываютъ. Коль лесть отъ нижняго къ вышнему въ семъ родѣ правленія не обрѣтается, другой родъ лести, иже есть, дабы возмочь кого привлечь въ свою сторону, между членовъ Сената бываетъ, а первая отъ подлаго народа вельможамъ для пріобрѣтенія ихъ покровительства. Хотя команда арміи лишь достойнымъ людямъ поручается, однако, окромя, что сіе правило есть не безъ исключенія, обыкновенная тихость въ разсужденіяхъ и исполненіи чинитъ, что часто лишь разсуждаютъ тогда, когда уже дѣйствовать надлежитъ, Юношество, правда, побуждаемо знатнымъ честолюбіемъ, старается своими добродѣтелями и великими дѣлами пріобрѣсти себѣ достоинствы, но весьма часто сіе лишь маска, которую употребляютъ для прикрытія своего неумѣреннаго честолюбія.

Я уже не говорю о сихъ заразахъ правленія аристократическаго, которыя, льстя народъ, усиливаются или дѣлать смущенія, иль достигнуть до мучительства, къ чему рѣдкое республиканское правленіе не подвергнуто; и о маломъ обрѣтающемся послушаніи отъ нижнихъ, когда они находятся подъ покровительствомъ въ родствѣ кому изъ великаго числа управляющихъ республику; ни о неудоволь-

ствіи народа, которой, бывъ часъ отъ часу болѣе утѣсняемъ отъ вельможъ, ищетъ случаю низвергнуть съ себя иго ихъ, и себя отмстить, хотя съ подверженіемъ произвести междоусобную войну и все государство въ смущеніе и безпорядокъ привести.

4. О ДЕМОКРАТИЧЕСКОМЪ ИЛИ НАРОДНОМЪ ПРАВЛЕНІИ.

Тѣ же причины, которыя подали случаи премѣнить монархію во аристократію, сирѣчь, мучительство государей вельможамъ, были причиною установленія народнаго правленія, то есть, мучительства вельможъ подлому народу. Иногда неравной раздѣлъ земель, яко во Аѳинахъ, иногда утѣсненіе должникамъ, яко въ Римѣ, иль какія другія причины принудили плебіанъ (дабы употребить обыкновенное имянованіе въ Римской республикѣ) принять оружіе и сравняться съ ихъ утѣснителями, какъ въ правѣ разсуждать о дѣлахъ государственныхъ, такъ и въ правѣ происходить въ достоинствы. Демократическое правленіе съ перваго взгляду является быть сходственнѣйшее съ естественнымъ закономъ; понеже, бывъ всѣ рождены отъ единого отца, не всѣ ли имѣютъ справедливость требовать сію равность состояній, которая является изгнанна изъ сообществъ? Но, разсмотря сіе съ другой страны, нѣсть ничего непостояннѣе сего правленія; оно снѣдаетъ свои нѣдры, раздѣляяся въ разныя партіи, которыя разные смутные поджигаютъ, яко корабль на волнующемся морѣ хотя часто искуствомъ кормщика отъ потопленія избѣгаетъ, но чаще еще и погибаетъ иногда и у самой пристани. Понеже, окромя обыкновеннаго пороку медленности, общаго всѣмъ республикамъ, никакое государственное таинство скрываться не можетъ, бывъ сообщаемо всему народу: издержки, весьма нужныя и необходимыя для государства, бываютъ соблюдены для того, что народъ не хочетъ новые наклады на себя наложить; люди справедливаго обычаю и непріятели лести, не токмо презрѣны остаются, но и гоненіе претерпѣваютъ; вмѣсто что люди лукавые, пронырливые, которые за правило ихъ поступка не добродѣтель и справедливость почитаютъ, но ихъ собственной прибытокъ, яко Силла, Цесарь, Августъ, Алцибіадъ, Периклесъ, и другіе, суть почтены и любимы. Тщетно несправедливо обвиняемой человѣкъ, надѣясь на свою добродѣтель и справедливость, мнитъ избѣжать отъ казни; довольно ему имѣть двухъ смутныхъ непріятелей, дабы осуждену быть, вмѣсто что преступникъ не теряетъ надежды, чтобы съ помощію

хорошаго ритора, которой пріятнымъ чарованіемъ своего краснорѣчія умѣетъ разжалобить народъ и затмить законы, быть оправданъ симъ смутнымъ собраніемъ. Любовь народа непостояннѣе его ненависти; они безъ всякаго зазрѣнія совѣсти казнятъ того, которой за нѣсколько дней предъ тѣмъ былъ избавителемъ отечества почитаемъ; и часто изгнанной съ безчестіемъ человѣкъ возвращается въ свое отечество при восклицаніяхъ сего самаго народа, которой недавно ему неприятель былъ. Учиненныя заслуги не далѣе въ памяти пребываютъ, какъ толико времяни, колико они шумъ производятъ; проходитъ ли нѣсколько времяни безъ какого новаго знатнаго дѣла, то заслуги забываются, а часто и наказаны бываютъ.

5. О САМОВЛАСТІИ.

Я не знаю, можно ли по справедливости самовластіе имянемъ правленія имяновать, понеже сіе есть мучительство, въ которомъ нѣтъ иныхъ законовъ и иныхъ правилъ, окромя безумныхъ своенравій деспота (самовладѣтеля). Вмѣсто что въ монархіи государь есть для народа, въ самовластномъ правленіи народъ является быть здѣланъ для государя. Тщетно естество истощитъ свои сокровищи для произведенія деспота, одареннаго всѣми возможными добродѣтельми, въ семъ родѣ правленія однако онъ весьма мало блага народу здѣлаетъ, естьли не испровергнетъ самовластіе; вмѣсто что нещастіе и злоключеніе народа почти вездѣ послѣдуютъ поступкамъ такого государя. Воюетъ ли онъ, миръ ли заключаетъ, никогда ни въ чемъ о пользахъ народа не стараются, но болѣе имѣютъ въ предметѣ честолюбіе, иль своенравіе государя; сочиняетъ ли благіе законы, народъ не имѣетъ притчины радоваться, понеже въ его самоизволеніи состоитъ ихъ отвергнуть, иль и оставя ихъ, пребывать, нарушать ихъ, когда ему угодно, ради всѣхъ тѣхъ, для кого онъ восхочетъ. И дѣйствительно, какіе законы могутъ быть полезны для такого народа, которой, я уже не упоминаю о дарованіяхъ щастія, но и самую жизнь имѣетъ токмо тогда, пока угодно ихъ деспоту дозволить имъ оной пользоваться, и навсегда лишены величайшаго дара природы, то есть, вольности? Возможетъ ли что ужаснѣе быть, какъ видѣть милліоны людей, сравненныхъ съ скотами, которые работаютъ лишь для единого, и для его визиря и фаворита, которой, бывъ рожденъ въ неволѣ, достигъ до милости Государя лишь чрезъ

мерзкую лесть и подлость, требуетъ, чтобы другіе ему подобное же почтеніе воздавали и дѣлали бы для него то же, что онъ, для сохраненія своего случая, дѣлаетъ? Тщетно человѣкъ, утвержденной въ добродѣтельныхъ склонностяхъ, надѣется достигнуть до нѣкотораго достоинства, понеже всегда льстецы ему пресѣкаютъ дорогу, и недовольно того, что препятствуютъ ему произойтить, становятся его изгонителями, по единной токмо той причинѣ, что онъ является своею добродетелью ихъ укорять въ ихъ преступленіяхъ. Какое можетъ воинъ награжденіе ожидать за свою храбрость и доброй поступокъ, когда тотъ, кто по государѣ милости разливаетъ часто не болѣе что, какъ токмо шутъ, а почти всегда человѣкъ воспитанной при Дворѣ и знаетъ войну лишь по наслышкѣ одной? Имѣетъ ли право справедливой судья требовать награжденія за его непристрастное правосудіе, когда разливатель оныхъ не токмо ни какого знанія въ правахъ не имѣетъ, но часто насилу и азбуку помнитъ, и имѣетъ нужду, чтобы ему давали для удовольствованія его сластолюбія и лѣности? Такимъ образомъ, подъ симъ правленіемъ народъ стонетъ въ неволѣ, воинъ болѣе старается угодить, нежель дѣлать свою должность, судья продаетъ правосудіе для удовольствованія сребролюбія временщика, духовнаго чину человѣкъ безъ твердости, вмѣсто наставленій, лишь панегирики сочиняетъ, торговля ослабѣваетъ, науки, сіи украшенія разума, не имѣя вольности мыслить, бѣгутъ сихъ мѣстъ, искать благорастворениѣйшихъ воздуховъ.

6. О ПРАВАХЪ НАРОДОВЪ ПОДЪ СИМИ РАЗНЫМИ ПРАВЛЕНІЯМИ.

Понеже ничто болѣе дѣйствія не имѣетъ надъ нравами человѣческими, какъ воспитаніе, и какъ воспитаніе разнствуетъ по разнымъ родамъ правленія, и такъ подъ всякимъ правленіемъ народъ имѣетъ особливые нравы, болѣе иль меньше сходственные съ законами государства. Такимъ образомъ въ монархіи люди честолюбивы, во аристократіи горды и тверды, въ демократіи смутнолюбивы и увертчивы, въ самовластномъ же правленіи подлы и низки.

7. О ЗАКОНАХЪ.

Понеже никакое сообщество не можетъ быть безъ нѣкоторыхъ правилъ или законовъ, то и обрѣтаютъ великое множество законо-

давцовъ; мало есть монарховъ, иль деспотовъ, которые бы не предпріяли законодавцами учиниться; немного есть времянщиковъ, сенаторовъ, иль вождей народа, которые бы непредлагали сочинить нѣкоторые законы, мня чрезъ сіе или достигнуть до какого желаемаго ими конца, или учинить безсмертно свое имя чрезъ пользу, которую возчюствуетъ народъ.

Никакая, по моему мнѣнію, слава не сравнительна той славѣ, каковую себѣ пріобрѣтаетъ мудрой законодавецъ, понеже учиненное имъ благодѣяніе народу есть продолжительнѣйшее всѣхъ другихъ, и что оно на каждаго разливается. Но такъ же нѣсть ничего враднѣе худыхъ законовъ; ибо какъ благіе законы сочиняютъ благополучіе всего народа, такъ худые дѣлаютъ его злополучіе. Однако, по большей части таковые законодавцы обрѣтаются, которые имѣютъ великое мнѣніе о самихъ себѣ, и болѣе стараются о собственномъ своемъ прибыткѣ, нежели о благѣ государства, не размышляя сочиняютъ законы, которые сочинятъ нещастіе народа и самаго потомства ихъ.

Дабы сочинить благіе законы, надлежитъ, чтобы тотъ, кто восхочетъ предписывать законы, не токмо бы знающъ былъ въ древнихъ узаконеніяхъ страны, но такъ же бы въ исторіи, дабы не весьма сопротивляться древнимъ, и возмогъ бы предвидѣть (чрезъ взятые примѣры изъ исторіи), какія могуть слѣдствіи произойтить. Надлежитъ, чтобы онъ зналъ главныя установленіи своей страны, дабы въ нѣкоторыхъ пунктахъ ихъ не опровернуть; имѣлъ бы знаніе сердца человѣческаго, дабы проникнуть внутрь и искоренить пороки въ самомъ ихъ началѣ; надлежитъ ему знать владычествующую склонность своей націи, дабы предписать жесточайшія наказаніи за преступленіи, къ которымъ она болѣе склонности имѣетъ; надлежитъ, чтобы онъ нѣкоторымъ образомъ послѣдовалъ предупрежденнымъ мыслямъ народа въ его обычаяхъ, которые ихъ древностію силу законовъ получили, и которые часто не могутъ быть премѣнены, не приключа болѣе вреда, нежель какая польза можетъ отъ того произойтить; наконецъ надлежитъ, чтобы законодавецъ не высокомысленной человѣкъ былъ, которой безъ дальняго разсмотрѣнія осмѣливается предписывать законы; дабы онъ былъ довольно мудръ, дабы возмогъ сносить учиненные ему споры, и возмогъ бы поправиться; довольно милосердъ, дабы отпустить малые вины, и довольно твердъ, дабы предписать строгія наказаніи за великія преступленіи.

Законы должны быть писаны слогомъ краткимъ, внятнымъ, и не двояко знаменующимъ. Но понеже лукавство сердца человѣческаго есть толь велико, что тщетно употрябятъ всѣ способы къ написанію законовъ безъ двоякознаменованія, поврежденные судьи все найдутъ нѣкоторые для утвержденія ихъ неправосудія. И для сего является мнѣ, что сіе бы великой полезности было, естьли бы вышнее судебное мѣсто каждой страны ежегодно велѣло печатать подлинникомъ всѣ дѣла, которыя были въ немъ рѣшены. Понеже положимъ, что нѣкоторые изъ сихъ дѣлъ и по пристрастію бы рѣшены были, но сіе бы самое пристрастіе закономъ не учинилось; а и самые бы двоякознаменующіе законы, по тому, какъ они въ семъ вышнемъ судѣ были употреблены для рѣшенія дѣлъ, двойнаго бы ихъ разума лишились, а подданные бы не опасались по единому закону быть оправданы въ одномъ дѣлѣ, а обвинены въ другомъ. Нижнія же судебныя мѣста, имѣя предъ своими глазами свои рѣшеніи вышняго суда, не осмѣлились бы отъ оныхъ отдалиться.

Всѣ законы не могутъ быть полезны для всякаго роду правленія; тѣ, которые сочиняютъ благополучіе народа въ монархіи, лишь смущеніе и безпорядокъ въ республикѣ произведутъ; и общимъ образомъ можно ознаменить пристойные законы для всякаго правленія подъ сими главностями, то есть: они милосерды въ монархіи, мучительны подъ самовластіемъ, и строги въ республикахъ.

8. О НАГРАЖДЕНІЯХЪ.

Любовь къ отечеству, долженствующая побуждать всѣхъ подданныхъ колико возможно служить отечеству, въ монархіи, окромя, что каждой, служа своей странѣ, надѣится раздѣлять благоденствіе, есть еще и другая притчина побужденія, иже есть даваемые Государемъ награжденіи. И тако каждой имѣетъ тройную притчину служить государству, яко сынъ отечества, яко раздѣляющій со другими благоденствіе его, и яко ожидающій отъ государя награжденія самому себѣ. Такой государь, которой не тщится пріобрѣсти самовластія, бывъ яко главный государства, котораго онъ долженъ интересы и казну соблюдать, не преисполняетъ награжденій, понеже рѣдко кто можетъ достоинъ быть сему преисполненію, каковое

видно въ самовластныхъ правленіяхъ, гдѣ владѣтель, не имѣя другаго закона, ни другаго интересу, окромя своего своенравія, дѣлаетъ все, что ему вздумается, безъ всякаго дальняго разсужденія, преисполняетъ достоинствами и богатствомъ единого человѣка, которой часто не имѣетъ другаго достоинства, какъ токмо что искуснѣе другихъ умѣетъ льстить.

Республики для сохраненія равности между граждань суть еще бережливѣе на награжденіи. А однако, не смотря на всѣ неправосудіи, которые обыкновенно бываютъ въ республиканскихъ правленіяхъ, коими исторія наполнена, никакое другое правленіе намъ не подаетъ толь великаго числа знатныхъ примѣровъ любви къ отечеству. Вѣнецъ изъ дубовыхъ вѣтвей, иль изъ дерну, боле возбуждали сихъ великихъ людей все жертвовать за отечество, нежель наивеличайшія достоинствы, и неизчетнѣйшія богатствы не могутъ учинить въ какомъ другомъ правленіи. Разсмотримъ же, откудова сіе происходитъ? Сіе есть, что республиканцы, почитая себя единымъ родомъ, въ которомъ каждой имѣетъ нѣкоторую особливую часть себѣ во удѣлъ, отъ котораго онъ болѣе иль меньше прибытку получитъ, по мѣрѣ добраго состоянія, въ которомъ всѣ другія части будутъ находиться. Равность, уже есть удѣлъ республиканцовъ, чинитъ, что каждой старается, колико ему возможно, приобрѣсти нѣкоторое почтеніе, а рѣдкость награжденій дѣлаетъ, что ради дубовой, или дерновой, короны, иль ради нѣкотораго украшенія дому, иль какой другой подобной вещи, не щадятъ ничего для приобрѣтенія почтенія отъ своихъ сограждань. И понеже каждой имѣетъ одинаковое право требовать сихъ достоинствъ, то каждой же и чтится, чтобы они не были уподлены неразсуднымъ раздаяніемъ.

Можно вообще сказать о награжденіяхъ, что не меньше надлежитъ имѣть умѣренности давать, какъ наказывать. Справедливое посредство весьма трудно сыскать. Великая скупость въ награжденіяхъ ослабляетъ бодрость, а великая щедрость чинитъ, что излишно великими почитаютъ всякія заслуги, и производитъ въ сердцахъ корыстолюбіе. Часто государи, для показанія ихъ щедрости, иль для приобрѣтенія любви своихъ подданныхъ, щедро милости свои раздаваютъ и преисполняютъ награжденіи: что же отъ сего происходитъ? Награжденія, со излишнымъ разстощеніемъ даваемые, те-

ряютъ свою цѣну, бодрость корыстолюбива становится, люди, оказавшіе услуги, вскорѣ въ сластолюбіе впадаютъ, и мня, что имъ всегда должно давать, никогда и ничѣмъ довольны не бываютъ. Казна Государственная истощается, и вмѣсто прибытку, какой бы государство могло получить отъ исполненныхъ достоинства людей, они ему въ тягость становятся. Достоинствы, со излишествомъ умноженные, блистаніе свое теряютъ, такъ что, желая избѣжать отъ неспособностей, которые могутъ воспослѣдовать отъ скупости въ награжденіяхъ, въ вящее и опаснѣйшее зло впадаютъ, тѣмъ болѣе неисцѣльное, что привыкши къ сему расточительному раздаянію, будутъ почитать, яко бы у нихъ отнимали все то, что имъ не дадутъ

9. О НАКАЗАНІЯХЪ.

Хотя во всѣхъ правленіяхъ законодавцы соглашаются наказывать смущающія сообщество преступленіи, однако единые въ нѣкоторыхъ странахъ строжѣе наказаны, нежели въ другихъ, по мѣрѣ какъ нація болѣе ли, или меньше, имѣетъ склонности въ оные впадать. Такъ же и родъ правленія дѣйстіе свое производитъ; такъ въ республикахъ, гдѣ разныя партіи часто колеблютъ государство, преступленіи оскорбленія величества не столь строго наказуются; * подъ монархическимъ правленіемъ милосердіе государя иногда нѣкоторое ослабленіе даетъ; а понеже самовластіе на страхѣ основано, то и содержится мечемъ и кровію.

Сохрани меня, Боже, похвалить сіи безчеловѣчные законы, которые наказуютъ смертною казнію и самыя малѣйшія преступленіи: понеже надлежитъ имѣть почтеніе къ человѣчеству. Но такъ же я не могу похвалить и сіе неумѣренное послабленіе, которое прощаетъ и даруетъ жизнь всякимъ преступникамъ; отцеубіецъ, разбойникъ, смертоубіецъ, обагренной кровію своихъ братьевъ, достоинъ ли какого милосердія? иль лутче сказать, учиненное милосердіе съ таковымъ чудовищемъ не возбуждаетъ ли другихъ въ таковые же преступленіи впадать? и сей самой человѣкъ, единожды пойманной въ сихъ преступленіяхъ, естьли простится, и опять въ нихъ впадетъ, то

---

* Чрезъ что стараются не привести оныхъ въ отчаяніе, дабы, желая малое зло наказать, вящее бы не произвести.

учиненное съ таковымъ виновнымъ милосердіе не злость ли для невинныхъ? И такъ мнѣ является, что государь, которой, себя обманывая симъ милосердіемъ, освобождаетъ подобныхъ разбойниковъ, чинитъ себя виновна въ смерти всѣхъ тѣхъ, которыхъ сіи освобожденные разбойники умерщвляютъ. Мечь правосудія не меньше нуженъ для укрощенія мздоимства судей, которыхъ я почитаю, яко разбойниковъ, тѣмъ болѣе опаснѣйшихъ, что труднѣе избѣжать отъ ихъ рукъ, и что они разбои и грабительствы свои среди градовъ и въ священныхъ мѣстахъ чинятъ.

КНЯЗЬ М. М. ЩЕРБАТОВЪ.

ПРОШЕНІЕ МОСКВЫ

О

ЗАБВЕНІИ ЕЯ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Древнѣйшій градъ, прежде бывшій царствія, а потомъ имперіи Россійской, припадаетъ къ стопамъ своихъ Монарховъ, да изъятъ будетъ отъ восьмидесяти четырехлѣтняго забвенія, да обновится благоволеніемъ своихъ Монарховъ, да, покровенная сѣдинами глава его, возрадуется о напоминаніи древнихъ его заслугъ!

Видя толь долговремянное забвеніе, въ которое подверженъ есть, размышлялъ о древнемъ своемъ состояніи, и дерзаю краткую повѣсть заслугъ и вѣрности моей, такъ же и пользъ, предъ очи Монаршии представить, да не затмится вѣками оказуемое усердіе мое къ владѣтелямъ Россіи, и естьли сіе меня изъ забвенія и оставленія не извлечетъ, да будетъ сіе, по крайней мѣрѣ, свидѣтелемъ, что въ горести моей испускалъ я болѣзненный гласъ, но что рокъ нещастный мой превозмогъ и пользу, и правость, и заслуги, и милосердіе.

Молчу о началѣ моемъ, сокрытомъ темнотою времянъ, нежели градъ, который, по разореніи Владимира, избралъ, 429 тому лѣтъ, въ престолъ себѣ Великій Князь Іоаннъ Даниловичь. Не я ли первый поднялъ главу свою противъ опустошителей и покорителей Россіи, то есть, Татаръ? Не изъ нѣдръ ли моихъ подвинулся съ воинствами Великій Князь Димитрій Донской на разрушеніе силы Мамаевой? Не я ли претерпѣлъ тяжкое разореніе при томъ же Великомъ Князѣ отъ злобнаго Тохтамыша, и трупами наполненныя мои стѣны, сожженные зданія, и обагренная вся земля кровію моихъ гражданъ, не суть ли знаки моего усердія? Не изъ стѣнъ ли моихъ ходили сіи побѣдоносныя войска, которыя Одоевъ, Козельскъ, Можайскъ, Вязьму, Бѣлевъ, Воротынскъ и Смоленскъ къ Россійской державѣ пріобщили? Не изъ стѣнъ ли моихъ ходили тѣ воинства, которыя въ междоусобіи, возженномъ Князь Андреемъ Васильевичемъ, низложили его кичливость и утвердили престолъ малолѣтнаго Царя Іоанна Васильевича? Изъ стѣнъ моихъ потомъ подвинулись и тѣ воинства, которыя Казань, Астрахань и Вятку покорили; а Великій Новгородъ и Псковъ, пользующіися своими вольностями, принуждены были мнѣ уступить и вѣчевые ихъ колокола, привезенные въ мои стѣны и повѣшенные на моихъ бойницахъ, суть знаки моея вѣрности. Подвигшаяся Девлетъ-Гиреева сила окружала мои стѣны, предмѣстіи мои сожгла; погибли тутъ именитыя мои чада, но вѣрность моя не была поколеблена и имѣлъ послѣ сего вскорѣ я удовольствіе почти зрить съ бойницъ моихъ разбитіе сего самаго Девлетъ-Гирея подъ Молодями, гдѣ единый изъ любезныхъ моихъ сыновъ, Князь Воротынскій, прославился. Воздвигнулись потомъ изъ стѣнъ моихъ воинства, Полоцкъ, часть Литвы и Лифляндію покорили, и хотя премѣною щастія лишилася Россія сихъ своихъ завоеваній, но вѣрность моя къ своимъ Царямъ равновѣсіе противу щастія и побѣдъ содержала. При младомъ Царѣ Θеодорѣ Ивановичѣ пришедшіе Татары тщетно облежали мои стѣны, прогнаны и разсѣяны, оставили токмо знаки сыновъ моихъ побѣды, и вѣчный знакъ сооруженія Донскаго монастыря тому есть вѣрный памятникъ.

Много источниковъ слезныхъ пролили очи мои, когда смертію Царя Θеодора Іоанновича пресѣкся корень моихъ Царей, корень сѣдящихъ на Московскомъ престолѣ: Рюриковъ, Святаго Владимира

и Владимира Мономаха. Въ тоскѣ моей не знала я куда прибѣжище имѣть; я союзъ брачный древнему произшествію предпочитая, бывшей на ложѣ съ нимъ правленіе надъ собою предала, и токмо за отреченіемъ ея по ея повелѣнію, брата ея, Бориса, возвела на престолъ свой. Не свѣдомо мнѣ было тогда его злодѣйство, что онъ руки свои обагрилъ въ безвинной крови моихъ прежнихъ Государей. Но таинство, сокрытое отъ меня, видно предъ Господомъ было; Борисъ въ безпокойствѣ препроводилъ время царствованія своего, а сынъ его отъ хищныя же руки погибъ. Сіе время заблужденія моего, заблужденія, а не невѣрности. Въ Самозванцѣ мнила зрить послѣднюю отрасль моихъ Государей, съ радостію въ нѣдры мои его приняла, увѣнчала его Царскимъ вѣнцомъ и подъ власть его предалась. Поступокъ внѣшней мой виновенъ былъ, невинно было сердце. Вскорѣ лесть Самозванца открывается, любезные сыны оружіе приемлютъ, защищаютъ вѣру и отечество, хищника плѣняютъ и, доказавъ его вину, предаютъ жестокой казни. Тогда лишенна отрады и надежды видѣть уже древнихъ моихъ Государей, непосредственно текущую кровь царствующую надо мною, обратила я очи мои на избавителя моего, на кровь Рюрикову и Владимирову, на ближняго свойственника моихъ Царей, и державство ему вручила. Шуйской лишь въ смутности время царствованія своего препроводилъ; самозванцы умножились, повсюду кровь Русская лилась, и раздѣленная Россія къ пагубѣ своей приближалась. Терзая внутренность свою и не находя способовъ сопротивляться, я гибель, не роду Царскаго Царя, предпочла спасенію Россіи, предала его Литовцамъ, дабы возведеніемъ сына Сигизмундова Россію успокоить. Се новые нещастія ошибки моей послѣдовали: Поляки, овладѣвъ частію Москвы, ни Владислава не давали, ни обѣщаній своихъ не содержали, и гибель моя уже приближалась, когда мои же любезные дѣти, изгнанные междоусобіемъ, Трубецкой и Пожарскій съ другими Россіянами, избавили меня отъ ига вражескаго, дали по претерпѣніи моемъ мнѣ свободу оказать паки совершенную мою вѣрность къ моимъ Государямъ. Глаголютъ всѣ естественные и народные правы, что по окончаніи Царскаго племени народъ вступаетъ въ первобытные свои права, избирать себѣ новаго Царя, или перемѣнить законы. Воспользовалася ли я симъ? Нѣтъ. Но свойственника по женскому колѣну, внука брата Царицы Анастасіи Романовны, Михаила Θеодоровича Юрьева Романова, малолѣтна и во изгнаніи суща, на пре-

столъ Россійскій возвела. Напрягая всѣ свои силы въ помощь малолѣтному Государю, отъ междоусобій, отъ Шведовъ и Поляковъ Россію освободила родителя его, Филарета Никитича, изъ плѣну извлекла, и утвердила престолъ его. Ту же вѣрность сыну его и внуку, Царю Θеодору Алексѣевичю, сохраняла, даже какъ смерть, скосивъ дни его въ цвѣтущей младости, паки меня въ младенческое правленіе ввергла. Я сперва малолѣтнаго брата его, остроумнова Петра, а потомъ, по возмущеніямъ Стрѣлецкимъ, брата, Іоанна, на престолъ возвела. Сопротивляясь всѣмъ бунтамъ Стрѣлецкимъ, среди его опасностей покрывала его моимъ щитомъ и тѣлесами любезныхъ чадъ моихъ, была первая свидѣтельница его младенческимъ, но ироическимъ, забавамъ, въ отсутствіи его хранила ему вѣрность; увы! сей самой мя оставилъ. Сей, по нуждѣ ли, для учрежденія флота и торговли и для близкаго надзиранія производящейся войны, или гнушаяся старыхъ моихъ обычаевъ, перенесъ столицу во вновь построенный во имя его градъ.

Источники слезъ, яко у вдовицы, потекли изъ глазъ моихъ, умолкли веселые лики въ моихъ стѣнахъ, и гусли молчащіе на сухихъ древесахъ повѣшены зрились. Колико часто звучные побѣды и полезные отечеству установленіи ни возвеселяли сердце мое, но мгновенное и рѣдкое видѣніе моего Монарха пронзало душу мою. Лутчія мои граждане, отвлеченные отъ стѣнъ моихъ, въ чюждую землю пошли утвердить жилище свое, толпы поселянъ посланы были обработывать болотистую и неплодную землю, зданіи мои за не повелѣніемъ ихъ возобновлять, сокрушались, и новые запрещено было строить. Наконецъ скончался сей Государь, жившій долго по числу трудовъ своихъ, но мало для пользы Россіи. Пріемница его, Екатерина, такъ же вскорѣ дни свои прекратила; и внукъ Петра Великаго, Петръ Алексѣевичъ, въ младыхъ лѣтахъ взошелъ на престолъ Россійскій.

Утѣшились очи мои видѣніемъ младаго Государя, возобновилась надежда въ сердцѣ моемъ, видя его паки любящаго праотческій градъ. Но яко тѣнь проходитъ, тако прошло счастіе мое; и сей младый Государь, подобно равцвѣтшей лилеи, палъ подъ остріемъ смертныя косы.

Двѣ сестры въ юныхъ лѣтахъ, и двѣ тетки остались наслѣдницы къ престолу, и собравшіеся вельможи избрали Анну, дщерь Царя

Іоанна Алексѣича, но избрали съ положеніемъ предѣловъ ея власти и владычеству. Не могла я терпѣть, бывъ всегда облагодѣтельствована моими Государями, чтобы границы власти ихъ полагали, и вскорѣ, разрушивъ всѣ условіи, безпредѣльно на добрую вѣру ея предалась.

Увы! и сія также воздала мнѣ, отдаленіемъ себя отъ стѣнъ моихъ, и во все время царствованія ея уже очи мои не зрили лица ея.

Съ того же времяни и до нынѣ лишилася я удовольствія зрить пребывающихъ Монарховъ въ стѣнахъ моихъ. Елисавета, и нынѣ царствующая Екатерина, лишь на малое время удостоиваютъ меня присутствіемъ своимъ. Но увы, какое присутствіе, — присутствіе, показующее самое ихъ, моихъ Государей, неудовольствіе; насилу явятся во градъ мой, въ древнюю столицу предковъ своихъ, спѣшатъ его оставить, дабы съ веселіемъ возвратиться на Невскія берега. Ни стеченіе множества благородныхъ, потомства тѣхъ, кои пролили кровь свою для службы отечества, ни безчисленнаго числа народа, радостными восклицаніями изъявляющаго свою вѣрность и усердіе къ Государямъ, ни святость мѣстъ, ознаменитыхъ многими чудесами и почивающими Божіими угодниками, ни гробами праотцевъ своихъ, ни древними зданіями, идеже прежніе мои Государи, положившіе основаніе величеству Россіи, и ни прекрасныя окружности мои, сдержати и привлечь сердца ихъ не могутъ.

И въ горести своей, самый сей прискорбный поступокъ Государей моихъ тщуся оправдать, взирая на красоту вновь созданнаго града, на величество протекающія рѣки и на цвѣтущую торговлю въ ономъ. Но, Всемилостивѣйшая Государыня, воззрите на мое состояніе! Древнія развалины мои имѣютъ нѣкоторыя пріятности, смѣшенныя еще съ полезностію; пріятны онѣ тѣмъ, что самую древность мою и Вашей Имперіи представляютъ: полезны тѣмъ, что воспоминаютъ разныя услуги, учиненныя отечеству. Во мнѣ зрится не пространное и не хорошее зданіе стариннаго дворца за золотой рѣшеткой: тамъ Царь Іоаннъ Васильевичъ жилъ; тамъ видно то окошко, коимъ отъ грозящагося ему наказанія Рострига спастится хотѣлъ, но гнѣвомъ Божіимъ гонимъ, преломивъ ногу, паки въ царскія чертоги былъ внесенъ и достойную мстъ за свои преступле-

нія приялъ; тутъ существуетъ еще Красное крыльцо, идеже измѣнникъ Басмановъ отъ руки Шуйскаго наказанъ былъ: откуда Нарышкинъ, за Государя своего претерпѣвая, на острїе копей стрѣльцами низринутъ былъ. Еще извѣстны мѣста, гдѣ за вѣрность свою убитъ стрѣльцами Языковъ, и гдѣ Долгорукіе, отецъ съ сыномъ, жизни лишены. Священные зданія, сооруженія и знакъ набожія твоихъ предковъ, суть купно свидѣтели ихъ добродѣтелей и напоминатели, идеже Императорскимъ вѣнцомъ вѣнчалась, идеже помазалася священнымъ елеемъ и санъ Монарщіи священнымъ обрядомъ важнѣе учинила, къ вящему привлеченію вѣрности и любви народной. Но что я исчисляю всѣ знаменитыя мѣста? Пространство, приличное прошенію моему, возможетъ ли все оное вмѣстить? Въ стѣнахъ моихъ созданные божественные храмы представляютъ единые памятники какихъ побѣдъ и пріобщенія къ Россіи, яко Покровскій Соборъ, и протчія? Другія созданы въ память какого знаменитаго враговъ пораженія, яко Церковь Покрова въ Кулринѣ пораженія втораго Самозванца, воромъ Тушинскимъ имянованнаго? Иные суть памятники какого злоключенія, яко Илья Обыденный бывшей въ Москвѣ язвы? Грѣтенской монастырь памятованіе купно внесенія образа Владимирскія Богородицы въ Москву и избавленія Россіи отъ Темиръ-Аксака. Самыя улицы и урочища знатные дѣянія представляютъ. Проломъ на Трубѣ воспоминаетъ знатное учиненное отраженіе Полякамъ; Замоскворѣчье—храброе сопротивленіе Девлетъ-Гирею, гдѣ многія чада мои погибли; урочище Арбатъ показуетъ, что Татары нѣкую власть имѣли во градѣ и обозы свои тутъ останавливали; Болвановка, что тутъ они жительствы имѣли, и прочее. Такъ что съ нѣкоими свѣдѣніями Россійскій гражданинъ не можетъ сдѣлать шага, чтобы не воспомянуть вѣрность и усердіе своихъ праотцовъ къ отечеству и Государю, и къ оному бы вяще не побуждаться.

Шумящія струи рѣки моей не имѣютъ ни пространства, ни чистоты Невскихъ водъ, а паче, бывъ безъ призрѣнія, ежедневно чистоту свою теряютъ, но, однако, показуютъ по живущей въ ней нѣжной рыбѣ, чтобы они болѣе чистоты могли имѣть, и конечно не отягчаютъ жителей такими болѣзнями, которыя Невскія воды производятъ.

И тако, естьли бы милосердое око Вашего Величества воззрило на мои стѣны, естьли бъ частое пребываніе Ваше обновило юность

мою, то бъ огромные зданіи гораздо съ большимъ успѣхомъ возвысились въ стѣнахъ моихъ, и новое зодчихъ искуство, смѣшаясь съ древними строеніями, двойную бы красоту мнѣ придали. Коломенское, Воронцово и другія окружныя села могли бы, при лутчемъ воздуха растворенiи, замѣнить мѣсто Петергофа и Царскаго Села, и поля бы изобильные, не болота представляли, но обильныя жатвы, изображающія обильность Монарша милосердія, или паче сказать, воспоминаніе обильной въ милости десницы, питающей вселенную. Возвеселилось бы сердце Царево, и возвеселилась бы я о Царѣ своемъ.

Средоточное мѣстоположеніе среди Имперіи моего града было бы удобнымъ къ скорѣйшему дохожденію всѣхъ извѣстій до правительства, и власть Монарша повсюду равно простираясь, нигдѣ ослаблена не была; вельможи бы, кромѣ что отъ повсюду зримыхъ ими памятниковъ усердія и вѣрности ихъ праотцовъ, болѣе бы внутренность страны познали, и нужды бы народныя извѣстнѣе имъ были; а къ тому, бывъ ближе къ своимъ деревнямъ, своимъ собственнымъ домоводствомъ и домоводство другихъ побуждали, и изъ стеченія приватныхъ пользъ польза общественная могла проистечи.

Наконецъ цвѣтущая въ Петровомъ градѣ торговля можетъ ли Монарховъ моихъ остановить? Ибо коль она ни есть пространна и коль ни есть полезна, но пространство ея не отъ окружностей Петербурга происходитъ, но отъ обильства другихъ странъ Россіи, ближайшихъ ко граду моему; оживленіе же моего состоянія паче укрѣпитъ и сію часть государственныхъ доходовъ, а паче тѣмъ, что вельможи, бывъ отдалены отъ порта, не имѣя толико удобности получать чюжестранные товары, самымъ симъ сластолюбіе и роскошь ихъ стѣснится, а примѣръ ихъ, воздѣйствуя и надъ протчими, повсюду сіе зло, вкрадшееся въ Россію, сократитъ.

Воззри, всемилостивѣйшая Государыня, что состарѣвшійся въ вѣрности своимъ Монархамъ градъ съ покорностію представляетъ, воззри на всѣ мои заслуги, на вѣрность мою и чадъ моихъ, на полезность, приносимую прежде и нынѣ въ Россіи, и да не буду я, яко отвергнутая раба, лишена зрѣнія Монарховъ моихъ; да чада мои, служащія тебѣ, не будутъ забвенны отъ воззрѣнія твоего! Они не менѣе жаромъ любви къ тебѣ и къ отечеству пылаютъ, какъ тѣ,

видно въ самовластныхъ правленіяхъ, гдѣ владѣтель, не имѣя другаго закона, ни другаго интересу, окромя своего своенравія, дѣлаетъ все, что ему вздумается, безъ всякаго дальняго разсужденія, преисполняетъ достоинствами и богатствомъ единого человѣка, которой часто не имѣетъ другаго достоинства, какъ токмо что искуснѣе другихъ умѣетъ льстить.

Републики для сохраненія равности между гражданъ суть еще бережливѣе на награжденіи. А однако, не взирая на всѣ неправосудіи, которые обыкновенно бываютъ въ републиканскихъ правленіяхъ, коими исторія наполнена, никакое другое правленіе намъ не подаетъ толь великаго числа знатныхъ примѣровъ любви къ отечеству. Вѣнецъ изъ дубовыхъ вѣтвей, иль изъ дерну, боле возбуждали сихъ великихъ людей все жертвовать за отечество, нежель наивеличайшія достоинствы, и неизчетнѣйшія богатствы не могутъ учинить въ какомъ другомъ правленіи. Разсмотримъ же, откудова сіе происходитъ? Сіе есть, что републиканцы, почитая себя единымъ родомъ, въ которомъ каждой имѣетъ нѣкоторую особливую часть себѣ во удѣлъ, отъ котораго онъ болѣе иль меньше прибытку получитъ, по мѣрѣ добраго состоянія, въ которомъ всѣ другія части будутъ находиться. Равность, уже есть удѣлъ републиканцовъ, чинитъ, что каждой старается, колико ему возможно, приобрѣсти нѣкоторое почтеніе, а рѣдкость награжденій дѣлаетъ, что ради дубовой, или дерновой, короны, иль ради нѣкотораго украшенія дому, иль какой другой подобной вещи, не щадятъ ничего для приобрѣтенія почтенія отъ своихъ сограждань. И понеже каждой имѣетъ одинаковое право требовать сихъ достоинствъ, то каждой же и чтится, чтобы они не были уподлены неразсуднымъ раздаяніемъ.

Можно вообще сказать о награжденіяхъ, что не меньше надлежитъ имѣть умѣренности давать, какъ наказывать. Справедливое посредство весьма трудно сыскать. Великая скупость въ награжденіяхъ ослабляетъ бодрость, а великая щедрость чинитъ, что излишно великими почитаютъ всякія заслуги, и производитъ въ сердцахъ корыстолюбіе. Часто государи, для показанія ихъ щедрости, иль для приобрѣтенія любви своихъ подданыхъ, щедро милости свои раздаваютъ и преисполняютъ награжденіи: что же отъ сего происходитъ? Награжденія, со излишнымъ разстощеніемъ даваемые, те-

ряютъ свою цѣну, бодрость корыстолюбива становится, люди, оказавшіе услуги, вскорѣ въ сластолюбіе впадаютъ, и мня, что имъ всегда должно давать, никогда и ничѣмъ довольны не бываютъ. Казна Государственная истощается, и вмѣсто прибытку, какой бы государство могло получить отъ исполненныхъ достоинства людей, они ему въ тягость становятся. Достоинствы, со излишествомъ умноженные, блистаніе свое теряютъ, такъ что, желая избѣжать отъ неспособностей, которые могутъ воспослѣдовать отъ скупости въ награжденіяхъ, въ вящее и опаснѣйшее зло впадаютъ, тѣмъ болѣе неисцѣльное, что привыкши къ сему расточительному раздаянію, будутъ почитать, яко бы у нихъ отнимали все то, что имъ не дадутъ

9. О НАКАЗАНІЯХЪ.

Хотя во всѣхъ правленіяхъ законодавцы соглашаются наказывать смущающія сообщество преступленіи, однако единые въ нѣкоторыхъ странахъ строжѣе наказаны, нежели въ другихъ, по мѣрѣ какъ нація болѣе ли, или меньше, имѣетъ склонности въ оные впадать. Такъ же и родъ правленія дѣйстіе свое производитъ; такъ въ республикахъ, гдѣ разныя партіи часто колеблютъ государство, преступленіи оскорбленія величества не столь строго наказуются; * подъ монархическимъ правленіемъ милосердіе государя иногда нѣкоторое ослабленіе даетъ; а понеже самовластіе на страхѣ основано, то и содержится мечемъ и кровію.

Сохрани меня, Боже, похвалить сіи безчеловѣчные законы, которые наказуютъ смертною казнію и самыя малѣйшія преступленіи; *понеже надлежитъ имѣть почтеніе къ человѣчеству.* Но такъ же я не могу похвалить и сіе неумѣренное послабленіе, которое прощаетъ и даруетъ жизнь всякимъ преступникамъ; отцеубіецъ, разбойникъ, смертоубіецъ, обагренной кровію своихъ братьевъ, достоинъ ли какого милосердія? иль лутче сказать, учиненное милосердіе съ таковымъ чудовищемъ не возбуждаетъ ли другихъ въ таковые же преступленіи впадать? и сей самой человѣкъ, единожды пойманной въ сихъ преступленіяхъ, естьли простится, и опять въ нихъ впадетъ, то

---

* Чрезъ что стараются не привести оныхъ въ отчаяніе, дабы, желая малое зло наказать, вящее бы не произвести.

учиненное съ таковымъ виновнымъ милосердіе не злость ли для невинныхъ? И такъ мнѣ является, что государь, которой, себя обманывая симъ милосердіемъ, освобождаетъ подобныхъ разбойниковъ, чинитъ себя виновна въ смерти всѣхъ тѣхъ, которыхъ сіи освобожденные разбойники умерщвляютъ. Мечь правосудія не меньше нуженъ для укрощенія мздоимства судей, которыхъ я почитаю, яко разбойниковъ, тѣмъ болѣе опаснѣйшихъ, что труднѣе избѣжать отъ ихъ рукъ, и что они разбои и грабительствы свои среди градовъ и въ священныхъ мѣстахъ чинятъ.

КНЯЗЬ М. М. ЩЕРБАТОВЪ.

ПРОШЕНІЕ МОСКВЫ

О

ЗАБВЕНІИ ЕЯ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Древнѣйшій градъ, прежде бывшій царствія, а потомъ имперіи Россійской, припадаетъ къ стопамъ своихъ Монарховъ, да изъятъ будетъ отъ восьмидесяти четырехлѣтняго забвенія, да обновится благоволеніемъ своихъ Монарховъ, да, покровенная сѣдинами глава его, возрадуется о напоминаніи древнихъ его заслугъ!

Видя толь долговремянное забвеніе, въ которое подверженъ есть, размышлялъ о древнемъ своемъ состояніи, и дерзаю краткую повѣсть заслугъ и вѣрности моей, такъ же и пользъ, предъ очи Монархини представить, да не затмится вѣками оказуемое усердіе мое къ владѣтелямъ Россіи, и естьли сіе меня изъ забвенія и оставленія не извлечетъ, да будетъ сіе, по крайней мѣрѣ, свидѣтелемъ, что въ горести моей испускалъ я болѣзненный гласъ, но что рокъ нещастный мой превозмогъ и пользу, и правость, и заслуги, и милосердіе.

Молчу о началѣ моемъ, сокрытомъ темнотою времянъ, нежели градъ, который, по разореніи Владимира, избралъ, 429 тому лѣтъ, въ престолъ себѣ Великій Князь Іоаннъ Даниловичъ. Не я ли первый поднялъ главу свою противъ опустошителей и покорителей Россіи, то есть, Татаръ? Не изъ нѣдръ ли моихъ подвинулся съ воинствами Великій Князь Димитрій Донской на разрушеніе силы Мамаевой? Не я ли претерпѣлъ тяжкое разореніе при томъ же Великомъ Князѣ отъ злобнаго Тохтамыша, и трупами наполненныя мои стѣны, сожженные зданіи, и обагренная вся земля кровію моихъ гражданъ, не суть ли знаки моего усердія? Не изъ стѣнъ ли моихъ ходили сіи побѣдоносныя войска, которыя Одоевъ, Козельскъ, Можайскъ, Вязьму, Бѣлевъ, Воротынскъ и Смоленскъ къ Россійской державѣ пріобщили? Не изъ стѣнъ ли моихъ ходили тѣ воинства, которыя въ междоусобіи, возженномъ Князь Андреемъ Васильевичемъ, низложили его кичливость и утвердили престолъ малолѣтнаго Царя Іоанна Васильевича? Изъ стѣнъ моихъ потомъ подвинулись и тѣ воинства, которыя Казань, Астрахань и Вятку покорили; а Великій Новгородъ и Псковъ, пользующіися своими вольностями, принуждены были мнѣ уступить и вѣчевые ихъ колокола, привезенные въ мои стѣны и повѣшенные на моихъ бойницахъ, суть знаки моея вѣрности. Подвигшаяся Девлетъ-Гиреева сила окружала мои стѣны, предмѣстіи мои сожгла; погибли тутъ знаменитыя мои чада, но вѣрность моя не была поколеблена и имѣлъ послѣ сего вскорѣ я удовольствіе почти зрить съ бойницъ моихъ разбитіе сего самаго Девлетъ-Гирея подъ Молодями, гдѣ единый изъ любезныхъ моихъ сыновъ, Князь Воротынскій, прославился. Воздвигнулись потомъ изъ стѣнъ моихъ воинства, Полоцкъ, часть Литвы и Лифляндію покорили, и хотя премѣною щастія лишилася Россія сихъ своихъ завоеваній, но вѣрность моя къ своимъ Царямъ равновѣсіе противу щастія и побѣдъ содержала. При младомъ Царѣ Өеодорѣ Ивановичѣ пришедшіе Татары тщетно облежали мои стѣны, прогнаны и разсѣяны, оставили токмо знаки сыновъ моихъ побѣды, и вѣчный знакъ сооруженія Донскаго монастыря тому есть вѣрный памятникъ.

Много источниковъ слезныхъ пролили очи мои, когда смертію Царя Өеодора Іоанновича пресѣкся корень моихъ Царей, корень сѣдящихъ на Московскомъ престолѣ: Рюриковъ, Святаго Владимира

и Владимира Мономаха. Въ тоскѣ моей не знала я куда прибѣжище имѣть; я союзъ брачный древнему произшествію предпочитая, бывшей на ложѣ съ нимъ правленіе надъ собою предала, и токмо за отреченіемъ ея по ея повелѣнію, брата ея, Бориса, возвела на престолъ свой. Не свѣдомо мнѣ было тогда его злодѣйство, что онъ руки свои обагрилъ въ безвинной крови моихъ прежнихъ Государей. Но таинство, сокрытое отъ меня, видно предъ Господомъ было; Борисъ въ безпокойствѣ препроводилъ время царствованія своего, а сынъ его отъ хищныя же руки погибъ. Сіе время заблужденія моего, заблужденія, а не невѣрности. Въ Самозванцѣ мнила зрить послѣднюю отрасль моихъ Государей, съ радостію въ нѣдры мои его приняла, увѣнчала его Царскимъ вѣнцомъ и подъ власть его предалась. Поступокъ внѣшней мой виновенъ былъ, невинно было сердце. Вскорѣ лесть Самозванца открывается, любезные сыны оружіе приемлютъ, защищаютъ вѣру и отечество, хищника плѣняютъ и, доказавъ его вину, предаютъ жестокой казни. Тогда лишенна отрады и надежды видѣть уже древнихъ моихъ Государей, непосредственно текущую кровь царствующую надо мною, обратила я очи мои на избавителя моего, на кровь Рюрикову и Владимирову, на ближняго свойственника моихъ Царей, и державство ему вручила. Шуйской лишь въ смутности время царствованія своего препроводилъ; самозванцы умножились, повсюду кровь Русская лилась, и раздѣленная Россія къ пагубѣ своей приближалась. Терзая внутренность свою и не находя способовъ сопротивляться, я гибель, не роду Царскаго Царя, предпочла спасенію Россіи, предала его Литовцамъ, дабы возведеніемъ сына Сигизмундова Россію успокоить. Се новые нещастіи ошибки моей послѣдовали: Поляки, овладѣвъ частію Москвы, ни Владислава не давали, ни обѣщаній своихъ не содержали, и гибель моя уже приближалась, когда мои же любезные дѣти, изгнанные междоусобіемъ, Трубецкой и Пожарскій съ другими Россіянами, избавили меня отъ ига вражескаго, дали по претерпѣніи моемъ мнѣ свободу оказать паки совершенную мою вѣрность къ моимъ Государямъ. Глаголютъ всѣ естественные и народные правы, что по окончаніи Царскаго племени народъ вступаетъ въ первобытные свои права, избирать себѣ новаго Царя, или перемѣнить законы. Воспользовалася ли я симъ? Нѣтъ. Но свойственника по женскому колѣну, внука брата Царицы Анастасіи Романовны, Михаила Феодоровича Юрьева Романова, малолѣтна и во изгнаніи суща, на пре-

нія приялъ; тутъ существуетъ еще Красное крыльцо, идеже измѣнникъ Басмановъ отъ руки Шуйскаго наказанъ былъ: откуда Нарышкинъ, за Государя своего претерпѣвая, на остріе копей стрѣльцами низринутъ былъ. Еще извѣстны мѣста, гдѣ за вѣрность свою убитъ стрѣльцами Языковъ, и гдѣ Долгорукіе, отецъ съ сыномъ, жизни лишены. Священные зданіи, сооруженіи и знакъ набожія твоихъ предковъ, суть купно свидѣтели ихъ добродѣтелей и напоминатели, идеже Императорскимъ вѣнцомъ вѣнчалась, идеже помазалася священнымъ елеемъ и санъ Монарщій священнымъ обрядомъ важнѣе учинила, къ вящему привлеченію вѣрности и любви народной. Но что я исчисляю всѣ знаменитыя мѣста? Пространство, приличное прошенію моему, возможетъ ли все оное вмѣстить? Въ стѣнахъ моихъ созданные божественные храмы представляютъ единые памятники какихъ побѣдъ и пріобщенія къ Россіи, яко Покровскій Соборъ, и протчія? Другія созданы въ память какого знаменитаго враговъ пораженія, яко Церковь Покрова въ Кулринѣ пораженія втораго Самозванца, ворожъ Тушинскимъ имянованнаго? Иные суть памятники какого злоключенія, яко Илья Обыденный бывшей въ Москвѣ язвы? Грѣтенской монастырь памятованіе купно внесенія образа Владимирскія Богородицы въ Москву и избавленія Россіи отъ Темиръ-Аксака. Самыя улицы и урочища знатные дѣяніи представляютъ. Проломъ на Трубѣ воспоминаетъ знатное учиненное отраженіе Полякамъ; Замоскворѣчье—храброе сопротивленіе Девлетъ-Гирею, гдѣ многія чада мои погибли; урочище Арбатъ показуетъ, что Татары нѣкую власть имѣли во градѣ и обозы свои тутъ останавливали; Болвановка, что тутъ они жительствы имѣли, и прочее. Такъ что съ нѣкоими свѣдѣніями Россійскій гражданинъ не можетъ сдѣлать шага, чтобы не воспомянуть вѣрность и усердіе своихъ праотцовъ къ отечеству и Государю, и къ оному бы вяще не побуждаться.

Шумящія струи рѣки моей не имѣютъ ни пространства, ни чистоты Невскихъ водъ, а паче, бывъ безъ призрѣнія, ежедневно чистоту свою теряютъ, но, однако, показуютъ по живущей въ ней нѣжной рыбѣ, чтобы они болѣе чистоты могли имѣть, и конечно не отягчаютъ жителей такими болѣзнями, которыя Невскія воды производятъ.

И тако, естьли бы милосердое око Вашего Величества воззрило на мои стѣны, естьли бъ частое пребываніе Ваше обновило юность

мою, то бъ огромные зданія гораздо съ большимъ успѣхомъ возвысились въ стѣнахъ моихъ, и новое зодчихъ искуство, смѣшаясь съ древними строеніями, двойную бы красоту мнѣ придали. Коломенское, Воронцово и другія окружныя села могли бы, при лутчемъ воздуха раствореніи, замѣнить мѣсто Петергофа и Царскаго Села, и поля бы изобильные, не болота представляли, но обильныя жатвы, изображающія обильность Монарша милосердія, или паче сказать, воспоминаніе обильной въ милости десницы, питающей вселенную. Возвеселилось бы сердце Царево, и возвеселилась бы я о Царѣ своемъ.

Средоточное мѣстоположеніе среди Имперіи моего града было бы удобнымъ къ скорѣйшему дохожденію всѣхъ извѣстій до правительства, и власть Монарша повсюду равно простираясь, нигдѣ ослаблена не была; вельможи бы, окромѣ что отъ повсюду зримыхъ ими памятниковъ усердія и вѣрности ихъ праотцовъ, болѣе бы нутренность страны познали, и нужды бы народныя извѣстнѣе имъ были; а къ тому, бывъ ближе къ своимъ деревнямъ, своимъ собственнымъ домовсдствомъ и домоводство другихъ побуждали, и изъ стеченія приватныхъ пользъ польза общественная могла проистечи.

Наконецъ цвѣтущая въ Петровомъ градѣ торговля можетъ ли Монарховъ моихъ остановить? Ибо коль она ни есть пространна и коль ни есть полезна, но пространство ея не отъ окружностей Петербурга происходитъ, но отъ обильства другихъ странъ Россіи, ближайшихъ ко граду моему; оживленіе же моего состоянія паче укрѣпитъ и сію часть государственныхъ доходовъ, а паче тѣмъ, что вельможи, бывъ отдалены отъ порта, не имѣя толико удобности получать чюжестранные товары, самымъ симъ сластолюбіе и роскошь ихъ стѣснится, а примѣръ ихъ, воздѣйствуя и надъ протчими, повсюду сіе зло, вкрадшееся въ Россію, сократитъ.

Воззри, всемилостивѣйшая Государыня, что состарѣвшійся въ вѣрности своимъ Монархамъ градъ съ покорностію представляетъ, воззри на всѣ мои заслуги, на вѣрность мою и чадъ моихъ, на полезность, приносимую прежде и нынѣ въ Россіи, и да не буду я, яко отвергнутая раба, лишена зрѣнія Монарховъ моихъ; да чада мои, служащія тебѣ, не будутъ забвенны отъ воззрѣнія твоего! Они не менѣе жаромъ любви къ тебѣ и къ отечеству пылаютъ, какъ тѣ,

которые имѣютъ щастіе тебя окружать, съ тою токмо разностію, что тѣ питаются надеждою милостей твоихъ, а сіи и безъ всякія надежды тѣ же чювствіи ощущаютъ. Ободри мою старость, ихъ же усердіе, вложи присутствіемъ твоимъ ту твердость и великодушіе, какое отцы ихъ ощущали, и буди обновительница старости моей, купно нравственныхъ добродѣтелей и блаженства Россіи!

КНЯЗЬ М. М. ЩЕРБАТОВЪ.

РАЗМЫШЛЕНІЯ
О
СМЕРТНОЙ КАЗНИ.

Отъ начала составленія обществъ, и слѣдственно съ начала бывшихъ нѣкоторыхъ условій, которые потомъ законами учинились, около половины нашего столѣтія предложена была до сего небывалая задача: должно ли наказывать великихъ преступниковъ смертною казнію, или нѣтъ?

Господинъ Бекарій, предложившій и изъяснившій сію задачу въ трудѣ своемъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ, старается изыскать, могли ли люди дать надъ собою право у нихъ жизнь отнимать, а потому и имѣютъ ли правительства таковое право? изъясняетъ потомъ самую неполезность сего права, говоря, что естьли кто нанесъ вредъ обществу, то не смертью, чинящею его не въ состояніи никакого возмездія учинить, но работою, по конецъ жизни продолжающеюся, учинитъ и впечатлѣніе страху въ тѣхъ, кто бы восхотѣлъ впасть въ подобное преступленіе, и трудомъ его, опредѣленнымъ въ пользу общества, удовлетворитъ приключенный имъ вредъ. Говоря при томъ, что отъ смертныя казни жесточаютъ токмо души, и что вездѣ, гдѣ суть высокія наказанія, тутъ болѣе есть преступленій, приводя сему въ примѣръ самое время царствованія Императрицы Елисаветы въ Россіи.

Европа видѣла сочиненіе Господина Бекарія, воздала достойную хвалу его человѣколюбивымъ мыслямъ, но онымъ нигдѣ, кромѣ Россіи, не послѣдовали. А посему и хочю я разсмотрѣть, во всемъ ли справедливы предложеніи сего ученаго человѣка?

Я кратко выше изъяснилъ, какія суть его мнѣніи, которые пространно каждый можетъ видѣть въ самомъ его сочиненіи. Здѣсь же за нужное почитаю изъяснить: I. Подлинно ли обществы не имѣютъ права наказывать великія преступленія смертною казнію? II. Не имѣемъ ли мы утвержденія сего права и въ самомъ нашемъ законѣ? III. Производитъ ли всякое другое наказаніе такое впечатлѣніе зрителямъ, какъ смертная казнь? IV. Есть ли въ предложеніи Господина Бекарія толико человѣколюбія, какъ чтится онъ показать? V. Удобно ли полагаемое Г-номъ Бекаріемъ удовлетворе-

8

реніе исполнится въ пространныхъ государствахъ? и VI. Какъ въ Россіи отрѣшена смертная казнь, и какъ наказаніи за великія преступленіи бываютъ?

I

Когда составлялись общества, почтемъ ли мы ихъ начало отъ первыхъ родоначальниковъ, или по избранію разсѣянные роды, для лучшаго надъ собою управленія, дали единому, или многимъ, власть, то не могли они сего учинить, не учиня сію власть неограниченну наказывать всѣ преступленіи, клонящіися разрушить общество, а потому не уповательно, чтобы въ условіи не была вмѣщена и смертная казнь за великія преступленія. Повѣствіи древнѣйшихъ историковъ о законахъ и обычаяхъ старобытнѣйшихъ народовъ, гдѣ мы видимъ, чѣмъ древнѣе народъ, то казни за преступленія были жесточайшія, сіе доказуютъ. Отъ того ли сіе произошло, что первые жители свѣта имѣли суровѣе нравы, или отъ того, что вновь сочиняющіися общества требовали крѣпчайшихъ узъ, дабы при началѣ не быть расторгнутымъ, или отъ того, что первые законодатели, и не воображая себѣ, чтобы нравы людскіе могли повредиться до такой степени, до какой они послѣ поврежденіемъ дошли, не по поврежденію нравовъ, и не по слабости естества человѣческаго, но по своей добродѣтели полагали степень преступленіямъ. Не могу я надивиться, что Господинъ Бекарій предлагаетъ, что въ число условій жизнь человѣческая не могла включиться; ибо тѣ, которые дѣлали первые условіи, содѣловали ихъ для сохраненія принадлежащего имъ, то могли ли подвергнуть жизнь свою къ казни, безъ чего и все, что есть, не нужно? Я отвѣчаю, конечно, могли. Ибо никто, содѣлывая условія, не хотѣлъ преступленій надъ собою терпѣть, а потому, что дороже жизнь ему своя казалась, то дороже за нее онъ цѣну поставлялъ; и конечно, было болѣе такихъ, которые въ таковыхъ расположеніяхъ были, нежели такихъ, которые намѣрялися содѣлать уголовные преступленія и убійства, ибо сіи и не имѣли нужды въ обществѣ, которое развратнымъ ихъ сердцамъ противно было, но, за недостаткомъ силы, принуждены были согласиться на смертное наказаніе за преступленіи, которые бы и хотѣли содѣлать. Да въ самой вещи, случай болѣе доводитъ до преступленія, нежель сердце, и тако едва таковые и были ль. Къ тому же самый Г. Бекарій мнѣ не оспоритъ, что единая изъ главнѣйшихъ притчинъ составленія обществъ была, чтобы защититься отъ непріятелей. Защищеніе требуетъ драки, а драка съ обѣихъ сторонъ

убійства, а однако они естественно обязались и съ потеряніемъ жизни общество и домы свои сохранять; то естьли бы положеніе Г. Бекарія было справедливо, что жизнь человѣческая не можетъ въ условіе сочиненія обществъ входить, не вошло бы и то въ условіе, чтобы съ проліятіемъ крови своей защищать общество и домы свои, а потому бы такое общество было покорено всякимъ такимъ, которое бы не имѣло сей превыспренней нѣжности. Но чтобы такое животолюбивое общество когда было, сіе смѣху достойно.

II

Колико новая философія, отрѣшая все откровеніе, сама собою не хощетъ достигнуть до великихъ истиннъ, однако, пока мы не сложимъ съ себя имя Христіанъ, пока священныя книги будутъ составлять у насъ основаніе нашея вѣры, мнѣ кажется, что самое благоразуміе научаетъ насъ сходствовать въ самыхъ гражданскихъ узаконеніяхъ нашихъ тѣмъ правиламъ, которыя законъ нашъ почитаетъ быть предписанными самимъ Богомъ. Пусть нѣкоторые, желая и отъ сего ига свободиться, говорятъ, что наказанія, предписанныя въ Ветхомъ Завѣтѣ великимъ преступникамъ, были сравнены съ суровствомъ того народа, которой тогда подъ богоначальствомъ и въ самомъ гражданскомъ правленіи находился, а потому и не могутъ намъ служить. То первое, кажется въ семъ случаѣ сіе отвѣтствуется тѣмъ, что еще идетъ въ вопросѣ: а именно, нѣтъ ли, хотя подъ другимъ видомъ и въ насъ не менѣе ожесточенія сердечнаго, какъ въ томъ народѣ? а второе, когда выше доказали, что самое естественное право, и основаніи первыхъ обществъ, не могло быть безъ установленій смертныхъ казней; а потому, сходствуя во первыхъ съ божественнымъ закономъ, богохулецъ и развратникъ вѣры, разрушающій то, что есть найсильнѣйшее у сообществъ; убіецъ, похищающій у человѣка то, что никакая власть смертнаго не можетъ возвратить; предатель отечества, нарушающій самое то, чего ради общества учредились, равно какъ и по божественнымъ правамъ, и по первенствующему условію, смерти подлежатъ. И не можемъ мы мудрствованіемъ своимъ сіе отрѣшить, не разруша единаго и другаго; также не можемъ мы безъ самаго безумія подумать, чтобы мы мудрствованіемъ своимъ могли превзойти милосердіе Создавшаго насъ. Но да не рекутъ паки о суровости Іудейскихъ законовъ, преданныхъ самимъ Богомъ, чрезъ Моисея, сему народу. Правда, что не токмо въ Десятословіи запрещено всякое убійство, но оказано толикое омерзѣніе Богомъ къ проліятію крови человѣ-

ческой, что даже животное, умертвившее четовѣка, смерти предавалось; но тогда же и видно милосердіе Божіе, ознаменитое въ сихъ законахъ, что нечаянный убіецъ могъ избѣжать себѣ осужденія и мщенія отъ родственниковъ (что ради суровства нравовъ народа сего было учинено), убѣгая въ единый изъ градовъ убѣжища, установленныхъ во всѣхъ частяхъ областей дѣтей Израильскихъ, а потому не можно сказать, чтобы при строгомъ правосудіи не зрилося и милосердіе, во установленіи Іудейскихъ законовъ.

III

Все, что Г-нъ Бекарій говоритъ о осужденіи убійцовъ и другихъ великихъ преступниковъ въ вѣчную работу, и яко бы видѣніе ихъ страждущихъ въ оной произведетъ впечатлѣніе надъ тѣми, которые бы восхотѣли ихъ примѣру подражать, нѣсть довольные силы, въ сравненіи съ смертною казнію; и сіе я потщуся доказать. Первый мой вопросъ состоитъ: Не затвердѣлые ли въ грубости и развратности сердца на великія преступленія дерзаютъ? и какъ не мню, чтобы кто мнѣ въ семъ учинилъ противурѣчіе; ибо, не добродѣтельные люди, и не тѣ, которые бы могли владѣть страстями своими, и страшились бы преступленій, въ оныя охотно ввергаются, то я ко второму вопросу приступаю: Не истинно ли есть, чтобы найразвратнѣйшій преступникъ, зная неизбѣжное ему наказаніе, не дерзнулъ преступленіе содѣлать? Думаю, что и въ семъ мнѣ не оспорятъ. Третіе: тако разбойникъ подвергается на труды, на раны и на боязнь, дабы убійство и грабежъ учинить, съ надеждою, однако, избѣжать смерти; ибо естьли бы зналъ подлинно, что онъ въ разбоѣ будетъ убіенъ, то бы, конечно, не покусился чинить разбои. Въ семъ случаѣ такъ же думаю, что и самые разбойники утвердятъ мое мнѣніе, и оно есть слѣдствіе перваго вопроса. И потому и ясно есть, что всякое другое впечатлѣніе меньше дѣйствуетъ въ человѣкѣ, какъ впечатлѣніе смерти.

Разсмотримъ мы естественное положеніе человѣка и дѣйствія его непорядочныхъ хотѣній. Сіе есть неоспоримое правило, что каждый человѣкъ убѣгаетъ отъ того, что ему зло быть является, и ищетъ того, что онъ благомъ почитаетъ. Природа сама старалася вдохнуть въ насъ сіи чуствованія, для побужденія нашего убѣгать отъ всего того, что зло естеству нашему можетъ нанести; но люди самое милосердное дарованіе природы во зло употребили, и почли не то благомъ, что самое благо есть, и не то зломъ, что самое зло есть; ибо вмѣсто, что благо есть послѣдовать должности, предписанной

естествомъ человѣку и вкушать отъ самаго сего удовольствіе, роскошь, самовольство и неподвластность величайшимъ почли благомъ. Зло же есть всякое отступленіе отъ своихъ должностей. А почли зломъ все то, что удерживаетъ и стѣсняетъ непорядочные хотѣніи человѣка. Отъ сихъ главностей пошедъ, чего преступникъ ищетъ? Онъ ищетъ удовольствія своихъ хотѣній, и ради того, изочтя по своему несправедливому щету, коль трудно ему исполненіе его должностей, дерзаетъ на всѣ опасности, чтобы мнимое себѣ благо пріобрѣсти. То таковый остановится ли воображеніемъ работы и труда отъ исканія мнимаго себѣ блага, когда онъ и не подвергаясь ни къ чему, работою и трудомъ могъ бы дѣйствительное оное имѣть? Тѣмъ найпаче, что при самыхъ преступленіяхъ своихъ, бывъ уже пойманъ, ежели токмо страшится работы и труда, надѣится какимъ ни будь образомъ ушедши, оныя избавиться, и тѣмъ съ вящимъ стремленіемъ возвращается къ своимъ преступленіямъ, что опасность, дабы опять не впасть въ подобное заключеніе, и невозможность почти уже нигдѣ убѣжища сыскать, его паче къ сему побуждаетъ. А потому сей способъ для самихъ преступниковъ есть недоволенъ отвратить ихъ отъ преступленій, ниже для зрителей, которые видятъ осужденіе въ работу такихъ найболѣе людей, которые бы и безъ того должны были работать, едва и внимаютъ ли, чтобы сіе было наказаніе. Вмѣсто что смертный ударъ, разрушая вдругъ естество человѣческое, чинитъ, что сіе единое уже убійца устрашаетъ, то ему и грозитъ, и зритель, видя казнь преступника, трепещетъ духомъ и страшится подъ оную подпасть.

Правда, что Г-нъ Бекарій представляетъ и то его утвержденіе своихъ мыслей, что въ единую минуту исполненная казнь не оставляетъ толико памяти по себѣ, колико видѣніе всегда въ трудѣ и работѣ находящихся преступниковъ. Но на сіе можно отвѣтствовать, что люди имѣютъ память, и что не токмо дѣйствительное видѣніе исполненія смертной казни устрашаетъ, но и напоминаніе оной, и самое расказаніе приводитъ въ трепетъ сердца и духи. Но видѣніе работающихъ сихъ? Первое, всякой ли съ любопытствомъ будетъ разсматривать тягость ихъ работы и жестокость ихъ содержанія, и тѣ, которые и увидятъ ихъ худыхъ, безобразныхъ, влачащихъ тяжкія бремена, почти обнаженныхъ въ хладное время, содѣлаютъ ли всѣ надлежащія заключенія о всей боли и тугѣ, которую они претерпѣваютъ? Кажется, что лѣность размышлять и соображать есть единый изъ главнѣйшихъ пороковъ людей; слѣдственно, и видя

все сіе, не размыслятъ о терпѣніи ихъ, и не изобразятъ ясно себѣ ихъ тугу и болѣзнь, а потому и толь сильнаго впечатлѣнія въ сердцѣ своемъ имѣть не будутъ. Но смерть есть смерть. Каждый ея страшится, и имя ея уже сочиняетъ впечатлѣніе въ сердцахъ человѣческихъ.

Болѣе еще скажу, что самое то, что Г-нъ Бекарій охуляетъ, мнѣ похвально быть мнится. Говоритъ онъ, что судьи осужденнаго со многими приготовленіями ведутъ на казнь. Но какая есть сему притчина? А разсмотрѣніе сего и докажетъ мудрость, полезность и человѣколюбіе сего установленія. Понеже законы не для безплоднаго мщенія умерщвляютъ преступника, но дабы самая смерть его, чиня впечатлѣніе въ сердцахъ зрителей, отвратила, естьли бы кто восхотѣлъ впасть въ подобное преступленіе; чинятъ всѣми обрядами болѣе еще ужести въ смертной казни, нежели простое и мгновенное пресѣченіе жизнь приключаетъ. Сего ради, и веденіе преступника всенародно на казнь, окруженнаго палачами: сего ради возженныя свѣщи, изъявляющія погребательные знаки; сего ради отецъ духовный, увѣщающій его къ покаянію; сего ради понужденія ему просить прощенія отъ зрителей. Сказалъ я, что сіи обряды, въ самой ужести своей есть человѣколюбивы, ибо они, наводя ужесть, не умножаютъ физическаго страданія преступника; но ужесть, коимъ сердце его терзается, нѣсть безчеловѣчна. Ибо сія ужесть приближенія къ смерти можетъ побѣдить преступника, поелику возможно, принести свое покаяніе Богу, и еще отъ сего милосердаго Вышняго Естества получить нѣкое милосердіе. Тако законы, оказуя, съ единой стороны, ненависть къ преступленію, милосердують самому преступнику, погубляя его тѣло, достойное погибели за преступленія, и, въ примѣръ другимъ, пекутся, однако, о душѣ его.

IV

Никакъ я не намѣренъ какихъ худыхъ расположеній сердцу господина Бекарія приписывать, возлагая болѣе на ошибку, сродственную человѣку, называть то человѣколюбіемъ, что въ самомъ дѣлѣ жесточае есть смертные казни, то есть, вѣчная и отяготительная работа, возложенная на преступниковъ въ удовлетвореніе, нанесеннаго ими вреда обществу.

Но подлежитъ на сіе учинить вопросъ: Какую онъ сію работу полагаетъ, и какое содержаніе симъ виновнымъ? Естьли работу жестокую, и содержаніе, могущее токмо жизнь сохранять человѣку; чтобъ жестокія бремена, носимыя сими нещастными, неимѣніе упо-

коенія, гладъ и жажда, томящія ихъ тѣло, и подверженіе къ жару солнечному лѣтомъ, къ строгости мразу зимою, и ко всѣмъ безпокойствамъ и безгодіямъ каждаго времяни года, дабы ежечасно, чувствуя скорбь и трудъ, могли притти въ раскаяніе, а зрители бы, сіе видя, жестокости устрашились. Не зрю я въ семъ положеніи никакого человѣколюбія, чтобъ, налагая сверхъ силы человѣческой, и не давая ни довольной пищи, ни покоя, удручить по малу нещастнаго, и тихими, но мучительными, стопами его къ смерти же доводить. Не можно ожидать во многихъ и чистосердечнаго раскаянія; ибо сіи суть, по большей части, люди, имѣющіе сердца ожесточенныя, скорѣе ввергнутся въ отчаяніе, нежели достигнутъ къ покаянію. Примѣръ множества Родервикскихъ каторжныхъ сіе намъ доказуетъ; а къ тому же послѣдняя изчезаетъ въ человѣкѣ надежда; среди всей туги, среди всей тягости работы и изнуренія, надѣится каждый какимъ ни есть способомъ отъ жестокости сей избѣжать; а посему и къ чистому покаянію не достигаетъ. Не можетъ сіе произвести сильнаго впечатлѣнія въ сердцахъ зрителей; ибо мимоходомъ, или неучастнымъ окомъ и безъ примѣчанія, взираютъ на ихъ труды и изтощеніе, или не могутъ вообразить себѣ ихъ туги. А, кажется, изысканіе, какъ бы наиболѣе удручитъ жизнь человѣческую, какъ бы отягчить нещастныхъ, и, не взирая на ихъ преступленіи, не имѣть къ нимъ жалости, явитъ въ начальникахъ не похвальное ожесточеніе сердца, тѣмъ болѣе охулительное, что они должны его продолжительно имѣть, а въ приставахъ ту же стойкость и привычку безъ жалости взирать на страждущихъ. А посему, сей способъ, умучая долговремяннымъ трудомъ и болѣзнію нещастнаго, ведетъ его къ смерти, не производя ни надъ нимъ великаго дѣйствія, и не чиня впечатлѣнія зрителямъ, служитъ токмо законнымъ образомъ вложить жестокость и безчеловѣчіе въ начальниковъ и приставовъ, и естьли не дѣяніемъ, то расположеніемъ сердца, и ихъ виновными учинить. И о семъ-то образѣ наказанія можно приложить самыя слова Господина Бекарія, что судьи со многими судебными обрядами располагаютъ найдлиннѣйшую казнь, ожесточающую безъ пользы человѣчество и приводящую къ суровости другихъ сердца.

Но я думаю, что мнѣ отвѣтствовать будетъ, что, конечно, не къ такому тихому мученію, наводящему же смерть, онъ преступниковъ сихъ подвергаетъ, а единственно для удовлетворенія приключеннаго ими вреда обществу, почитаетъ, что должно на нихъ нало-

жить тяжкую работу, но не превосходящую силы человѣческія, дать имъ нужное, но довольное пропитаніе, дабы гладомъ не изнурялись; не подвергнуть ихъ ко мразу и беспокойствамъ времянъ неодѣянныхъ; ибо поступая инако, подлинно бы въ безчеловѣчіе впали. Но гдѣ же наказаніе? Гдѣ примѣръ, отвращающій другихъ отъ подобныхъ преступленій? Большая часть таковыхъ преступниковъ бываютъ изъ самаго низкаго состоянія людей, а многіе изъ нихъ и едва дневную пищу имѣли, то почувствуютъ ли они работу, къ которой, по состоянію своему, изъ дѣтства привыкли? Но пусть нѣсколько лишняя работа на нихъ и возложится: умноженіе труда будетъ единственно токмо чуствительно имъ, а не зрителямъ, которые, видя, что они ничего весьма тягостнаго не дѣлаютъ, зная же ихъ самихъ и видя одѣянныхъ, никакого впечатлѣнія страха преступленія имѣть не будутъ; а потому наказаніе и не достигнетъ до главнаго своего предмета, отвратить страхомъ другихъ отъ содѣянія подобныхъ преступленій.

Мнѣ кажется, что Г-нъ Бекарій имѣлъ въ такомъ положеніи вычетъ економической. Убіецъ умертвилъ человѣка: да удовлетворитъ онъ обществу своею работою убытокъ, какой ему симъ убійствомъ нанесъ. Яко бы жизнь человѣческая могла цѣнена быть, и яко бы законы взирали въ наказаніи убійца не на кровь гражданина, напрасно проліянную, но токмо на убытокъ, которой оно претерпѣваетъ лишеніемъ человѣка. Во истинну, есть ли сіе и есть економически разсуждаемо, но нѣсть сходно съ нравственнымъ положеніемъ законовъ.

V

Является, что Господинъ Бекарій, писавъ въ Италіи, взиралъ токмо на малыя страны, сочиняющія разныя области Италіи, а не на общее положеніе всѣхъ народовъ земнаго шара. Малыя области, въ которыя Италія раздѣлена, и многонародіе сей страны, чинятъ, что убійствы и преступленіи по размѣру трудностей ихъ сокрыть, рѣдки бываютъ. А есть ли гдѣ оное и случится, вскорѣ пойманный преступникъ предается суду, и можетъ, бывъ осужденъ, быть хотя въ одномъ градѣ примѣромъ и другимъ жителямъ по близости ихъ разстоянія. Но въ великихъ областяхъ, не толь населенныхъ и покрытыхъ отчасти лѣсами, какова есть Германія, Польша, Швеція и Россія, преступленій болѣе содѣвается по сложному размѣру пространства и удобности сокрыть оныя. Столичные града имѣютъ болѣе стеченія народа, а потому въ нихъ и болѣе

преступленій бываетъ. То гонеже полезно есть, чтобы преступники наказанія претерпѣвали въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ содѣлали преступленіе, коликія по числу преступниковъ надлежитъ содѣлать великія и крѣпкія зданія во столичныхъ и во всѣ городахъ, колико должно имѣть военныхъ людей для стражи, и коликую издержку сіе Государству приключитъ! Да и самая сія издержка повлечетъ за собою многія наудобности, яко могущія случиться побѣги и самые бунты отъ скопившагося великаго числа преступниковъ. Не единое умствованіе меня доводитъ тако разсуждать, но долго пребывающій примѣръ въ Россіи. Когда строился Рогервигской портъ, отсылали туда преступниковъ для работы, цѣлые полки опредѣляемые были для стражи за ними, полки и военные люди, почитающіе себѣ въ наказаніе быть опредѣленными къ сей стражѣ, и слѣдственно за вину тѣхъ безвинно претерпѣвающіе. Не взирая на строгую дисциплину, на частые дозоры, на поставленіе стражей повсюду, и на цѣпь, когда нещастные ходили на работу, случалось, что нѣкоторые уходили, и бывали заговоры и злоумышленія отъ собранныхъ въ единое мѣсто злодѣевъ; а за все сіе стражи, по военнымъ законамъ, претерпѣвали наказаніи. Есть ли мнѣ отвѣтствовать будутъ, что строгое наблюденіе все сіе предъупредитъ, и что стражи ослабленіемъ своимъ сами виновати, я въ томъ не спорю, судя по законамъ: но естьли судить по человѣчеству, возможно ли, чтобы стражи упаслися отъ всѣхъ злодѣйскихъ вымысловъ толпы собранныхъ злодѣевъ? Возможно ли, чтобы ихъ осторожность была ровна вымысламъ и бдѣнію людей, хотящихъ спастися отъ работы? Ибо, коль бы твердая стража ни была, послѣ труда и бдѣнія ослабѣваетъ бодрость стражи, а въ самое то время утверждается крѣпость хотящихъ либо бѣгствомъ спастися, или злой заговоръ исполнить; ибо единый не знаетъ ни часу, ни времяни предпріятія злодѣйскаго, а другой для спасенія своего бдитъ и бодрствуетъ исполнить намѣреніе свое.

А все сіе, какъ я выше доказалъ, безъ пользы для общаго положенія государства, и безъ приключенія страху, естьли бы кто возжелалъ подражать такимъ преступленіямъ.

Сказалъ я выше, что для примѣру должно тутъ быть и наказанію, гдѣ содѣлалось преступленіе, а потому сосланіе въ дальные области для работанія въ рудникахъ, или для другихъ какихъ подобныхъ работъ, отдаляется отъ сего правила, и полезно для удержанія отъ преступленій быть не можетъ: ибо сіе наказаніе произво-

дится въ такомъ мѣстѣ, гдѣ и неизвѣстно того преступленія, и бывъ не видимо тутошними жителями, ни другими, по обыкновенномъ отдаленіи такихъ мѣстъ отъ другихъ, никакого впечатлѣнія не учиняетъ.

VI

Сказалъ я выше, что Европа, прочетши трудъ Г-на Бекарія, похвалила желаніе его показать человѣколюбіе, но не приняла его правила о отрѣшеніи смертныя казни, окромѣ Россіи, гдѣ уже во все время царствованія Императрицы Елисаветы Петровны смертныхъ казней не было.

А сего ради и надлежитъ мнѣ разсмотрѣть: 1) Какія были побудительныя причины отставленія смертной казни Императрицею Елисаветою Петровною? 2) Подлинно ли убавились преступленіи, и отъ того ли убавились, что смертная казнь отставлена стала? и 3) Какая нынѣ казнь вмѣсто смертной налагается и какъ она производится?

1. Хотя не можно сказать, чтобы Императрица Елисавета Петровна не имѣла исполненное человѣколюбіемъ сердце, но смертныя казни при самомъ возшествіи ея на престолъ отставлены были не на основаніи системы человѣколюбія, но по единной набожности; ибо извѣстно, что, умышленіемъ гвардіи Преображенскаго полку Гренадерской роты, она, низвергнувъ Іоанна III, на престолъ Россійскій была возведена. Идучи на сіе предпріятіе, гдѣ крайняя ей опасность представлялась, она, принося свои молитвы Вышнему, обѣщалась, что естьли возможетъ взойтить на родительскій престолъ, во все время царствованія своего не лишитъ ни какого виновнаго жизни. Обѣтъ, который она сохранила, и легко, по склонному къ милосердію ея сердцу, ей было его сохранить. И тако ни какихъ, тутъ политическихъ и метафизическихъ соразсужденій, въ отмѣненіи смертныхъ казней, не было.

2. Справедливо есть, что въ царствованіе сея Императрицы уменьшилися разбои, которые прежде великую опасность всѣмъ жителямъ деревенскимъ наносили, но, конечно, не отъ того, что смертная казнь преступникамъ отрѣшена стала; ибо странно такое предположеніе учинить, чтобы уменьшеніе страху наказанія за преступленіи, болѣе страху приключило оные содѣловать. Но мирное ея царствованіе, легость отставки дворянамъ и пребываніе войскъ внутри Государства, было причиною уменьшенія разбоевъ. Но не видно, чтобы частные преступленіи уменьшились. Драки за землю и великія убійствы многажды бывали, яко въ бывшей дракѣ между

крестьянъ Алексѣя Михайловича Еропкина и крестьянъ Архарова, гдѣ послѣдней и самъ помѣщикъ соучастникомъ былъ и около двантцати человѣкъ тутъ побито было. Драка между крестьянъ дворянъ Львовыхъ и Сафоновыхъ, гдѣ такъ же не меньше погибло: Жуковъ съ женою своею умертвилъ мать и сестру свою, и множество другихъ частныхъ смертоубійствъ было, яко свидѣтельствуютъ находящіися въ Приказахъ дѣла. А по сему и ясно есть, что не отрѣшеніе смертныя казни преступленіи уменьшило, но обстоятельства, гдѣ могли, а гдѣ не могли, то они тамъ же продолжались.

3. Приступимъ таперя расмотрѣть, какъ нынѣ великіе преступники у насъ наказуются? Смертной казни, прямо такъ названной, у насъ нѣтъ, окромѣ открытаго бунту, за что усѣченіемъ главы, или висилицею преступники наказуются; такую казнь у насъ претерпѣли: Мировичъ, взбунтовавшійся въ Слюсенбургѣ и хотящій возвести лишеннаго разума принца Іоанна паки на престолъ Россійской Имперіи; учинившіе бунтъ въ Москвѣ, во время бывшей язвы 1771 года, и Пугачевъ съ его сообщниками, учинившій бунтъ въ Оренбургской Губерніи, воспаливпій онымъ не малую часть Россіи и учинившій многія опустошеніи и убійства и, можно сказать, потрясшій самый престолъ. Протчіе же убійцы у насъ осуждаются быть биты кнутомъ по разнымъ мѣстамъ града, иногда безъ щету, даже до смерти, а иногда съ щетомъ ударовъ, отъ трехъ сотъ и болѣе, но все такое число, чтобы нещастной почти естественнымъ образомъ снести безъ смерти сего наказанія не могъ. Таковыхъ осужденныхъ, однако, не щитаютъ, чтобы они были на смерть осуждены, возятъ виновныхъ съ нѣкоими обрядами по разнымъ частямъ города, и повсюда имъ сіе мучительное наказаніе возобновляютъ. Нѣкоторые изъ сихъ въ жесточайшемъ страданіи, нежели усѣченіе главы, или висилица, или и самое пятеренье, умираютъ. Другіе же, перенесши всю жестокость сію, безчюственны отвозятся въ тюрму и тамъ умираютъ; а наконецъ, есть и такіе, которые и толь крѣпкаго сложенія, что не умираютъ и выздаравливаютъ.

Таперя надлежитъ намъ разсмотрѣть: а) Сходственно ли съ условіемъ народнымъ, составляющимъ общество, полагать такія жестокія наказанія? б) Соразмѣрна ли сія казнь съ преступленіемъ убійства? в) Можетъ ли судья, не учинившися самъ убійцомъ, ихъ предписывать? г) Производятъ ли они довольное впечатлѣніе въ сердцахъ зрителей? д) Не ожесточаютъ ли сердца? и е) Нѣсть ли противны самому Христіянскому закону?

а) Выше я упомянулъ, что первыи, сочиняющіи общества, не могли не вмѣстить въ условіе для составленія онаго смертную казнь для тѣхъ, которые тщатся оное разрушить. Но естли то были не жестокіе люди и достойные общества сочинить, не могли они согласиться на мучительное и терзательное лишеніе жизни. Ибо единое есть нужно, а второе есть безчеловѣчное дѣйствіе развратныя души, не токмо желающей истребить преступника, но и истребить его съ мученіемъ, насытить звѣрскія свои очи видѣніемъ его страданія, и ушеса свои воплемъ долгопроизводимымъ терзаемаго нещастнаго, являющимъ озлобленіе и месть, неприличную законамъ, и показующимъ равную ненависть къ преступнику, какъ и къ преступленію.

б) Общее есть правило, основанное на естественномъ и божественномъ законѣ, что каждое наказаніе должно быть соразмѣрно преступленію. Сего ради законы и разныя смертныя казни наложили, яко отрубленіе головы, висилицу, колесованіе, за ребро повѣшенье и протчее. Но какъ Европа начала болѣе просвѣщаться, то всѣ долго продолжающіися казни стали отмѣнены; и во Франціи, дабы содержать страхъ въ серцахъ народа, хотя и пятерятъ, но прежде непримѣтнымъ образомъ зрителямъ стражущаго умерщвляютъ, а симъ образомъ освобождаютъ виновнаго отъ мученія, наводя тотъ же страхъ жителямъ. Тако проникшее милосердіе въ сердца просвѣщенныхъ народовъ и изъ самаго законнаго мщенія старается мученіе отнять. Но можемъ ли мы сказать то о Россіи? Убійца, злодѣй, для корысти умышленно умертвилъ человѣка безъ мученія, безъ тиранства; ибо не въ тиранствѣ и мученіи ему была нужда, но токмо, чтобы убивъ, возмочь свободно имѣніе его пограбить, возится по торгамъ, съ перемѣшкою терпитъ все мученіе смертной казни, и претерпѣваетъ десять смертей, вмѣсто данныя имъ единыя. А посему и есть ли сравненіе между преступленія и наказанія? Естьли мы войдемъ въ разсмотрѣніе дѣяній, бывшихъ предъ нашими глазами, то болѣе увидимъ, что въ смертныхъ казняхъ поступокъ правительства нашего не имѣетъ ни какого основанія ни на правѣ, ни на человѣколюбіи, но все случайно и самоизвольно дѣлается. Вышепомянутой мною бунтовщикъ Пугачевъ, потрясшій самый престолъ Монаршій, опустошившій многія области Россіи и истребившій болѣе тысечи семей дворянскихъ съ разными мученіями, хотя былъ осужденъ къ пятеренью, которая бы казнь не могла болѣе нѣсколькихъ минутъ продолжиться, имѣлъ, по тайному повелѣнію, голову отсѣченну, а послѣ мертваго пятерили; злодѣи же, убившіе въ

нынѣшнемъ 1788 году Нона, для единныя прибыли и грабежа, претерпѣли засѣченіе кнутомъ, казнь, нѣсколько часовъ продолжающуюся и, конечно, не съ меньшимъ мученіемъ, какъ бы пятереніе. То гдѣ соравненіе казней съ родомъ преступленія? То гдѣ милосердіе къ человѣчеству?

в) Законы наши, или лутче сказать, повѣленіи Монарши, точно отвергаютъ смертную казнь. Нѣсть власти судьѣ чинить болѣе наказаніе того, какое законы повелѣваютъ; то можно ли судьѣ опредѣлять смертную, да еще и мучительную, казнь? Естьли скажутъ, что она ими и не опредѣляется, но токмо жестокое наказаніе, отъ коего, не снеся, нѣкоторые люди умираютъ, сіе есть смѣшная отговорка; ибо не должно никогда въ такой странѣ, гдѣ отмѣнена смертная казнь, опредѣлять такое наказаніе, отъ коего бы можно естественно предположить, что можетъ человѣкъ лишиться живота; а я вопрошаю: такого ли роду наказаніе есть триста, или четыреста, ударовъ кнута? Къ тому и малое число ударовъ надлежитъ располагать по сложенію человѣка, дабы его не умертвить; и общимъ образомъ, естьли наказаніе есть такое, что большая половина не выдержатъ его безъ потерянія жизни, то уже оно становится подвергающее почти неизбѣжно напрасно къ смерти того, кого законы освобождаютъ отъ оныя; то я вопрошаю: съ такими ли осторожностями у насъ дѣлаются наказаніи великимъ преступникамъ? Судья, подписывая опредѣленіе учинить такое наказаніе, обманываетъ законы, обманываетъ себя, и въ самомъ дѣлѣ дѣлается самъ убійцомъ, тѣмъ паче неизвинительнѣйшимъ, что во зло употребляя власть, данную ему законами, и по нѣкоимъ угожденіямъ къ Двору, съ повреждѣніемъ совѣсти своей, всенародно убійствы учиняетъ, не опасаяся и наказанія отъ правительства, яко бы вышній судья вселенной, изыскующій въ каждой малой вещи справедливость человѣческую, не спроситъ со времянемъ отчету о сихъ содѣянныхъ противу совѣсти судей, противу узаконеній, и безполезныхъ смертныхъ, съ мученіемъ произведенныхъ и превосходящихъ вину, наказаніяхъ?

г) Сказалъ я выше, что многіе не умираютъ на мѣстѣ наказанія, но, бывъ паки отведены въ тюрму, лишаются жизни, а другіе, хотя весьма рѣдко, и совершенно выздоравливаютъ. Коль рѣдко сіи примѣры ни бываютъ, однако они есть, а по сему самый осужденный не совсѣмъ лишается надежды, чтобы остаться живымъ послѣ наказанія, ни зрители, имѣя ту же надежду и щитая болѣе остающихся живыми, нежели дѣйствительно остается, то есть,

почти всѣхъ тѣхъ, которые въ тюрмѣ помираютъ, такого впечатлѣнія не имѣютъ. Ибо каждый, мало знающій состояніе человѣческое, со мною согласится, что коликое ни зритъ мученіе въ другомъ, никогда такого ему впечатлѣнія не содѣлаетъ, какъ видѣніе умирающаго человѣка. Есть многіе примѣры, что впечатлѣніе и естественною смертію умирающаго человѣка, нѣкоторыхъ мягкосердныхъ зрителей на вѣки, или, по крайней мѣрѣ, на долгое время, поражаетъ. Напротиву того, не зримъ ли мы тысячи примѣровъ, что, для спасенія жизни, даютъ себѣ едва не болѣзнѣйшія, нежели самая смерть, операціи дѣлать, яко отрѣзаніе членовъ, выниманіе камня, и другія, еще продолжительнѣйшія? То все сіе и доказуетъ, что всѣ сіи безчеловѣчные наказаніи, чинящія содрагать человѣчество, не могутъ толь сильнаго дѣйствія произвести, какъ казнь смертная, въ единный мигъ произведенная, сходственная и съ первобытнымъ условіемъ составляющихся сообществъ, и съ божественнымъ закономъ, и съ благомудрымъ постановленіемъ законовъ.

д) Г-нъ Бекарій говоритъ, что частые казни смертные ожесточаютъ сердца народныя. Я подлинно сему оспорить не могу; ибо частое видѣніе мертвецовъ и умирающихъ приучаетъ очи наши съ меньшимъ ужасомъ на сіе страшное позорище взирать. Но я подлинно не знаю, есть ли причина опасаться нѣкоторой жестокости въ сердцахъ народныхъ и до излишности стараться ихъ смягчать? Римляне никогда никѣмъ, ни жестокимъ, ни варварскимъ народомъ не почитались, а однако часто видѣли и казни, и въ самыхъ играхъ ихъ, къ коимъ они весьма жадны были, убіеніе и издыханіе гладіаторовъ. Симъ народъ получалъ не жестокость, а твердость и безбоязненность смерти. Англичане, которые любятъ кровавыя позорищи, и коихъ самой театръ частыя казни и орудія, приличныя быть въ хранилищѣ у палачей, представляетъ, не учинился, однако, варварскимъ и жестокимъ (народомъ). Первые изъ сихъ предохранены были добротою законовъ и философіей, а послѣдніе, такъ какъ и всѣ Христіяне, приобщили къ симъ еще и нравоученіе Христіянскаго закона, а потому твердость ихъ и презрѣніе смерти остается токмо для враговъ отечества, а естественная кротость просвѣщенному общежитіемъ человѣку во внутреннемъ обращеніи. Но, видя таковыя долговременныя мученія, народъ болѣе ожесточается: въ смертной казни онъ зритъ наказаніе, налагаемое законами, съ содроганіемъ видитъ смерть, а во второмъ зритъ мученіи, часто не оканчивающіися смертію, а потому суровость и безчеловѣчіе въ серд-

цѣ вогнезжается, чинитъ его таковымъ въ обществѣ, робкимъ же, однако, смерти, когда должно жизнь свою для пользы отечества пожертвовать.

е) Сказалъ уже я выше, что, по судебнымъ обрядамъ, ведомый человѣкъ на смерть, сошествуемъ есть всѣми знаками погребательными: возженіе свѣщъ, присутствіе отца духовнаго, и чюствіе, что уже ни какъ не можетъ избѣжать смерти и малое число минутъ остается ему жить, поражая его сердце, можетъ представить ему всю тщетность и суету жизни человѣческой, устрашить его, купно съ лишеніемъ временныя жизни, и жизни вѣчныя, и подвергнуться ко всему достойному за преступленіи его наказанію. Ужъ ни малый лучь лестныя надежды въ сердцѣ его не проникаетъ. Поражена душа, но она поражена сими размышленіями, влекущими его къ покаянію; и не можетъ ли такой злодѣй, въ сихъ послѣднихъ минутахъ своей жизни, принести чистое покаяніе, и отъ Бога, милующаго свою тварь, милосердіе получить? Вмѣсто, что по новому обычаю осужденный на наказаніе человѣкъ, которое смертнымъ не называютъ, хотя въ самомъ дѣдѣ оно смертное есть, ему подаетъ надежду пережить лучь надежды, хотя слабой, еще проникаетъ въ его сердце, мирскія суеты совсѣмъ не истребляются, не зритъ онъ ни погребательныхъ обрядовъ, ни увѣщателя предъ собою. Начнется наказаніе, начнется терзаніе его плоти, хотя, по чюствуемой имъ болѣзни, и чювствуетъ онъ приближаться свою смерть, но имѣетъ ли тогда душа его довольно свободы, чтобы, среди сихъ мученій, собрать всѣ свои чювства, и такое, какъ должно, чистое покаяніе предъ Богомъ принести? И такъ въ мученіи, жесточайшемъ всякія смертныя казни, безъ покаянія умираетъ; а судьи, учинившіе такое осужденіе и содѣлывающіе такое наказаніе, обще какъ за осужденіе виновнаго не по мѣрѣ преступленія, сверхъ законовъ, лишь во угожденіе обычая, такъ и за погубленіе души его отвѣтствовать предъ Богомъ должны.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Такія суть мои мысли на предложеніе Г–на Бекарія и на введенной обычай въ Россіи. Не скажу таперя я, чтобы въ семъ послѣдовали мыслямъ Италіянскаго сочинителя, ибо, хотя, какъ я выше показалъ, оныя несообразны со многими обстоятельствами и слабость показуютъ, но не опредѣляютъ толикаго мученія; но въ семъ случаѣ, гоняясь за именемъ человѣколюбія, въ самомъ дѣлѣ суров-

ство деспотическаго правленія является. Но какія же мои мысли, естьли вопросятъ меня, о смертныхъ казняхъ, и какія я почитаю преступленіи достойны оныхъ? Не отвѣтствую; нѣсть мое дѣло поставлять себя законодателемъ, да и свойство труда сего не можетъ терпѣть толикія длинности, чтобы о всѣхъ уголовныхъ преступленіяхъ разсматривать. А по сему токмо краткое начертаніе моихъ мыслей осмѣлюся представить.

Бунтовщикъ, злодѣй государственной и исполнившій измѣну, конечно, достоинъ смертныя казни.

Убіецъ родителей своихъ, мужоубійца и женоубіецъ, такъ же заслуживаютъ оную.

Разбойникъ, силою разбивающій на пути, или входящій въ домъ и съ мученіемъ умерщвляющій людей, долженъ, конечно, жизнію заплатить содѣянное имъ зло.

Всякое убійство, въ домѣ ли, или гдѣ индѣ учиненное съ умысломъ, такъ же къ смерти преступника подвергаетъ.

Въ дракѣ учиненное убійство, гдѣ не было намѣренія, хотя, по Божію и гражданскому закону достойно смертнаго наказанія, но, взирая на обстоятельства, можно, кажется, милосердуя къ человѣчеству, въ первый разъ отъ смертныя казни избавить, довольствуяся осудить на нѣсколько лѣтъ, а не вѣчно, въ работу; и сіе токмо за содѣянное въ первый разъ.

Дѣва, пагубившая свое дитя, прикрывая тѣмъ стыдъ свой, хотя, конечно, достойна смертному наказанію, но, взирая на обстоятельства ея, и что стыдъ и страхъ въ ней превозмогъ и материнскую любовь и человѣчество, кажется, требуетъ пощады, а единственно да осудится на нѣсколько лѣтъ въ работу и приноситъ покаяніе Господу, коего она поступкомъ своимъ сугубо прогнѣвала.

Но да всѣ сіи казни исполнятся безъ мученія! Пусть отнимется у преступника жизнь: тѣмъ воздастъ онъ удовлетвореніе за свое преступленіе. Но зачѣмъ изыскательными способами искать ожесточить часъ смертный, и такъ довольно тягостный? Да будетъ смерть его въ страхъ и примѣръ другимъ, а не въ ожесточеніе зрящихъ мученія! Да будетъ каждый преступникъ имѣть способъ и время принести свое покаяніе Господу, и душа его да не погибнетъ отъ печаянной и мучительной казни!

КНЯЗЬ М. М. ЩЕРБАТОВЪ.

—∞—

ОТВѢТЪ НА ВОПРОСЪ:

ЧТО ДУМАТЬ СЛѢДУЕТЪ О ПОСТУПКѢ НАШЕГО ДВОРА ВЪ РАЗСУЖДЕНІИ НЫНѢШНЕЙ ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ, КАКОЕ ДѢЙСТВІЕ ОНА СОДѢЛАЛА КЪ ПРОИЗВЕДЕНІЮ ШВЕЦКІЯ ВОЙНЫ, И О ПРОЧЕМЪ, ТОМУ ПОДОБНОМЪ? *

Милостивый Государь мой!

Вопросъ Вашъ для меня весьма труденъ, то есть, «чтобы изъяснилъ Вамъ, какъ я почитаю поступокъ нашего Двора и вождей войскъ, въ разсужденіи нынѣшней Турецкой войны, и какое дѣйствіе она содѣлала къ произведенію Швецкія войны; равнымъ образомъ, что я мню и о другихъ причинахъ, которые учинили въ состояніи Швецкаго Короля войну противу Россіи предпріять»?

Разсудите, Милостивый Государь, коль въ краткихъ словахъ Вашего вопроса вмѣщается пространная притчина, и колико надлежитъ въ семъ случаѣ извѣстну быть о всѣхъ тайныхъ политическихъ и военныхъ обстоятельствахъ, дабы, хотя съ малымъ основаніемъ, о такихъ вещахъ судить. Я ни какихъ такихъ свѣдѣній не имѣю, а въ угодность Вашу долженъ мнѣніе мое полагать, основываясь единственно на однихъ публичныхъ вѣдомостяхъ и на слухахъ народныхъ. Но Вамъ извѣстно, коль и всякія публичные вѣдомости бываютъ невѣрны, а нынѣ, можно сказать, у насъ и изъ невѣрныхъ невѣрными быть являются; ибо ни о Турецкой войнѣ, ни о Швецкой, не ведутся въ оныхъ журналы, и частые промѣшки дѣяній, въ неподлинности любящаго отечество свое любопытство гражданина оставляютъ, яко необстоятетьное повѣствіе о всѣхъ бывшихъ сраженіяхъ на водѣ съ Турками, умолчаніе, гдѣ находятся сухопутныя арміи какъ Князя Потемкина, такъ и Графа Румянцева, взятъ ли, или нѣтъ осажденной Шведами городокъ Нейшлотъ, какъ корабль нашъ Іюля шестаго числа при продолженіи зари во всю ночь, и при свѣтѣ полныя луны, при ясной погодѣ, невидимо другими, уведенъ Шведами, о сколькихъ пушекъ, какъ его имя, кто капитанъ,

---

* На полѣ подлинника этой статьи отмѣчено сочинителемъ: «Писано въ Іюлѣ 1788 года.»

и протчее? А всѣ таковыя необстоятельныя извѣстія, которыя, конечно, Кабинетъ нашъ, по глубокимъ политическимъ видамъ, токмо обнаруживаетъ, не могутъ не привести въ робость и уныніе народъ. Не всякой знаетъ слабость Швецкаго государства, а каждый почти наслышался о Нарвской баталія и о трудности, которую имѣлъ Петръ Великій Карла XII побѣдить, то и представляютъ себѣ уже Шведовъ, вошедшихъ во внутренность предѣловъ Россійскихъ и предающихъ все огню и мечу. Глупыя и отъ несмысленности происходящія суть сіи мысли, но, истинну сказать, самый поступокъ нашего Кабинета подаетъ имъ притчину. Государь, при объявленіи войны толь слабымъ непріятелямъ, приемлетъ въ даръ людей отъ своихъ подданныхъ, и отъ другихъ почти ихъ проситъ; безпашпортные и другіе силою во градахъ берутся, наборъ во время самыя работныя поры производится и съ поспѣшеніемъ не видавшіе ружья люди отправляются. То все сіе и не подаетъ ли притчины думать, что уже вѣроломный неприятель вошелъ въ наши границы, что успѣхи его суть чрезвычайны, что и нѣсть воинствъ для сопротивле́нія ему, и что самый градъ жилища Государева и особа Государская суть въ опасности отъ него? А какъ скоро мысли суть робостію заражены, то муха кажется слономъ, приятный зефиръ вихремъ, а лужа моремъ, и, слѣдственно, неприятные слухи и дерзкія сужденіи о самомъ правительствѣ въ народѣ разсѣваются, которыя тѣмъ самымъ болѣе становятся, что болѣе ихъ хотятъ унять, ибо нѣсть власти, могущей запретить, чтобъ пораженному страхомъ вопля не испускать.

Однако, не подумайте, чтобъ мои размышленіи клонились ко охуленію правительства. Дерзокъ бы я былъ, чтобь, не зная обстоятельствъ, осмѣлился оное охуждать; должность моя есть почитать, что все содѣловается къ лутчему, молчать, повиноваться, и отъ благоразумія онаго ожидать успѣховъ. Пусть я буду въ семъ случаѣ похожъ на панглоса, но тотъ былъ по системѣ его философіи, а я, по роду нашего правительства, таковымъ почитаю себя должнымъ быть.

Всѣ таковые мои размышленіи меня удаляютъ отвѣтствовать на Ваши вопросы; но дружба Ваша и повѣренность, что сіе токмо между насъ останется, понуждаютъ, однако, нѣкоторые мои размышленіи Вамъ предложить, о которыхъ въ противномъ положеніи всѣхъ, чинящихъ мысли, людей прошў Бога, чтобы они несправедливы были.

Приступаю къ самой притчинѣ. И первое, что на умъ мнѣ представ, самый Кайнарджинскій миръ, учиняя полуостровъ Крымъ независимъ отъ Порты Оттоманской, взятіе Россіею въ семъ полуостровѣ Керчи и Еникуля, предписанные условіи въ разсужденіи Молдавіи и Валахіи, не могъ быть приятенъ Туркамъ, которые чрезъ сіе лишались знатныя области, служащей имъ всегда ко опустошенію Россіи, тогда когда Россія въ оной ногу свою поставляла; учиненные предписаніи о Молдавіи, хотя никакой важности не содержали, но были нѣкоторой преградою Турецкому деспотичеству, но званію уже самому не терпящему никакія препоны. Я тогда же сказалъ, что постановленный сей миръ твердъ быть не можетъ, и какъ тогда же я предпріималъ писать Статистику Россійскія Имперіи, то и размышленіи мои о семъ вмѣстилъ, которые и таперя у меня между бумагами моими находятся, писанные рукою тогда бывшаго при мнѣ по Кабинецкимъ дѣламъ Регистратора Брайко, что нынѣ Оберъ-Секретарь Иностранныя Коллегіи. *

Предсказаніи мои были справедливы. Порта Оттоманская тайными происками начала въ дѣла Крымскія мѣшаться, дабы имѣть Хана, преданнаго ей. И тако старалась Порта Оттоманская, чтобы преданной ей Ханъ, Керимъ-Ханъ, былъ на престолѣ Крымскаго полуострова, тогда какъ Россія подкрѣпляла преданнаго ей, Саипъ-Гирея, прежде бывшаго Калгу, и предъуспѣла въ томъ, чтобы, хотя на время, его утвердить на семъ престолѣ. А тогда же приняла въ защищеніе свое Грузинскаго Царя, Геракліа; но какъ ясно уже для Россіи было, что Порта Оттоманская не болѣе будетъ содержать Кайнарджинской миръ, какъ по тѣхъ мѣстъ, пока она почуствуетъ себя въ состояніи паки съ вящими усиліями войну противу Россіи возобновить, то въ предосторожность (ибо не знаю, имѣлъ ли тогда Россійскій Дворъ намѣреніе овладать Крымомъ) начали строить городъ Херсонъ, въ семидесяти верстахъ отъ Очакова, завели тутъ верфь корабельную, и военные корабли стали проходить мимо Очакова, грозящіе подвергнуть чрезъ оные и самый Константинополь къ бомбардированью.

Между тѣмъ временемъ негосіаціи продолжались и можно сказать, что болѣе Порта Оттоманская видѣла дальновидные намѣреніи Россіи, то болѣе, хотя показывая упорность для прикрытія своихъ намѣреній, снисходительна казалась. Въ сіе время коммерческой трактатъ и многія другія конвенціи были заключены. Однако,

* Сочиненіе это помѣщено въ 3-й книгѣ «Чтеній» 1859 года.

при показаніи самыя такія робости, Турецкій Дворъ пламя междоусобія въ Крымѣ возжигалъ противу Хана Саипъ-Гирея, преданнаго Россіи. Конечно бы разумъ, щедрость болѣе нежели Татарская, и подкрѣпленіемъ Россійскимъ могъ сей Ханъ до конца жизни своей пробыть на Крымскомъ престолѣ, если бы онъ не восхотѣлъ то дѣлать изъ Татаръ, чѣмъ они быть, по грубости своей, не могутъ. Сіе есть заводить къ нимъ нѣкоторые Европейскіе обычаи, и самовластіе свое толико разпространить, чтобы единая его воля составляла законъ, и по единому его помаанію все исполнялось. Не знаю, какіе виды имѣлъ Россійскій Дворъ не кстати чинимымъ его предпріятіямъ спомоществовать, давая ему и ружья, по Европейски содѣланныя, и офицеровъ для наученія его солдатъ. Если уже и тогда имѣлъ Россійскій Дворъ намѣреніе приобщить Крымъ къ своему скипетру, то сіе чинимо было съ великою опасностію для самыя Россіи; ибо естьли бы вводимые учрежденіи Саипъ-Гиреемъ окоренились у Татаръ, то бы Крымскіе Татары, которые нечто иное были, какъ толпа грабителей, безъ устройства производящіе всѣ свои военныя дѣйствія, худо вооруженные и страшливые отъ огненнаго оружія, не токмо бы могли страшными непріятелями сами учиниться Россіи, но когда они, Магометанцы, приняли такое исправленіе въ военныхъ обрядахъ, могли бы послужить примѣромъ и Туркамъ, къ ихъ храбрости, запальчивости въ бою и къ великому числу устройство присоединить, и можно сказать, по естеству вещей, гибельнымъ не токмо для Россіи, но и для всей Европы паки непріятелемъ учиниться. Естьли же Россійскій Кабинетъ хотѣлъ токмо преданнаго Хана на престолѣ подкрѣплять, то принялъ совсѣмъ противныя видамъ своимъ мѣры, то есть, подавалъ ему способы привлекать на себя ненависть всѣхъ Крымскихъ Татаръ, дѣлалъ ихъ устройнѣе, а потому себѣ и Хану опаснѣе. Но естьли бы и предъуспѣлъ въ томъ, то бы самымъ симъ усилилась Крымская сила. Цари не суть безсмертны, ни мысли ихъ не суть не перемѣнчивы. Самъ бы Саипъ-Гирей, или бы его наслѣдникъ, по сходству обычаевъ и по единозаконію, могъ бы паки предаться подъ Турецкое покровительство и учиниться опаснѣйшимъ непріятелемъ Россіи, нежели когда ни будь Крымъ бывалъ.

Однако все сіе успѣху не имѣло. Саипъ-Гирея на престолѣ не утвердили, и Крымцовъ мы не имѣли время, изуча военнымъ обращеніямъ, опасными себѣ врагами здѣлать; ибо смущеніе за смущеніемъ въ Крымѣ послѣдовали, и бунтъ, кровію утушенный, дру-

гой бунтъ возрождалъ, такъ что Саипъ-Гирей, по безпредѣльной ли своей преданности къ Россіи, или разными обѣщаніями бывъ побужденъ, по утишеніи послѣдняго бунта съ помощію Россійскихъ войскъ, оставилъ Крымскій престолъ, совѣтовалъ прежде бывшимъ своимъ подданнымъ предаться подъ власть Россіи, а Россія, почитая себѣ сіе уже за право, и яко бы въ возмездіе за великія издержки, учиненныя для спокойствія Крыма, сей полуостровъ во власть свою, яко бы завоеванную землю, взяла, учредила тамъ правленіе Россійское, переименовала его древнимъ его имепемъ, Херсономъ Таврическимъ, и Императрица сіе имепованіе Крымскаго полуострова въ титулъ свой вмѣстила.

Симъ поступкомъ рушилось все терпѣніе Порты Оттоманской; она торжественно протестовала, что Россія завладѣла Крымомъ противу точнаго постановленія Кайнаржинскаго мира; но понеже наведенный страхъ на Турокъ великими успѣхами Россійскаго оружія во время прошедшія войны не позволялъ имъ вдругъ войну объявить, то къ озлобленію своему присоединяя мудрость, Турецкій Дворъ еще не объявилъ оныя Россіи, довольствуяся разными происками дѣлать себѣ союзниковъ, а Россіи непріятелей, а можетъ статься, что и бывшій бунтъ Беевъ Египетскихъ отъ того ее удержалъ. И такъ Порта Оттоманская начала воюющіе уже противу Россіи горскіе народы къ упорнѣйшему произведенію войны побуждать, давая имъ деньги и ружье и прилагала свои стараніи, чтобъ въ Европѣ новые союзы дѣлать.

Казалось бы, что Россія, зная сама, коль чувствительно огорчила Турецкой Дворъ взятіемъ Крыма, должна бы, естьли не хотѣла сама войны, нѣсколько умѣреннѣе поступать, или бы уже, вмѣстѣ съ новыми требованіями, сама войну объявить. Но нѣтъ. Россія была весьма отдалена начинать войну, думая негосіаціями все получить; а требованіи свои простирала такія, чтобы и послѣ найсильнѣйшихъ пораженій Турокъ едва ли могла бы имѣть болѣе. Оные состояли: унять Горскіе народы отъ ихъ войны, или, по крайней мѣрѣ, не давать имъ ни какой помощи; отдать знатную часть Бессарабіи, яко принадлежащую Крыму; позволить даже и военнымъ кораблямъ проходить мимо Константинополя въ Средиземное море; позволить учредить во многихъ мѣстахъ Консулей Россійскихъ. Не знаю я, что о требованіяхъ Бессарабіи Турки отвѣтствовали, но думаю, что безъ смѣху и слышать ихъ не могли; но видно изъ чужестранныхъ вѣдомостей, что о унятіи Горцовъ они отвѣчали, что сіи есть народы,

имъ не подвластные, а потому они ихъ унять не могутъ; помощи никакой имъ не даютъ; но естьли что они нужное себѣ чрезъ торговлю свою въ областяхъ Турецкихъ получатъ, то они сего запретить не могутъ, чтобы подданные Порты Оттоманской для того съ Горцами не торговали, что Россія съ ними воюетъ; однако, и въ семъ случаѣ дадутъ повелѣніе, чтобы имъ ружья и пороху не продавали, повелѣніе, которое никогда, однако, учинено не было, хоть долго спорили о пропускѣ военныхъ кораблей въ Средиземное Море; но наконецъ согласились, да кажется и нужды имъ не было не согласиться; потому, пропуская по одному и по два, никогда сіи корабли опасности Константинополю не приключали, а прошедши Дарданелы въ маломъ числѣ, и бывши въ ихъ водахъ безъ порта и убѣжища, въ случаѣ начатія войны, всегда въ Турецкой волѣ находились. О Консулахъ они не инако спорили, какъ требуя того же права имѣть и своихъ Консулей въ Россіи, въ чемъ имъ отказано было. А между тѣмъ временемъ дѣланныя многія обиды и запрещеніе Туркамъ брать соль на Кинбурской сторонѣ, что имъ Кайнарджинскимъ трактатомъ позволено было, наипаче огорченіе умножало. Готова уже была Порта Оттоманская начать войну, когда еще Россія ушедшаго Волошскаго Господаря, обвиняемаго при Портѣ въ измѣнѣ, приняла подъ свое защищеніе.

Я вошелъ, Милостивый Государь, въ сіи подробности о поступкахъ нашихъ съ Турками для того, чтобы Вамъ показать, что въ прошедшемъ году, въ Августѣ мѣсяцѣ, объявленная Россіи Турками война, нѣсть нечаянное приключеніе, противу котораго бы не можно было и предосторожностей взять, но такое дѣло, которое всякой, хотя мало разумъ имѣющій человѣкъ, давно предвидѣлъ; и самое правительство со времяни взятія Крыма, то есть, съ 1783 года, является, ожидало ее; ибо артиллерія въ Херсонъ была привезена, и толь великая, каковой никогда не бывало, и для наполненія оной всѣ пушки съ Московской площади были взяты, полки туда были подвинуты и великіе рекруцкіе наборы дѣлаютъ, предполагать, что они и укомплектованы были, а паче во время походу Ея Императорскаго Величества въ Крымъ отовсюдова велѣно было полкамъ къ границамъ Турецкимъ итти, и дѣйствительно они, раздѣленные на разныя дивизіи, тамъ обрѣтались.

А изъ сего слѣдуетъ: война была предвидима, войски собраны, артиллерія привезена. А сіе и предполагаетъ, что войски, по великимъ рекруцкимъ наборамъ, были въ комплетѣ, артиллерія готова,

исправна и всѣмъ нужнымъ снабжена, провіантъ на людей и фуражъ на лошадей изготовленъ; ибо все сіе здѣлать мы имѣли и время и удобность.

Наконецъ, почти при повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи, а паче въ Украинѣ, въ началѣ Августа мѣсяца, Турками объявлена была война Россіи, и Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, съ возвратнаго пути Императрицы въ Москву, еще въ Іюнѣ мѣсяцѣ, поскакалъ на Турецкія границы, иже и сочиняютъ ввѣренныя ему губерніи, яко намѣстнику. Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, человѣкъ, носящій на себѣ особливо милость и повѣренность Монаршу, котораго дѣла, каковы бы они ни были, всегда апробацію Монаршу получаютъ; могущій все, что восхочетъ, не токмо, по особливой милости Государевой, но и по самымъ наложеннымъ на него должностямъ, Генералъ-Губернаторъ къ Турецкимъ границамъ прилегающихъ губерній и Президентъ Военной Коллегіи, и наконецъ поѣхавшій съ возвратнаго пути Государыни туда на границу, конечно, по извѣстіямъ, что Турки, конечно, хотятъ войну начать, слѣдственно, и не безъ наставленій.

Оставимъ мы сего пышнаго вельможу среди его губерній, окруженнаго собравшимися военачальниками, и воззримъ на Турковъ. Во истинну я не могу приписать глупости Турковъ объявленіе ими войны, ничего не изготовивъ; ибо выше я показалъ, что они твердое, кажется, имѣли намѣреніе давно уже войну Россіи объявить; Визирь и Капитанъ-Паша, два главные правители Турецкія имперіи, давно уже дышали злобою на Россію. Но, кажется, что открытое приготовленіе, бояся быть предъупрежденными, дѣлать они не осмѣлились; родъ правленія ихъ не позволяетъ изъ дальныхъ областей до объявленія войны войска пригонять; Капитанъ-Паша былъ упражненъ успокоивать Египетъ, послѣ побѣжденія Беевъ; а посему ни войска, ни флоту у нихъ противу Россіи готовыхъ не было, и я истинно не сумнѣваюсь, чтобы не по наущенію какого Европейскаго Двора, подтвержденнаго извѣстіями ихъ шпіоновъ, о состояніи Россійскихъ войскъ и о голодѣ въ Россіи, ихъ подвигнуло толь безвременно, да и въ Августѣ мѣсяцѣ, войну объявить; ибо прежде обыкновенно они при наступленіи зимы, то есть, около Ноября мѣсяца, сiую объявляли, дабы зимніе мѣсяцы употребить для собранія войскъ и учиненія всѣхъ приготовленій. И тако, какъ я слышалъ заподлинно, и публичныя вѣдомости свидѣтельствуютъ, что, при объявленіи войны, Турецкая Имперія не имѣла во всей

Бесарабіи тритцети тысечъ войска, щитая и гварнизоны Очаковской и Бендерской, и пяти военныхъ караблей, да и тѣ едва ли въ состояніи были вытти въ море, а Капитанъ-Паша со всѣмъ флотомъ въ Египтѣ находился.

При таковыхъ обстоятельствахъ, кто бы не подумалъ, чтобъ Князь Потемкинъ, при первомъ открытіи войны, не вступилъ въ непріятельскія области, чтобы флотъ нашъ, котораго показывали до шеспатцати линейныхъ кораблей и нѣсколькихъ фрегатовъ въ Севастопольскомъ портѣ Государыни и Германскому Императору, не выступилъ въ море и не пошелъ бы прямо къ Константинополю, или, по крайнѣй мѣрѣ, къ Синопу, и не опустошалъ бы области Турецкія, чтобъ пламя селеній воспаленныхъ видимо было самому Султану, запертому въ его серали, и звукъ пушечной стрѣльбы достигалъ бы до ушесъ его. Очаковъ едва имѣлъ тогда восемъ тысечъ гварнизону, то чего жъ бы ради собранныя войска не употребить для осады сего града, и три, или четыре, года привезенную многочисленную осадную артиллерію, находящуюся въ Херсонѣ, не учинить дѣйствовать противу стѣнъ сея крѣпости, тогда же бы какъ флотъ нашъ, содержа море, не допускалъ моремъ всякую помощъ? Чего недоставало? Пять лѣтъ мы готовились къ войнѣ, войски были отовсюда собраны, артиллерія привезена, флотъ готовъ; все сіе казано Монархинѣ, всему она учинила похвалу. Слѣдственно, либо не хотѣли дѣйствовать съ такимъ усердіемъ, какъ надлежало, либо Монархиня видѣла и не видала, и засвидѣтельствованіе и похвала ея суть тщетны, самымъ дѣйствіемъ научающія Монарховъ не хвалить того, чего совершенно сами не знаютъ.

Стекалися, кажется, случаи для обвиненія пышнаго начальника. Турки, которые, по одержаннымъ въ прошедшую войну побѣдамъ, долженствовали бы трепетать на своихъ земляхъ, видя недѣйствіе нашихъ морскихъ и сухопутныхъ силъ, осмѣлились сами здѣлать дессантъ на мысъ Кинбургской, и были не токмо разбиты, но, можно сказать, истреблены Генераломъ Суворовымъ. Извѣстно всѣмъ, что какъ скоро Турки претерпятъ разбитіе, то ихъ такой страхъ одолѣваетъ, что они найсильнѣйшія укрѣпленіи покидаютъ, яко въ прошедшую войну они покинули Хотимъ по ночномъ разбитіи. То чего же бы ради, по крайнѣй мѣрѣ, въ сіе время не здѣлать атаку Очакова? Турки были страхомъ поражены, гварнизонъ ихъ весьма убавился, а..... *

КНЯЗЬ М. М. ЩЕРБАТОВЪ.

* Окончанія нѣтъ.

РАЗСУЖДЕНІЕ

О НЫНѢШНЕМЪ ВЪ 1787 ГОДУ ПОЧТИ ПОВСЕМѢСТНОМЪ ГОЛОДѢ ВЪ РОССІИ, О СПОСОБАХЪ ОНОМУ ПОМОЧЬ И ВПРЕДЪ ПРЕДУПРЕДИТЬ ПОДОБНОЕ ЖЕ НЕЩАСТІЕ.

Должность каждаго гражданина есть, поелику сила его доставать можетъ, печися о пользѣ отечества своего, а посему и мысли, которыя по разнымъ обстоятельствамъ къ пользѣ онаго родятся, не должны быть прежде рожденія ихъ погребены въ вѣчное забвеніе, но, за недостаткомъ другихъ способовъ, да предадутся они бумагѣ; можетъ быть, и чрезъ нѣсколько вѣковъ могутъ сіи семена желаемую жатву принести. Часы, посвященные мною къ таковымъ писаніямъ, я драгоцѣннѣйшіе въ жизни моей щитаю, а предпринимая сія разсужденіи, изъ драгоцѣнныхъ драгоцѣнными ихъ называю, ибо удовлетворяю въономъ разные предмѣты, приятные душѣ моей, то есть, воздаю долгъ отечеству, предлагаю то, что полезно мнѣ быть является, и подаю способы спасти отъ нещастія и жесточайшей гладной смерти многія тысечи людей. Прими вомракѣ моего кабинета приносимую сію жертву, источникъ всея добродѣтели, прими тѣмъ благоприятнѣе, что тебѣ извѣстны внутреннія движенія моего сердца. Ты вѣсть, что въ дѣлахъ отечества моего и въ дѣлахъ приватныхъ, предпочиталъ ли я когда собственную пользу общему благу, и не за первое ли щастіе всегда щиталъ быть отечеству и подобнымъ себѣ полезенъ? Пятьдесятъ четыре года уже протекло сего дня отъ дня рожденія моего, * и я, при многихъ перемѣнахъ, стѣсняющихъ мою душу, и въ самыхъ заблужденіяхъ

---

* 1787 — 54 = 1733.

младости моей всегда въ исполненіи должностей моихъ отраду себѣ обрѣталъ. Да пребудутъ такія мысли въ сердцѣ моемъ до конца жизни моей, и да будутъ они навсегда наслѣдственны потомству моему!

Приступая же къ самой причинѣ моего сочиненія, кажется, во первыхъ, должно разсмотрѣть, отъ чего сперва дороговизнь хлѣбу, а наконецъ и голодъ произошелъ.

ПРИЧИНЫ ДОРОГОВИЗНИ И ГОЛОДУ.

Многія обстоятельствы стеченіемъ своимъ споможествовали къ произведенію сперва дороговизни, а наконецъ и голоду: 1) Вкрадшееся сластолюбіе во всѣ чины Государственные, даже и до крестьянъ; 2) умноженіе народа; 3) умноженіе разныхъ мастеровыхъ; 4) умноженіе винокуренныхъ заводовъ и корчемства; 5) малое прилежаніе о земледѣліи и недостатокъ земель; 6) неразсмотрительной выпускъ хлѣба въ чюжіе государства; 7) уменьшеніе доброты земель; 8) недостатокъ запаснаго хлѣба, и 9) оставленіе монастырскихъ запашекъ и малое попеченіе о хлѣбопашествѣ Государевыхъ и Економическихъ крестьянъ.

Дабы все сіе яснѣе показать, § 1, что сластолюбіе вкралось во всѣ чины Государственные, никто сему, взирая на наши столы, житье и зданіи, оспорить не можетъ; а самое сіе сластолюбіе проникши и до крестьянъ, заставляетъ ихъ излишнее употреблять на свои издержки, такъ что то, что прежде довольно было для содержанія двухъ семей, едва ли нынѣ и одну семью содержать довольно. Сластолюбіе обыкновенно влечетъ за собою лѣность, а лѣность людей ослабляетъ въ земледѣльческой работѣ; привязанность къ роскоши, производимый оною недостатокъ, понудилъ множество крестьянъ, оставя ихъ желаніи, итти въ торги, въ мастерствы и въ другіе промыслы: они роскошь свою удовлетворяютъ, слаще пьютъ и ядятъ, но земли, обработыванныя ими, праздны остаются. А естли которыя обработаны, и тѣ обработаны наемниками, гораздо съ меньшимъ тщаніемъ, нежели бы могли они сами оныя обработать; да и самые сіи наемщики, работая со тщаніемъ чюжую землю, свою уже совсѣмъ не обработываютъ; и се есть явное уменьшеніе земледѣлія.

§ 2. Взирая на множество такихъ людей, которые и во весь годъ пребываютъ въ городахъ, и которые для разныхъ работъ на лѣто приходятъ, ощутительно есть, что число пахарей должно было уменьшиться; а съ другой стороны благополучное положеніе нашей страны и крѣпость народная, чинящая Россіанъ весма удобныхъ къ дѣтородію, не взирая на войны и язвы, весма умножило народъ, такъ что въ 50 лѣтъ оный въ полтора прибылъ, то земледѣліе упало, а народу умножилось, а отъ сего и естественно долженствовала произойтить дороговизнь въ хлѣбѣ.

§ 3. По мѣрѣ размноженія сластолюбія, приумножилися всѣ мастерствы, рукодѣліи и промыслы, и самые хотя нужные Государственные строенія въ губернскихъ и другихъ городахъ, представляя великое обильство для промысловъ, отвлекли отъ земледѣлія многія тысечи человѣкъ. Естли мы возмемъ въ примѣръ одну Москву, и разсмотримъ разныхъ мастеровыхъ, живущихъ и приходящихъ въ оную, то ясно увидимъ, коль число ихъ приумножилось. Дватцети лѣтъ тому не прошло, весь каретной рядъ вмѣщался за Петровскими воротами по земляной городъ по большей улицѣ; а нынѣ не токмо уже многія лавки распростерлись внутрь Бѣлаго города, и взаворотъ въ обѣ стороны по Земляному городу, но и въ другихъ улицахъ множество есть такихъ сараевъ для продажи каретъ, не щитая, сколько Нѣмцевъ каретниковъ въ Москвѣ въ разныхъ мѣстахъ кареты дѣлаютъ и продаютъ. Хлѣбники были весма рѣдки, нынѣ почти на всякой улицѣ вывѣски хлѣбниковъ видны. Кирпичю въ годъ врядъ до 5 милліоновъ дѣлалось, нынѣ дѣлается до 10 милліоновъ; строеньи были рѣдки и много какъ въ Москвѣ прежде когда 20 домовъ строилось, а нынѣ нѣтъ почти улицы, гдѣ бы строенія не производилось. Всѣ таковые промыслы требуютъ людей, или навсегда пребывающихъ, или происходящихъ на время лѣтнее, яко кирпишниковъ, каменьщиковъ, штекатуровъ, плотниковъ, столяровъ и прочее; а всѣ сіи люди, удвоившіися или утроившіися на лѣтнее время, оставляютъ свои домы и земледѣліе, чтобы, не способствуя къ произращенію пропитанія, быть истребителями съѣсныхъ припасовъ. Приложимъ еще, сколько такихъ мастеровыхъ употреблены во всѣхъ Намѣстничествахъ, огромные всенародные и приватныхъ людей зданія, въ малое число лѣтъ яко бы волшебствомъ какимъ произведенные, повсюду пышность и великолѣпіе взирающему на внѣшность человѣку представляютъ, но

колико въ самомъ дѣлѣ отвращеніемъ отъ земледѣлія, а потому убавкою произведенія нужнѣйшихъ къ жизни вещей, Россію ослабляютъ.

§ 4. Въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны винный доходъ весма былъ не великъ, и помнится, Москва и Петербурхъ токмо 700 тысечь откупу платили; доходъ сей весма умножился, и дошелъ даже до десяти милліоновъ. Правда, не все отъ единой прибавки продажи вина казеннаго, ибо и цѣна на самое вино стала умножена, но, однако, знатное количество и поставки вина прибавилось, а сверхъ того строгія непомѣрно законы о корчемствѣ чинили, что его весма было мало; нынѣ же отмѣненіемъ корчемнаго уставу, наказаніи за корчемство и смотрѣніе за нимъ весма уменьшилось, а тѣмъ самымъ оно весма умножилось къ вящему повреждѣнію нравовъ, истребленію лѣсовъ и хлѣба, и къ ущербу государственнаго доходу.

§ 5. Достойно есть удивленія, что тогда, когда правилами своими для законодательства царствующая надъ нами Императрица утвердила сію великую истину, что земледѣліе есть найполезнѣйшій трудъ, когда сочиненіями своими Економическое Общество тщилося всѣ роды домостройства побуждать, и когда самыя нужды наши должны бы найболѣе побудить насъ къ земледѣлію, оно тогда совершенно упало. И вмѣсто, что у непросвѣщенныхъ нашихъ предковъ, не знающихъ и слово домостройства, не читающихъ никакихъ ученыхъ сочиненій, скирды хлѣба погнивали, мы со всѣмъ просвѣщеніемъ и со всѣми побужденіями, и въ обильные годы семянъ не имѣемъ. Мой бывшій доброй приятель, Григорій Николаичъ Тепловъ, представлялъ Сенату, въ поданномъ своемъ мнѣніи о дороговизнѣ хлѣба въ Санктпетербургѣ, что сіе отъ излишныхъ поборовъ со крестьянъ происходитъ; но я говорю, что сіе происходитъ отъ нераченія крестьянъ и помѣщиковъ, и отъ неимѣнія людей для употребленія надзирать надъ симъ нужнымъ трудомъ государству. Причины нераченія крестьянъ довольно выше изъяснены, ибо крестьянинъ, убѣгая отъ труда земледѣлія, отъ неподлиннаго же прибытку, которой онъ можетъ надѣиться отъ земледѣлія, располагаетъ свой трудъ такимъ образомъ, чтобъ и лакомство его было удовольствовано, и вѣрность въ полученіи денегъ ему безопаснѣе и точнѣе была, кидаетъ свою пашню и стремится въ разные промыслы, оставляя свою землю. А и оставшійся, худое имѣя знаніе о

земледѣліи, послѣдуя токмо обычаямъ своихъ предковъ, не имѣя ни наставника, ни понудителя къ его трудамъ, съ небреженіемъ къ земледѣлію прилежитъ, и худымъ урожаемъ пуще огорчается, и трудъ, долженствующій составить его благосостояніе, въ ненависть приемлетъ. Економические и Государственные крестьяне, оставленные на собственное ихъ попеченіе, не болѣе о семъ нужномъ трудѣ раченія прилагаютъ, но каждой болѣе старается обогатиться какими несправедливыми способами, нежели тѣмъ, что мать и питательница роду человѣческому, то есть, земля, ему обѣщаетъ. Помѣщики изъ дѣтства отдалены отъ своихъ деревень, худо и понимаютъ всѣ тонкости земледѣлія, кладутъ свои деревни на оброкъ, получаютъ великіе доходы, пребываютъ въ службѣ, живутъ или по опредѣленіямъ въ мѣста, или по выборамъ въ городахъ, не имѣя ни времяни, ни удобности войтить во всѣ подробности домостройства, а иные, ради удовольствія своего, и безъ привязанности къ должности, то же дѣлаютъ. Наконецъ, бѣдные дворяне, которые до сего найболѣе прилежали къ земледѣлію, бывъ должностями отвлечены и получая болѣе жалованья, нежели бы могли доходовъ съ деревень получить, малыя свои селенія оставляютъ, и не токмо сами, но и съ людьми своими, которые во время ихъ пребыванія въ деревняхъ пахали, самые лошади, служащія къ унавоживанью и обработыванью ихъ полей, живутъ съ ними въ городахъ. Наконецъ, достаточные и благоразумные помѣщики, чювствующіе, какую пользу можно отъ земледѣлія получить, имѣя въ разныхъ уѣздахъ свои деревни, за недостаткомъ людей для присмотру, принуждены и въ плодоноснѣйшихъ областяхъ деревни свои на оброкъ класть, ибо каждой освобожденной единожды человѣкъ становится свободенъ на вѣкъ, а потому изъ вольныхъ брать въ крѣпость никого не можно; а вольные требуютъ великаго жалованья, а заслужатъ ли, или нѣтъ его, то неизвѣстно: да которой бы и довольно знающъ былъ, имѣя въ предметѣ токмо обогатиться и войти или въ офицеры, или въ приказные служители, или въ купцы, сію должность мимоходящей почитаютъ и усердія къ господамъ не имѣютъ. А и самые оставшіеся въ крѣпости, при самыхъ знакахъ ихъ усердія, токмо ищутъ время, или случая, отбыть отъ своихъ господъ, и къ сему нераченіями о пользѣ господской, по разореніямъ помѣщика и крестьянъ, себя приготовляютъ. А потому хотя бы и желалъ какой помѣщикъ употребить свои старанія о земледѣліи, но за недостаткомъ, кому препоручить смотрѣніе за крестьянами, ихъ ущербомъ себѣ, равно и государству, долженъ проживать.

Ктому же, коль ни есть пространна Россія, занимающая знатную часть земнаго шару, и коль ни есть по пространству своему немногонародна, однако со всѣмъ тѣмъ въ иныхъ мѣстахъ по физическому положенію, а въ другихъ по худому учрежденію, Правительство не имѣетъ довольно земли, и остальные еще прилежащіе къ земледѣлію крестьяне не толикое число земли обработываютъ, сколько бы надлежало, тогда какъ великія степи, въ лутчихъ мѣстахъ лежащія и снабженныя тучною землею, безъ земледѣлія остаются. Говорю первое о физическомъ недостаткѣ. Сѣверныя наши области покрыты лѣсами, болотами, мхами и песками, хотя великое число земли на картѣ представляютъ, но земли сіи совсѣмъ неудобны къ земледѣлію; а въ полуденныхъ есть великія степи, многія совершенно безводны, а потому и не могутъ быть заселены; а наконецъ и удобныя остаются во власти у Короны, иныя лежатъ впустѣ, а другія отдаются въ наемъ для паствы, тогда какъ множество и Государственныхъ крестьянъ не имѣютъ и по осминѣ на работника высеить. Правда, что многія изъ сихъ розданы и распроданы; но кому розданы? Вельможамъ, которые, бывъ обогащены и безъ того милостями Государя, малое прилежаніе о населеніи и обработываніи ихъ прилагаютъ. А и проданныя суть по большей части людямъ богатымъ, захватившимъ многія тысечи десятинъ и употребляющимъ ихъ для скотоводства, и не помышляя довольно ихъ населить и запахать. И тако впадаемъ въ правило народа скотоводителя, которому не въ примѣръ болѣе земли потребно, нежели народу хлѣбопашцу.

§ 6. Неоспоримое есть правило, что во многихъ случаяхъ выпускъ хлѣба помогаетъ ко умноженію земледѣлія и пользѣ государства; ибо 1) умножая продажу излишняго урожаю, возвышаетъ цѣну на хлѣбъ, а самымъ тѣмъ чинитъ, что труды земледѣльца суть болѣе заплачены; 2) выпускъ, умножая вывозъ товаровъ въ чюжія государства, дѣлаетъ перевѣсъ торговли для той страны, которая хлѣбъ выпускаетъ. Но какъ всякія правилы не могутъ быть повсемѣстно одинакія, колико бы они всеобщими ни казались, то, во первыхъ, должно разсмотрѣть, приложительны ли они къ Россійской имперіи? Естли бы сія монархія была не только великой обширности, имѣла бы со всѣхъ странъ многія морскія пристанищи, имѣла бы повсемѣстныя сообщеніи судоходными рѣками и каналами, и наконецъ, естли бы плодоноснѣйшія области къ мѣстамъ выпуску

прилегали, то бы, конечно, правило о пользѣ выпуску хлѣба безпредѣльно должно было приняться. Но какъ у насъ ничего сего недостаетъ, а именно: имперія есть такой пространности, что самый перевозъ хлѣба съѣдаетъ всѣ барыши, каковыя бы можно было отъ выпуску получить, а чрезъ самое сіе въ продажѣ своего произращенія земледѣлецъ не много пользы получаетъ. Пристанищей морскихъ у насъ мало, да и тѣ не весма удобны, ибо Петербургской портъ имѣетъ неудобность труднаго плаванія по Балтійскому морю; города: Архангельской дальнаго обходу кругъ Норвегіи, трудности плаванія по Бѣлому морю, и баръ, чрезъ который близъ города Архангельскаго должно переходить; Крымскія пристанища лежатъ всѣ на Черномъ морѣ, и суть яко заперты узкимъ проходомъ мимо Константинополя. По толь пространной имперіи водяныхъ сообщеній у насъ весьма мало: ибо хотя великія рѣки и орошаютъ многія страны Россіи, яко Волга, чрезъ которую даже отъ Астрахани могутъ суда ходить до Петербурга, оканчивая остальный путь свой каналомъ и потомъ Невою, но плаваніе по ней все въ верхъ противу теченія, слѣдственно, должно тянуться лямкою, а въ иныхъ мѣстахъ и толь мелка, что суда, приходящія изъ плодоносныхъ областей, принуждены перегружаться въ Рыбной, а и остальную часть пути своего не съ полнымъ грузомъ дѣлаютъ. Двина, впадающая въ Бѣлое море, хотя и весьма удобна къ плаванію, но довозъ до нее гораздо труденъ, ибо рѣки Югъ и Сухона, въ нее впадающія, не суть въ плодоносныхъ областяхъ, а и до оныхъ пристаней везти надлежитъ далеко на лошадяхъ. Донъ, выходящій изъ плодоносныхъ областей, весма же удобенъ къ такому плаванію, но выпускъ тутъ не можетъ быть обиленъ; ибо первое: что Турки и другіе полуденные народы не берутъ почти никакого другаго хлѣба, окромѣ пшеницы, что несть главное произведеніе Россіи; и выше я уже помянулъ, что все Черное море узкимъ Константинопольскимъ проходомъ заперто, и вся торговля сія чинитъ Россію яко подвласну Портѣ Оттоманской. Днѣпръ, впадающій въ Черное море, окромѣ его быстроты, чинящей плаваніе по немъ нѣсколько опасно, мелей и великихъ пороговъ, и общаго загражденія Чернаго моря Турецкою областью, Очаковымъ. Каналовъ, окромѣ Шлюсебурскаго, нѣтъ. Области прилегающія къ портамъ, то есть, къ Петербурскому и Архангелогородскому суть не плодоносные: а которыя лежатъ къ портамъ Чернаго моря, тѣ еще не довольно имѣютъ селеній. А по всему сему выпускъ хлѣба въ

имъ не подвластные, а потому они ихъ унять не могутъ; помощи никакой имъ не даютъ; но естьли что они нужное себѣ чрезъ торговлю свою въ областяхъ Турецкихъ получатъ, то они сего запретить не могутъ, чтобы подданные Порты Оттоманской для того съ Горцами не торговали, что Россія съ ними воюетъ; однако, и въ семъ случаѣ дадутъ повелѣніе, чтобы имъ ружья и пороху не продавали, повелѣніе, которое никогда, однако, учинено не было, хоть долго спорили о пропускѣ военныхъ кораблей въ Средиземное Море; но наконецъ согласились, да кажется и нужды имъ не было не согласиться; потому, пропуская по одному и по два, никогда сіи корабли опасности Константинополю не приключали, а прошедши Дарданелы въ маломъ числѣ, и бывши въ ихъ водахъ безъ порта и убѣжища, въ случаѣ начатія войны, всегда въ Турецкой волѣ находились. О Консулахъ они не инако спорили, какъ требуя того же права имѣть и своихъ Консулей въ Россіи, въ чемъ имъ отказано было. А между тѣмъ времянемъ дѣланныя многія обиды и запрещеніе Туркамъ брать соль на Кинбурской сторонѣ, что имъ Кайнарджинскимъ трактатомъ позволено было, наипаче огорченіе умножало. Готова уже была Порта Оттоманская начать войну, когда еще Россія ушедшаго Волошскаго Господаря, обвиняемаго при Портѣ въ измѣнѣ, приняла подъ свое защищеніе.

Я вошелъ, Милостивый Государь, въ сіи подробности о поступкахъ нашихъ съ Турками для того, чтобы Вамъ показать, что въ прошедшемъ году, въ Августѣ мѣсяцѣ, объявленная Россіи Турками война, нѣсть нечаянное приключеніе, противу котораго бы не можно было и предосторожностей взять, но такое дѣло, которое всякой, хотя мало разумъ имѣющій человѣкъ, давно предвидѣлъ; и самое правительство со времяни взятія Крыма, то есть, съ 1783 года, является, ожидало ее; ибо артиллерія въ Херсонь была привезена, и толь великая, каковой никогда не бывало, и для наполненія оной всѣ пушки съ Московской площади были взяты, полки туда были подвинуты и великіе рекруцкіе наборы дѣлаютъ, предполагать, что они и укомплектованы были, а паче во время походу Ея Императорскаго Величества въ Крымъ отовсюдова велѣно было полкамъ къ границамъ Турецкимъ итти, и дѣйствительно они, раздѣленные на разныя дивизіи, тамъ обрѣтались.

А изъ сего слѣдуетъ: война была предвидима, войски собраны, артиллерія привезена. А сіе и предполагаетъ, что войски, по великимъ рекруцкимъ наборамъ, были въ комплетѣ, артиллерія готова,

исправна и всѣмъ нужнымъ снабжена, провіантъ на людей и фуражъ на лошадей изготовленъ; ибо все сіе здѣлать мы имѣли и время и удобность.

Наконецъ, почти при повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи, а паче въ Украинѣ, въ началѣ Августа мѣсяца, Турками объявлена была война Россіи, и Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, съ возвратнаго пути Императрицы въ Москву, еще въ Іюнѣ мѣсяцѣ, поскакалъ на Турецкія границы, иже и сочиняютъ ввѣренныя ему губерніи, яко намѣстнику. Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, человѣкъ, носящій на себѣ особливо милость и повѣренность Монаршу, котораго дѣла, каковы бы они ни были, всегда апробацію Монаршу получаютъ; могущій все, что восхочетъ, не токмо, по особливой милости Государевой, но и по самымъ наложеннымъ на него должностямъ, Генералъ-Губернаторъ къ Турецкимъ границамъ прилегающихъ губерній и Президентъ Военной Коллегіи, и наконецъ поѣхавшій съ возвратнаго пути Государыни туда на границу, конечно, по извѣстіямъ, что Турки, конечно, хотятъ войну начать, слѣдственно, и не безъ наставленій.

Оставимъ мы сего пышнаго вельможу среди его губерній, окруженнаго собравшимися военачальниками, и воззримъ на Турковъ. Во истинну я не могу приписать глупости Турковъ объявленіе ими войны, ничего не изготовивъ; ибо выше я показалъ, что они твердое, кажется, имѣли намѣреніе давно уже войну Россіи объявить; Визирь и Капитанъ-Паша, два главные правители Турецкія имперіи, давно уже дышали злобою на Россію. Но, кажется, что открытое приготовленіе, бояся быть предъупрежденными, дѣлать они не осмѣлились; родъ правленія ихъ не позволяетъ изъ дальныхъ областей до объявленія войны войска пригонять; Капитанъ-Паша былъ упражненъ успокоивать Египетъ, послѣ побѣжденія Беевъ; а посему ни войска, ни флоту у нихъ противу Россіи готовыхъ не было, и я истинно не сумнѣваюсь, чтобы не по наущенію какого Европейскаго Двора, подтвержденнаго извѣстіями ихъ шпіоновъ, о состояніи Россійскихъ войскъ и о голодѣ въ Россіи, ихъ подвигнуло толь безвременно, да и въ Августѣ мѣсяцѣ, войну объявить; ибо прежде обыкновенно они при наступленіи зимы, то есть, около Ноября мѣсяца, оную объявляли, дабы зимніе мѣсяцы употребить для собранія войскъ и учиненія всѣхъ приготовленій. И тако, какъ я слышалъ заподлинно, и публичныя вѣдомости свидѣтельствуютъ, что, при объявленіи войны, Турецкая Имперія не имѣла во всей

Бесарабіи тритцети тысечъ войска, щитая и гварнизоны Очаковской и Бендерской, и пяти военныхъ караблей, да и тѣ едва ли въ состояніи были вытти въ море, а Капитанъ-Паша со всѣмъ флотомъ въ Египтѣ находился.

При таковыхъ обстоятельствахъ, кто бы не подумалъ, чтобъ Князь Потемкинъ, при первомъ открытіи войны, не вступилъ въ непріятельскія области, чтобы флотъ нашъ, котораго показывали до шеснатцати линейныхъ кораблей и нѣсколькихъ фрегатовъ въ Севастопольскомъ портѣ Государыни и Германскому Императору, не выступилъ въ море и не пошелъ бы прямо къ Константинополю, или, по крайнѣй мѣрѣ, къ Синопу, и не опустошалъ бы области Турецкія, чтобъ пламя селеній воспаленныхъ видимо было самому Султану, запертому въ его серали, и звукъ пушечной стрѣльбы достигалъ бы до ушесъ его. Очаковъ едва имѣлъ тогда восемъ тысечъ гварнизону, то чего жъ бы ради собранныя войска не употребить для осады сего града, и три, или четыре, года привезенную многочисленную осадную артиллерію, находящуюся въ Херсонѣ, не учинить дѣйствовать противу стѣнъ сея крѣпости, тогда же бы какъ флотъ нашъ, содержа море, не допускалъ моремъ всякую помощъ? Чего недоставало? Пять лѣтъ мы готовились къ войнѣ, войски были отовсюда собраны, артиллерія привезена, флотъ готовъ; все сіе казано Монархинѣ, всему она учинила похвалу. Слѣдственно, либо не хотѣли дѣйствовать съ такимъ усердіемъ, какъ надлежало, либо Монархиня видѣла и не видала, и засвидѣтельствованіе и похвала ея суть тщетны, самымъ дѣйствіемъ научающія Монарховъ не хвалить того, чего совершенно сами не знаютъ.

Стекалися, кажется, случаи для обвиненія пышнаго начальника. Турки, которые, по одержаннымъ въ прошедшую войну побѣдамъ, долженствовали бы трепетать на своихъ земляхъ, видя недѣйствіе нашихъ морскихъ и сухопутныхъ силъ, осмѣлились сами здѣлать дессантъ на мысъ Кинбургской, и были не токмо разбиты, но, можно сказать, истреблены Генераломъ Суворовымъ. Извѣстно всѣмъ, что какъ скоро Турки претерпятъ разбитіе, то ихъ такой страхъ одолѣваетъ, что они найсильнѣйшія укрѣпленіи покидаютъ, яко въ прошедшую войну они покинули Хотимъ по ночномъ разбитіи. То чего же бы ради, по крайнѣй мѣрѣ, въ сіе время не здѣлать атаку Очакова? Турки были страхомъ поражены, гварнизонъ ихъ весьма убавился, а..... *

КНЯЗЬ М. М. ЩЕРБАТОВЪ.

* Окончанія нѣтъ.

РАЗСУЖДЕНІЕ

О НЫНѢШНЕМЪ ВЪ 1787 ГОДУ ПОЧТИ ПОВСЕМѢСТНОМЪ ГОЛОДѢ ВЪ РОССІИ, О СПОСОБАХЪ ОНОМУ ПОМОЧЬ И ВПРЕДЪ ПРЕДУПРЕДИТЬ ПОДОБНОЕ ЖЕ НЕЩАСТІЕ.

Должность каждаго гражданина есть, поелику сила его доставать можетъ, печися о пользѣ отечества своего, а посему и мысли, которыя по разнымъ обстоятельствамъ къ пользѣ онаго родятся, не должны быть прежде рожденія ихъ погребены въ вѣчное забвеніе, но, за недостаткомъ другихъ способовъ, да предадутся они бумагѣ; можетъ быть, и чрезъ нѣсколько вѣковъ могутъ сіи семена желаемую жатву принести. Часы, посвященные мною къ таковымъ писаніямъ, я драгоцѣннѣйшіе въ жизни моей щитаю, а предпринимая сіи разсужденіи, изъ драгоцѣнныхъ драгоцѣнными ихъ называю, ибо удовлетворяю въ ономъ разные предмѣты, приятные душѣ моей, то есть, воздаю долгъ отечеству, предлагаю то, что полезно мнѣ быть является, и подаю способы спасти отъ нещастія и жесточайшей гладной смерти многія тысечи людей. Прими во мракѣ моего кабинета приносимую сію жертву, источникъ всея добродѣтели, прими тѣмъ благоприятнѣе, что тебѣ извѣстны внутреннія движенія моего сердца. Ты вѣсть, что въ дѣлахъ отечества моего и въ дѣлахъ приватныхъ, предпочиталъ ли я когда собственную пользу общему благу, и не за первое ли щастіе всегда щиталъ быть отечеству и подобнымъ себѣ полезенъ? Пятьдесятъ четыре года уже протекло сего дня отъ дня рожденія моего, * и я, при многихъ перемѣнахъ, стѣсняющихъ мою душу, и въ самыхъ заблужденіяхъ

* 1787 — 54 = 1733.

младости моей всегда въ исполненіи должностей моихъ отраду себѣ обрѣталъ. Да пребудутъ такія мысли въ сердцѣ моемъ до конца жизни моей, и да будутъ они навсегда наслѣдственны потомству моему!

Приступая же къ самой причинѣ моего сочиненія, кажется, во первыхъ, должно разсмотрѣть, отъ чего сперва дороговизнь хлѣбу, а наконецъ и голодъ произошелъ.

ПРИЧИНЫ ДОРОГОВИЗНИ И ГОЛОДУ.

Многія обстоятельствы стеченіемъ своимъ спомоществовали къ произведенію сперва дороговизни, а наконецъ и голоду: 1) Вкрадшееся сластолюбіе во всѣ чины Государственные, даже и до крестьянъ; 2) умноженіе народа; 3) умноженіе разныхъ мастеровыхъ; 4) умноженіе винокуренныхъ заводовъ и корчемства; 5) малое прилежаніе о земледѣліи и недостатокъ земель; 6) неразсмотрительной выпускъ хлѣба въ чюжіе государства; 7) уменьшеніе доброты земель; 8) недостатокъ запаснаго хлѣба, и 9) оставленіе монастырскихъ запашекъ и малое попеченіе о хлѣбопашествѣ Государевыхъ и Економическихъ крестьянъ.

Дабы все сіе яснѣе показать, § 1, что сластолюбіе вкралось во всѣ чины Государственные, никто сему, взирая на наши столы, житье и зданіи, оспорить не можетъ; а самое сіе сластолюбіе проникши и до крестьянъ, заставляетъ ихъ излишнее употреблять на свои издержки, такъ что то, что прежде довольно было для содержанія двухъ семей, едва ли нынѣ и одну семью содержать довольно. Сластолюбіе обыкновенно влечетъ за собою лѣность, а лѣность людей ослабляетъ въ земледѣльческой работѣ; привязанность къ роскоши, производимый оною недостатокъ, понудилъ множество крестьянъ, оставя ихъ желаніи, итти въ торги, въ мастерствы и въ другіе промыслы; они роскошь свою удовлетворяютъ, слаще пьютъ и ядятъ, но земли, обработыванныя ими, праздны остаются. А естли которыя обработаны, и тѣ обработаны наемниками, гораздо съ меньшимъ тщаніемъ, нежели бы могли они сами оныя обработать; да и самые сіи наемщики, работая со тщаніемъ чюжую землю, свою уже совсѣмъ не обработываютъ; и се есть явное уменьшеніе земледѣлія.

§ 2. Взирая на множество такихъ людей, которые и во весь годъ пребываютъ въ городахъ, и которые для разныхъ работъ на лѣто приходятъ, ощутительно есть, что число пахарей должно было уменьшиться; а съ другой стороны благополучное положеніе нашей страны и крѣпость народная, чинящая Россіанъ весма удобныхъ къ дѣторолію, не взирая на войны и язвы, весма умножило народъ, такъ что въ 50 лѣтъ оный въ полтора прибылъ, то земледѣліе упало, а народу умножилось, а отъ сего и естественно долженствовала произойтить дороговизнь въ хлѣбѣ.

§ 3. По мѣрѣ размноженія сластолюбія, приумножилися всѣ мастерствы, рукодѣліи и промыслы, и самые хотя нужные Государственные строенія въ губернскихъ и другихъ городахъ, представляя великое обильство для промысловъ, отвлекли отъ земледѣлія многія тысечи человѣкъ. Естли мы возмемъ въ примѣръ одну Москву, и разсмотримъ разныхъ мастеровыхъ, живущихъ и приходящихъ въ оную, то ясно увидимъ, коль число ихъ приумножилось. Дватцети лѣтъ тому не прошло, весь каретной рядъ вмѣщался за Петровскими воротами по земляной городъ по большей улицѣ; а нынѣ не токмо уже многія лавки разпростерлись внутрь Бѣлаго города, и взаворотъ въ обѣ стороны по Земляному городу, но и въ другихъ улицахъ множество есть такихъ сараевъ для продажи каретъ, не щитая, сколько Нѣмцевъ каретниковъ въ Москвѣ въ разныхъ мѣстахъ кареты дѣлаютъ и продаютъ. Хлѣбники были весма рѣдки, нынѣ почти на всякой улицѣ вывѣски хлѣбниковъ видны. Кирпичю въ годъ врядъ до 5 милліоновъ дѣлалось, нынѣ дѣлается до 10 милліоновъ; строеньи были рѣдки и много какъ въ Москвѣ прежде когда 20 домовъ строилось, а нынѣ нѣтъ почти улицы, гдѣ бы строенія не производилось. Всѣ таковые промыслы требуютъ людей, или навсегда пребывающихъ, или происходящихъ на время лѣтнее, яко кирпишниковъ, каменьщиковъ, штекатуровъ, плотниковъ, столяровъ и прочее; а всѣ сіи люди, удвоившіися или утроившіися на лѣтнее время, оставляютъ свои домы и земледѣліе, чтобы, не способствуя къ произращенію пропитанія, быть истребителями съѣсныхъ припасовъ. Приложимъ еще, сколько такихъ мастеровыхъ употреблены во всѣхъ Намѣстничествахъ, огромные всенародные и приватныхъ людей зданія, въ малое число лѣтъ яко бы волшебствомъ какимъ произведенные, повсюду пышность и великолѣпіе взирающему на внѣшность человѣку представляютъ, но

колико въ самомъ дѣлѣ отвращеніемъ отъ земледѣлія, а потому убавкою произведенія нужнѣйшихъ къ жизни вещей, Россію ослабляютъ.

§ 4. Въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны винный доходъ весма былъ не великъ, и помнится, Москва и Петербурхъ токмо 700 тысечь откупу платили; доходъ сей весма умножился, и дошелъ даже до десяти милліоновъ. Правда, не все отъ единой прибавки продажи вина казеннаго, ибо и цѣна на самое вино стала умножена, но, однако, знатное количество и поставки вина прибавилось, а сверхъ того строгія непомѣрно законы о корчемствѣ чинили, что его весма было мало; нынѣ же отмѣненіемъ корчемнаго уставу, наказаніи за корчемство и смотрѣніе за нимъ весма уменьшилось, а тѣмъ самымъ оно весма умножилось къ вящему повреждѣнію нравовъ, истребленію лѣсовъ и хлѣба, и къ ущербу государственнаго доходу.

§ 5. Достойно есть удивленія, что тогда, когда правилами своими для законодательства царствующая надъ нами Императрица утвердила сію великую истину, что земледѣліе есть найполезнѣйшій трудъ, когда сочиненіями своими Економическое Общество тщилося всѣ роды домостройства побуждать, и когда самыя нужды наши должны бы найболѣе побудить насъ къ земледѣлію, оно тогда совершенно упало. И вмѣсто, что у непросвѣщенныхъ нашихъ предковъ, не знающихъ и слово домостройства, не читающихъ никакихъ ученыхъ сочиненій, скирды хлѣба погнивали, мы со всѣмъ просвѣщеніемъ и со всѣми побужденіями, и въ обильные годы семянъ не имѣемъ. Мой бывшій доброй пріятель, Григорій Николаичъ Тепловъ, представлялъ Сенату, въ поданномъ своемъ мнѣніи о дороговизнѣ хлѣба въ Санктпетербургѣ, что сіе отъ излишныхъ поборовъ со крестьянъ происходитъ: но я говорю, что сіе происходитъ отъ нераченія крестьянъ и помѣщиковъ, и отъ неимѣнія людей для употребленія надзирать надъ симъ нужнымъ трудомъ государству. Причины нераченія крестьянъ довольно выше изъяснены, ибо крестьянинъ, убѣгая отъ труда земледѣлія, отъ неподлиннаго же прибытку, которой онъ можетъ надѣяться отъ земледѣлія, располагаетъ свой трудъ такимъ образомъ, чтобъ и лакомство его было удовольствовано, и вѣрность въ полученіи денегъ ему безопаснѣе и точнѣе была, кидаетъ свою пашню и стремится въ разные промыслы, оставляя свою землю. А и оставшійся, худое имѣя знаніе о

земледѣліи, послѣдуя токмо обычаямъ своихъ предковъ, не имѣя ни наставника, ни понудителя къ его трудамъ, съ небреженіемъ къ земледѣлію прилежитъ, и худымъ урожаемъ пуще огорчается, и трудъ, долженствующій составить его благосостояніе, въ ненависть приемлетъ. Економическіе и Государственные крестьяне, оставленные на собственное ихъ попеченіе, не болѣе о семъ нужномъ трудѣ раченія прилагаютъ, но каждой болѣе старается обогатиться какими несправедливыми способами, нежели тѣмъ, что мать и питательница роду человѣческому, то есть, земля, ему обѣщаетъ. Помѣщики изъ дѣтства отдалены отъ своихъ деревень, худо и понимаютъ всѣ тонкости земледѣлія, кладутъ свои деревни на оброкъ, получаютъ великіе доходы, пребываютъ въ службѣ, живутъ или по опредѣленіямъ въ мѣста, или по выборамъ въ городахъ, не имѣя ни времяни, ни удобности войтить во всѣ подробности домостройства, а иные, ради удовольствія своего, и безъ привязанности къ должности, то же дѣлаютъ. Наконецъ, бѣдные дворяне, которые до сего наиболѣе прилежали къ земледѣлію, бывъ должностями отвлечены и получая болѣе жалованья, нежели бы могли доходовъ съ деревень получить, малыя свои селеніи оставляютъ, и не токмо сами, но и съ людьми своими, которые во время ихъ пребыванія въ деревняхъ пахали, самые лошади, служащія къ унавоживанью и обработыванью ихъ полей, живутъ съ ними въ городахъ. Наконецъ, достаточные и благоразумные помѣщики, чювствующіе, какую пользу можно отъ земледѣлія получить, имѣя въ разныхъ уѣздахъ свои деревни, за недостаткомъ людей для присмотру, принуждены и въ плодоноснѣйшихъ областяхъ деревни свои на оброкъ класть, ибо каждой освобожденной единожды человѣкъ становится свободенъ на вѣкъ, а потому изъ вольныхъ брать въ крѣпость никого не можно; а вольные требуютъ великаго жалованья, а заслужатъ ли, или нѣтъ его, то неизвѣстно; да которой бы и довольно знающъ былъ, имѣя въ предметѣ токмо обогатиться и войти или въ офицеры, или въ приказные служители, или въ купцы, сію должность мимоходящей почитаютъ и усердія къ господамъ не имѣютъ. А и самые оставшіеся въ крѣпости, при самыхъ знакахъ ихъ усердія, токмо ищутъ время, или случая, отбыть отъ своихъ господъ, и къ сему нераченіями о пользѣ господской, по разореніямъ помѣщика и крестьянъ, себя приготовляютъ. А потому хотя бы и желалъ какой помѣщикъ употребить свои стараніи о земледѣліи, но за недостаткомъ, кому препоручить смотрѣніе за крестьянами, ихъ ущербомъ себѣ, равно и государству, долженъ проживать.

Ктому же, коль ни есть пространна Россія, занимающая знатную часть земнаго шару, и коль ни есть по пространству своему немногонародна, однако со всѣмъ тѣмъ въ иныхъ мѣстахъ по физическому положенію, а въ другихъ по худому учрежденію, Правительство не имѣетъ довольно земли, и остальные еще прилежащіе къ земледѣлію крестьяне не толикое число земли обработываютъ, сколько бы надлежало, тогда какъ великія степи, въ лутчихъ мѣстахъ лежащія и снабженныя тучною землею, безъ земледѣлія остаются. Говорю первое о физическомъ недостаткѣ. Сѣверныя наши области покрыты лѣсами, болотами, мхами и песками, хотя великое число земли на картѣ представляютъ, но земли сіи совсѣмъ неудобны къ земледѣлію; а въ полуденныхъ есть великія степи, многія совершенно безводны, а потому и не могутъ быть заселены; а наконецъ и удобныя остаются во власти у Короны, иныя лежатъ впустѣ, а другія отдаются въ наемъ для паствы, тогда какъ множество и Государственныхъ крестьянъ не имѣютъ и по осминѣ на работника высеять. Правда, что многія изъ сихъ розданы и распроданы; но кому розданы? Вельможамъ, которые, бывъ обогащены и безъ того милостями Государя, малое прилежаніе о населеніи и обработываніи ихъ прилагаютъ. А и проданныя суть по большей части людямъ богатымъ, захватившимъ многія тысечи десятинъ и употребляющимъ ихъ для скотоводства, и не помышляя довольно ихъ населять и запахать. И тако впадаемъ въ правило народа скотоводителя, которому но въ примѣръ болѣе земли потребно, нежели народу хлѣбопашцу.

§ 6. Неоспоримое есть правило, что во многихъ случаяхъ выпускъ хлѣба помогаетъ ко умноженію земледѣлія и пользѣ государства; ибо 1) умножая продажу излишняго урожаю, возвышаетъ цѣну на хлѣбъ, а самымъ тѣмъ чинитъ, что труды земледѣльца суть болѣе заплачены; 2) выпускъ, умножая вывозъ товаровъ въ чюжія государства, дѣлаетъ перевѣсъ торговли для той страны, которая хлѣбъ выпускаетъ. Но какъ всякія правилы не могутъ быть повсемѣстно одинакія, колико бы они всеобщими ни казались, то, во первыхъ, должно разсмотрѣть, приложительны ли они къ Россійской имперіи? Естли бы сія монархія была не только великой обширности, имѣла бы со всѣхъ странъ многія морскія пристанищи, имѣла бы повсемѣстныя сообщеніи судоходными рѣками и каналами, и наконецъ, естли бы плодоноснѣйшія области къ мѣстамъ выпуску

прилегали, то бы, конечно, правило о пользѣ выпуску хлѣба безпредѣльно должно было приняться. Но какъ у насъ ничего сего недостаетъ, а именно: имперія есть такой пространности, что самый перевозъ хлѣба съѣдаетъ всѣ барыши, каковыя бы можно было отъ выпуску получить, а чрезъ самое сіе въ продажѣ своего произращенія земледѣлецъ не много пользы получаетъ. Пристанищей морскихъ у насъ мало, да и тѣ не весма удобны, ибо Петербургской портъ имѣетъ неудобность труднаго плаванія по Балтійскому морю; города: Архангельской дальнаго обходу кругъ Норвегіи, трудности плаванія по Бѣлому морю, и баръ, чрезъ который близъ города Архангельскаго должно переходить; Крымскія пристанища лежатъ всѣ на Черномъ морѣ, и суть яко заперты узкимъ проходомъ мимо Константинополя. По толь пространной имперіи водяныхъ сообщеній у насъ весьма мало; ибо хотя великія рѣки и орошаютъ многія страны Россіи, яко Волга, чрезъ которую даже отъ Астрахани могутъ суда ходить до Петербурга, оканчивая остальный путь свой каналомъ и потомъ Невою, но плаваніе по ней все въ верхъ противу теченія, слѣдственно, должно тянуться лямкою, а въ иныхъ мѣстахъ и толь мелка, что суда, приходящія изъ плодоносныхъ областей, принуждены перегружаться въ Рыбной, а и остальную часть пути своего не съ полнымъ грузомъ дѣлаютъ. Двина, впадающая въ Бѣлое море, хотя и весьма удобна къ плаванію, но довозъ до нее гораздо труденъ, ибо рѣки Югъ и Сухона, въ нее впадающія, не суть въ плодоносныхъ областяхъ, а и до оныхъ пристаней везти надлежитъ далеко на лошадяхъ. Донъ, выходящій изъ плодоносныхъ областей, весма же удобенъ къ такому плаванію, но выпускъ тутъ не можетъ быть обиленъ; ибо первое: что Турки и другіе полуденные народы не берутъ почти никакого другаго хлѣба, окромѣ пшеницы, что несть главное произведеніе Россіи; и выше я уже помянулъ, что все Черное море узкимъ Константинопольскимъ проходомъ заперто, и вся торговля сія чинитъ Россію яко подвласну Портѣ Оттоманской. Днѣпръ, впадающій въ Черное море, окромѣ его быстроты, чинящей плаваніе по немъ нѣсколько опасно, мелей и великихъ пороговъ, и общаго загражденія Чернаго моря Турецкою областью, Очаковымъ. Каналовъ, окромѣ Шлюсебурскаго, нѣтъ. Области прилегающія къ портамъ, то есть, къ Петербурскому и Архангелогородскому суть не плодоносные; а которыя лежатъ къ портамъ Чернаго моря, тѣ еще не довольно имѣютъ селеній. А по всему сему выпускъ хлѣба въ

чюжія края не толь есть выгоденъ для земледѣльцовъ, которые съ весма малымъ возвышеніемъ цѣнъ свои произведенія продаютъ; обогащаются тѣмъ единые купцы, дающіе впередъ задатки, и обогащаяся единые, дѣлаютъ дороговизнь и нужду въ Россіи въ хлѣбѣ. Даннымъ указомъ, не упомню въ которомъ году, Губернатору Головцыну, позволено было выпускать до двухъ сотъ тысечь четвертей хлѣба отъ города Архангельскаго, но и то съ тѣмъ, чтобъ Губернаторъ сего портоваго города учинялъ сперва сношеніе съ Казанскимъ Губернаторомъ, и ежели тотъ увѣдомитъ, что въ его губерніи есть излишній хлѣбъ, чтобы выпускъ позволилъ. Но что воспослѣдовало? Въ самый 1775 годъ, когда, по учиненному разоренію Казанской губерніи отъ бунта Пугачева, народъ съ голоду помиралъ и поля были не обсѣяны, и тогда не токмо 200 тысечь четвертей, но и болѣе, скупая у нужныхъ крестьянъ, было выпущено.

Со всѣмъ симъ весма я отдаленъ, чтобы совершенно выпускъ хлѣба въ чюжіе края запретить. Разположеніе по разнымъ климатамъ областей во вселенной, кажется, для того было Всемогущею Властію тако устроено, дабы единые народы другимъ своими излишками недостаткамъ тѣхъ помогли. Россія же, бывъ страна плодородная хлѣбомъ, то зачѣмъ ей не помогать чюжестраннымъ и не получать за свои избытки ихъ? Но сіе должно быть ограничено такимъ образомъ, чтобы никогда выпускъ хлѣба въ чюжіе края, для мнимыя пользы торговли и для прибытку нѣкоего числа приватныхъ людей, пропитаніе у собственнаго своего народа не отнималъ. Кажется, яко я и въ единомъ мнѣніи моемъ по Коммисіи о Коммерціи имѣлъ случай предложить, что сіе должно быть уставлено на такихъ основаніяхъ: учредить цѣны въ Москвѣ и при портахъ, съ положеніемъ, что естли цѣна хлѣбу на торгу не будетъ превышать положенную сію цѣну, то выпускъ дозволить; естли же будетъ превозвышать, то оной останавливается. Сія цѣна, бывъ положена ежегодно не низкая, побудитъ самихъ купцовъ привозить въ довольствѣ хлѣбъ на продажу въ тѣхъ мѣстахъ, дабы имъ выпускъ можно было учинить, и тѣмъ обильство въ народѣ, а паче въ столицахъ и при портахъ, содержано будетъ, а излишній хлѣбъ не будетъ выпущенъ; ибо лутчей термометръ урожаю и неурожаю хлѣба есть повольная его цѣна.

§ 7. Кто хотя мало къ физикѣ прилежалъ, тотъ извѣстенъ, что чернноземъ несть природная земля, но нагной отъ согнившихъ

травъ, листьевъ, навозу и протчее, и что взятое изъ земли должно возвращать, то есть, что поелику она рожденіемъ плодовъ истощается, потолику должно силу ея новыми удобреніями возобновлять. Отчего и происходитъ, что всѣ вновь населяемые мѣста, гдѣ прежде трава согнивала, имѣютъ болѣе иль менѣе толще слой доброй тучной черноземной земли. Таковая земля навозу не требуетъ, но обильно своею тучностію родитъ хлѣбъ. Однако, когда тутъ люди поселятся, земля будетъ обработавана, хлѣбъ снимаемъ и трава скошена, тогда новаго нагною на нее быть не можетъ; и такъ часъ отъ часу она выраживается, и хотя видъ черной сохраняетъ, но уже не имѣетъ соковъ. Крестьянинъ, не знающій физики, принявъ отъ отцовъ своихъ обычай не удобрять землю, обманутъ ее увѣтомъ и остановленъ лѣностію, поля свои не одобряетъ, хлѣбъ у него часъ отъ часу хуже родится, и онъ на Бога вину возлагаетъ, какъ вся вина состоитъ въ его собственныхъ невѣдѣніи, упрямствѣ и лѣности. Пространныя у насъ находятся таковыя области, гдѣ бы и земля и воздуха раствореніе обѣщали обильныя жатвы, но оныя въ сравненіи прежнихъ времянъ гораздо меньше родятъ. И хотя нѣкоторые помѣщики уже зачали удобрять свои поля, и отъ того обильныя жатвы получаютъ, но крестьяне, по упрямству и по лѣности своей, сего не исполняютъ, и наводятъ и себѣ бѣдность, и государству отягощеніе.

§ 8. Сластолюбіе и роскошь, проникшая во всѣ чины государства, учиняетъ, что какія бы мы ни имѣли доходы, они все для удовольствія нашего суть недостаточны; а потому ничего не оставляемъ себѣ впередъ и не запасаемъ хлѣба; но какъ скоро есть урожай, стараемся его продать, дабы, получа деньги, на другое оныя истратить. Правда, что нѣкоторые помѣщики зборомъ съ самихъ крестьянъ старались хотя малые запасные засыпи доставить; но духъ неподвластія, вкоренившійся въ крестьянъ, и недостатокъ людей, которые бы за сими зборами хлѣба и за храненіемъ его наблюдали, учинили, что и сіи засыпи были въ прежніе годы безъ крайней нужды растащены, а когда пришелъ совершенный недостатокъ, то уже сего хлѣба и не было. Равнымъ образомъ, при взятьи монастырскихъ и архіерейскихъ крестьянъ въ Государево вѣдомство, почти вездѣ оставленъ былъ крестьянемъ засыпной хлѣбъ, яко я точно о семъ извѣстенъ о Владимірской губерніи; но и тотъ такъ же былъ растащенъ крестьянами, а при наступленіи нужды, его четверика не было.

§ 9. Я выше уже помянулъ, что множество хлѣбопашцевъ вышло въ другiя упражненiи, яко имъ, по видимому, прибыльнѣйшiя, а и оставшiися многiе не имѣютъ всего количества земли, которую бы могли обработать, и что земли наши плодороднѣйшiя выпахались, а народъ умножился. Приложимъ къ сему, что при взятьѣ крестьянъ отъ монастырей и отъ архiерейскихъ домовъ, положено было на крестьянъ сперва по 1 р. 50 коп. на душу, потомъ прибавлено 2 руб., и нынѣ оброкъ и въ три рубли доведенъ, множество земель, пахатныхъ на самые монастыри, осталися пустыми. Хотя по дошедшимъ извѣстiямъ до Ея Императорскаго Величества въ 1767 году и тогда же повелѣно было имяннымъ указомъ Коллегiи Економiи забрать отъ всѣхъ казначеевъ вѣдомости, сколько всякаго хлѣба во всѣхъ архiерейскихъ и монастырскихъ деревняхъ посѣяно было въ 1763, 764 и 765 годахъ, до положенiя штатовъ духовныхъ и крестьянъ економическихъ въ оброкъ за годъ, и послѣ того въ два года, дабы чрезъ таковыя казначейскiя вѣдомости узнать было можно, не убавилось ли земледѣлiе во всѣхъ економическихъ деревняхъ. А изъ полученныхъ тогда отъ казначеевъ репортовъ усмотрѣно, что засѣвы не токмо не убавилися, но еще нѣкоторымъ числомъ будто старанiемъ каждаго казначея прибавилися. Екстракты изо всѣхъ сихъ репортовъ были вручены Ея Императорскому Величеству и отданы Григорью Николаевичу Теплову, который въ томъ же году, проѣзжая по Тульской дорогѣ въ Малую Россiю, во многихъ економическихъ деревняхъ, ему извѣстныхъ, и имѣя, близь его Кромской деревни, въ сосѣдствѣ Петровскаго монастыря, волость не малую, не токмо не нашелъ того, что въ репортахъ означено, но и по распросамъ непримѣтнымъ у самихъ крестьянъ, оказалось противное, и самъ онъ собственными своими глазами видѣлъ, что многiя земли, отъ казначеевъ показанныя въ репортахъ засѣянными, впустѣ лежали, съ самаго того времяни, какъ крестьянъ на оброкъ положили, и что крестьяне, получа новыя земли, ближайшiя къ усадбамъ, всѣ свои прежнiя отдаленныя впустѣ оставили. Изъ сего онъ и заключилъ, что на всѣхъ казначеевъ положиться не возможно, чтобъ они въ репортахъ своихъ объявили правду въ Коллегiю Економiи, вѣдая, что хлѣбъ засѣянной, о которомъ вопросъ былъ, не собирается въ казну, а потому о ихъ репортахъ, справедливы ли они, освѣдомиться будетъ не изъ чего. О семъ по возвращенiи своемъ онъ тогда же доносилъ Ея Императорскому Величеству, и всемилостивѣйшая Государыня ему повелѣть соизволила, дать знать о томъ Вице-Президенту Коллегiи

Економіи, что тогда же имъ учинено, и о всемъ семъ онъ въ поданномъ мнѣніи своемъ о дороговизнѣ хлѣба Правительствующему Сенату предложилъ. Но никакого движенія о умноженіи земледѣлія учинено не было, и за лживые репорты казначеи наказаны не были. И подлинно, кто хотя мало ѣзжалъ по дорогамъ, тотъ ясно усмотритъ, что кругъ Троицкаго, Воскресенскаго и почти всѣхъ другихъ монастырей, вездѣ пространныя поля пусты и не обработаны находятся. А слѣдствіе ему и вышло такое, какого надлежало ожидать. Ибо въ 1760 году рожь въ Московской губерніи въ Гжацкой пристани была по 86 копѣекъ четверть, въ 1763 поднялась до 95 копѣекъ, а потомъ, часъ отъ часу подымаясь цѣною, уже въ 1773 году вошла въ 2 рубли 19 копѣекъ, а нынѣ уже и до семи рублевъ дошла, безъ надежды, чтобы могла и унизиться. Равно сему и во всѣхъ другихъ городахъ, какъ можно сіе усмотрѣть изъ вѣдомостей Провіантской Канцеляріи

Все сіе происходило до учрежденія Намѣстничествъ, по учрежденіи которыхъ завелися огромныя зданіи, приватные строеніи въ городахъ, являющія великую прибыль ближнимъ крестьянемъ, которые и паче кинувшись въ разныя ремеслы и промыслы, оставили свое земледѣліе.

По всѣмъ симъ вышесказаннымъ обстоятельствамъ, удивительно ли, что цѣна хлѣба часъ отъ часу возвышалась, и при бывшихъ худыхъ урожаяхъ въ двухъ прошедшихъ 1785 и 1786 годахъ, * не токмо до чрезвычайности дошла, но даже и сыскать хлѣба на пропитаніе людей негдѣ, и люди ѣдятъ листъ, сѣно и мохъ, и съ голоду помираютъ, а вызябшій весь орженой хлѣбъ, въ нынѣшнюю съ 1786 на 1787 годъ зиму, въ плодоноснѣйшихъ губерніяхъ не оставляетъ и надежды, чѣмъ бы обсеменить къ будущему году землю, и вящимъ голодомъ народъ угрожаетъ?

О СПОСОБАХЪ ПОМОЧЬ НЫНѢ НАСТОЯЩЕМУ ГОЛОДУ.

Означеніе самое сей статьи показуетъ, что двоякая причина должна въ оной замыкаться. То есть: 1) настоящее пропитаніе жителей, и 2) снабженіе ихъ семенами, дабы голодъ не продол-

* Указаніе, что это сочиненіе писано было въ 1787 году.

жался отъ непосѣву и на другіе годы. Хотя сей трудъ я началъ Іюня 22 числа, но самыя сіи строки пишу Іюня 27 числа, * когда собранные нѣкоторые Намѣстники въ Москвѣ, въ присутствіи Сената, не давая участія оному, особливо разсуждаютъ о прокормленіи народа, яко бы можно было и́ успѣть привести изъ дальныхъ мѣстъ хлѣбъ, когда уже люди помираютъ съ голоду, когда липовыя листья и сѣно ѣдятъ; а паче то, о чемъ разсужденія и дошли, заперты, тогда какъ уже народъ въ крайней нуждѣ препроводилъ съ ослабленіемъ и съ гибелью всю зиму и весну, а наступленіе лѣта, гдѣ самыя травы и ягоды хотя самое нужное пропитаніе могутъ дать, и хорошая надежда на яровые хлѣбы въ началѣ августа, уже и хлѣбное пропитаніе обѣщаетъ. А посему, понеже ни способовъ нѣтъ, ни толь крайней нужды не настоитъ, и должно таперя умолчать о настоящемъ пропитаніи народа, но обратить свои взиранія, какимъ бы образомъ засеить озимнымъ хлѣбомъ поля, то есть, откудова доставить семена ржаные на сей посѣвъ, въ тѣ области, гдѣ весь озимной хлѣбъ вызебъ, и понеже въ сихъ самыхъ областяхъ народъ принужденъ будетъ питаться яровымъ хлѣбомъ до самаго августа будущаго 1788 года, ** то какія должно способы употребить, дабы паки народъ совершеннаго недостатку пропитанія не имѣлъ?

Для сего, во первыхъ, надлежитъ учинить воззрѣніе на разные губерніи, гдѣ какъ урожай нынѣшняго года. Я сіе раздѣлю на три части: 1) на тѣ губерніи, гдѣ нѣтъ урожаю; 2) гдѣ есть урожай малой, и 3) гдѣ есть урожай.

Всѣ озимные хлѣба совсѣмъ вымерзли въ слѣдующихъ губерніяхъ; 1. въ Калужской, 2. Тульской, 3. Рязанской, 4. Орловской, 5. Воронежской, 6. Смоленской, 7. во всей Малороссіи.

Хотя есть, но худой урожай, однако на сѣмяна станетъ: 1. въ Тамбовской; въ нѣкоторыхъ округахъ очень худъ, но награждается другими округами, близь Хопра, гдѣ очень хорошъ; 2. въ Пензенской, 3. Вятской, 4. Казанской, 5. Курской, 6. Московской, въ нѣкоторыхъ округахъ рожъ вызебла, а въ другихъ хороша, 7. Нижегородской, 8. Новагорода Сѣверскаго.

---

* Опять указаніе, когда писано это сочиненіе.

** То же указаніе.

Хорошій урожай: 1. въ Тверской, 2. Новгородской, 3. Ярославской, 4. Вологодской, 5. Костромской, 6. Владимірской, 7. Саратовской, 8. Слободской

Таперя воззримъ на карту, и разсмотримъ, какъ бы изъ оныхъ одной губерніи другой помощь учинить; ибо хотя съ хорошимъ урожаемъ нынѣ суть тѣ губерніи, которыя за малостію земли и за нетучностію ее, и при хорошемъ урожаѣ едва могутъ прокормить своихъ жителей, но лутче, чтобы сихъ губерній малую нужду претерпѣли, нежели бы тѣ были необсеменены и съ гладу помирали.

Хотя въ каждой губерніи по учрежденію должно щитаться до 300 тысячь душъ, но я съ уменьшеніемъ полагаю кругомъ по 250 тысечь душъ; ибо протчіе могутъ быть не пахатные, и лутче меньше, нежели больше положить.

Начнемъ таперя разсматривать вообще о всѣхъ губерніяхъ, о которыхъ я помянулъ, о единыхъ имѣющихъ нужду въ помощи другихъ, о могущихъ самимъ собою обсеить и прокормиться, и наконецъ о тѣхъ, которыя могутъ помощь другимъ подать.

1) Калужская губернія мѣстоположеніемъ своимъ прилегаетъ, съ одной стороны, къ Московской, съ другой къ Тульской, съ третей къ Орловской, и наконецъ къ Смоленской. Изъ сихъ Тульская, Орловская и Смоленская сами крайнѣйшую нужду претерпѣваютъ, а и Московская, о которой ниже болѣе помянуто будетъ, такъ же ни малѣйшей помощи учинить не можетъ.

2) Тульская губернія, такъ же въ нуждѣ находящаяся, прилегаетъ къ Калужской, Орловской, Рязанской и Московской губерніямъ, то, слѣдственно, ни откуда изъ сихъ, какъ и выше сказано, помощи взаимствовать не можетъ.

Откуду же на посѣвъ и на нужное пропитаніе симъ губерніямъ получить? Хотя и не безъ трудности сіе есть, но можно, яко изъ самой ближайшей, отъ Ярославской губерніи и отчасти Владимірской, отъ Переславской и Александровской округъ нѣсколько взаимствовать.

3) Рязанская мѣстоположеніемъ своимъ прилегаетъ къ Тульской, Тамбовской, Владимірской и Московской губерніямъ.

Изъ сихъ, какъ выше сказано, Тульская, Воронежская и Рязанская не токмо могутъ помощи дать, но сами ее требуютъ; Тамбовская токмо можетъ себя удовольствовать, то и остается ей ожидать помощи отъ Владимірской и Костромской губерній.

4) Орловская прилегаетъ къ Калужской, Тульской, Тамбовской, Воронежской, Курской, Новгорода-Сѣверскаго и Смоленской губерніямъ. Изъ сихъ уже выше сказано, что Калужская, Тульская, Воронежская и Смоленская сами нужду претерпѣваютъ; Тамбовская, Курская, Новагорода Сѣверскаго едва на свою нужду имѣютъ, но можетъ взаимствовать отъ Слободской губерніи.

5) Воронежская прилегаетъ къ Орловской, Тамбовской, Саратовской, жилищу Донскихъ Казаковъ, къ Екатеринославской, Харьковской и Курской губерніямъ.

Изъ сихъ, Орловская сама нужду имѣетъ; Тамбовская такъ же едва можетъ себя продовольствовать, но Саратовская имѣетъ хорошіе хлѣбы; Екатеринославская хотя бы и не имѣла хорошихъ хлѣбовъ, но какъ ради саранчи у нихъ всегда запасные хлѣбы есть, то можетъ помощь подать, а при томъ и по близости отъ Польши снабдиться; Харьковская имѣетъ хорошіе хлѣбы, а Курская едва своихъ жителей можетъ прокормить и осеменить.

6) Смоленская прилегаетъ къ Псковской, Тверской, Московской, Калужской, Орловской, Могилевской и Полоцкой губерніямъ.

Изъ сихъ, Псковская имѣетъ, какъ слышно, довольное плодородіе, равно какъ и Тверская, Могилевская и Полоцкая губерніи; Московская отъ себя дать не можетъ, а Калужская и Орловская сами нужду имѣютъ.

7) Вся Малороссія, то есть, Черниговская и Кіевская губерніи, прилегающія къ Польшѣ, откудова и снабдиться можетъ.

Объ Московской губерніи особливо должно сказать, что въ оной не токмо ея жители истребляютъ хлѣбъ, но такъ же множество приходящихъ изъ всѣхъ городовъ, да и самые жители, находя себѣ удобные промыслы, довольно не прилежатъ къ земледѣлію; а потому коль обильную жатву поля ни представляли бы, но никогда она пропитаться сама собою не можетъ, а должна отъ всего государства заимствовать свое пропитаніе, а тѣмъ болѣе нынѣ, когда нѣкоторые изъ ея округъ такъ же претерпѣваютъ отъ вызябленія

озимей, и когда множество людей еще изъ отдаленныхъ мѣстъ, по надѣяніи сыскать работу, за неурожаемъ хлѣба, пришли для промысловъ въ сію губернію.

Сія губернія, идеже именемъ и дѣйствіемъ находится матерь градъ Россіи, идеже есть стеченіе отвсюдова народа, и жилища великой части лутчего дворянства, и заслуживаетъ особливаго вниманія, что и составитъ первое наше положеніе. Не токмо не можно положить, чтобъ какая обильная губернія могла дать помощъ Москвѣ и ея области, но ниже точно опредѣлить и числа, до коликаго числа хлѣба можетъ расходъ быть.

А сего ради, при настоящей нуждѣ не опредѣляя ни числа, ни цѣны, и надлежитъ учредить разные награжденіи и преміи, кто болѣе хлѣба въ сію губернію привезти можетъ, не выпуская, впрочемъ изъ нее ни какого хлѣба, окромѣ законтрактованнаго, и того, которой не инаблаго въ оную ввозится, какъ провозомъ, о чемъ на самыхъ границахъ и въ городахъ при ввозѣ и должны купцы давать извѣстіи. Далѣе я упомяну о разныхъ побужденіяхъ, поелику сія часть сообщается и съ другими частями правленія государственнаго.

Хотя во всемъ вышеписанномъ я и ничего не помянулъ о Санктъ-Петербургѣ, градѣ, идеже присутствіе Государево и стеченіе множества народа требуетъ, дабы умѣренно цѣна была содержена, однако о числѣ нужнаго хлѣба въ семъ градѣ можно нѣкоторымъ образомъ знать, ибо по большей части и всегда питается онъ привознымъ хлѣбомъ, а потому исчисля, сколько для пропитанія его потребно, причисляя къ находящемуся оставшему хлѣбу, надлежитъ не болѣе дву третей позволить привозъ чрезъ пороги, а остальную треть выписать изъ Лифляндіи и Данцика. А дабы святость контрактовъ не претерпѣла, за везомой контрактованной хлѣбъ учинить нѣкоторое возмездіе. Остановленной же хлѣбъ употребить въ пользу областей, онаго не имѣющихъ.

По семъ положить на тѣ губерніи, гдѣ хлѣбъ хорошо родился, окромѣ Московской, по 1 четверику съ души и изъ слѣдующихъ губерній снабдить семенами не имѣющія семянъ губерніи; а какъ выше сказалъ, что я полагаю по 250,000 душъ во всякой губерніи, то сіе расположеніе слѣдующимъ образомъ учинить:

На двѣ губерніи, Калужскую и Тульскую, положилъ я на снабженіе Ярославскую губернію всю, и двѣ округи Владимірской губер-

ніи, то есть, Переславскую и Александровскую, полагая съ Ярославской губерніи 250,000 четвериковъ, съ Владимірской 50,000 четвериковъ, обоего 300,000 четвериковъ, то есть 37,500 четвертей. Хлѣбъ сей съ первыхъ сноповъ долженъ быть собранъ и привезенъ, единой въ Переславль, другой въ Ростовъ, а наконецъ последній въ Ярославль, располагая по сему, что изъ Тульской и Калужской губерній, посланные за симъ хлѣбомъ разные округи, ближнія должны взять въ Переславлѣ, которые подалѣе въ Ростовѣ, а наконецъ дальнѣйшія въ Ярославлѣ, такъ чтобы каждые могли получать между 1 и 3 Августа, слѣдственно, всюда онъ поспѣетъ къ 15 числу Августа, а потому еще поспѣетъ къ семенамъ.

Рязанская губернія можетъ получить споможеніе хлѣба изъ Владимірской и Костромской губерній, съ тѣмъ, чтобы и въ сихъ губерніяхъ въ ближайшіе городы хлѣбъ былъ привезенъ, и подобнымъ же образомъ распредѣлено было взять онаго А хлѣба сего будетъ, съ Владимірской 200,000 четвериковъ, да съ Костромской 250,000 четвериковъ, обоего 450,000 четвериковъ, то есть, 56,250 четвертей.

Орловская губернія можетъ получить себѣ споможеніе отъ Харьковскаго Намѣстничества 250,000 четвериковъ, то есть, 31,250 четвертей: а хотя бы чего и не стало, то какъ сіе намѣстничество есть изъ плодороднѣйшихъ, то, уповательно, что иные еще имѣютъ остатки хлѣба.

Воронежское намѣстничество можетъ помощь получить отъ Саратовскаго 31,250 четвертей, а изъ Екатеринославскаго до 100,000 четвертей: ибо сіе послѣднее вразсужденіи часто бываемой сорончи, всегда имѣетъ запасной хлѣбъ; а хотя бы оно и претерпѣло нѣкоторой недостатокъ, можетъ оной дополнить покупкою изъ Польши.

Смоленское намѣстничество можетъ до 400,000 и болѣе получить помощи отъ Могилевскаго и Полоцкаго намѣстничествъ и изъ Псковскаго до 150,000 четвериковъ.

Вся Малороссія, то есть, Кіевское и Черниговское намѣстничествы, могутъ покупкою въ Польши получить себѣ хлѣбъ.

Что касается до Московской губерніи, то о сей выше въ общихъ способахъ къ пропитанію нѣчто упомяну. Ибо токмо двѣ, или три, ея округи имѣютъ вызебшій ржаной хлѣбъ, прочія же суть довольнымъ плодородіемъ снабжены, а притомъ живутъ въ ней люди

промышленные, которые естли токмо есть возможность купить хлѣба, достать могутъ, каковая возможность и есть.

И тако, предложивъ источники, откудова каждое терпящее несчастіе намѣстничество можетъ получить себѣ вспоможеніе въ посѣвѣ, признаюсь, однако, что по большей части сіе споможеніе есть недостаточно, болѣе же его учинить не можно; ибо несчастіе нынѣшняго года есть такое, что самыя плодородныя области принуждены взаимствовать отъ тѣхъ, которыя едва и при обильнѣйшихъ годахъ могутъ себя пропитать. По входя въ дальнѣйшую подробность, надлежитъ взять въ разсужденіе, что недородъ ржи нынѣшняго года происходитъ отъ того, что отъ малыхъ снѣговъ, отъ ранняго сошествія оныхъ и отъ бывшихъ при началѣ весны теплыхъ дней и морозовъ, корень озимей вызебъ. Но какъ повсюдова зимою дѣлаются суметы, яко къ лѣсамъ, изгородамъ, къ деревнямъ, и въ низкихъ мѣстахъ, гдѣ снѣгъ долѣе остался, то тамъ и есть хотя не весма хорошія ржи, однако изрядныя, и въ самыхъ ровныхъ поляхъ остаются нѣкоторые корни цѣлы, такъ что, по вѣрнымъ извѣстіямъ, которыя я имѣю, надѣятся земледѣльцы, индѣ четвертую часть, индѣ треть, индѣ половину, а индѣ и всю землю сею новою рожью обсеменить. Сверхъ сего, какъ сіе нещастіе пало наиболѣе на плодоноснѣйшія области, то уповательно, что, не взирая на трехгодичный неурожай, еще у нѣкоторыхъ хлѣба осталось; то все сіе слагая вмѣстѣ, и должно почесть, что, съ вышепомянутою помощію, поля всѣ обсѣяны могутъ быть.

Ктому же примѣчено первое, что лутче гораздо сеять сыромолотнаго, ибо всякое зерно отъ оной всходитъ и рожь не усыхаетъ и не подгораетъ, и взошедши скорѣе, не толь птицами бываетъ похищена; второе, что крестьяне наши вездѣ великое число семянъ разбросываютъ, а сего ради, чрезъ искусныхъ людей въ земледѣліи надлежитъ здѣлать наставленіи, чтобы въ тѣхъ областяхъ, гдѣ сушеною рожью сеять, сеяли бы сыромолотною. Наставленіи сіи должны быть сочинены столь ощутительными доказательствами, чтобы не сила власти, но увѣреніе заставило имъ повиноваться, а для неразумныхъ и предопредѣлить смотрителей; чтобы по сему исполняли, съ угрозами наказанія отправленія и отъ помѣщиковъ. Оное наставленіе должно доказать, что и излишній сѣвъ лишъ трата, а паче въ плодородныхъ земляхъ; и то же надзираніе опредѣлить, а сверхъ того, и семенъ по тому числу выдавать, не оскужая, однако,

по правиламъ новыя економіи; но полагаю я на Государеву десятину сыромолотки 7 четвериковъ, а сушеной ржи девять четвериковъ.

Симъ образомъ, кажется мнѣ, что можно достигнуть до засеянія всѣхъ земель озимымъ хлѣбомъ. Теперь должно войтить въ нѣкоторую подробность о прокормленіи народа до снятія яроваго хлѣба и до того времяни, какъ врученные съ толикою нуждою собранные землѣ семена, по благости Господней, плодъ принесутъ, ибо естли весь народъ будетъ питаться яровымъ хлѣбомъ, то можетъ и въ немъ быть недостатокъ.

Сіе должно раздѣлиться по симъ обстоятельствамъ на двѣ части. Первое, какъ и въ краткое время до снятія яроваго хлѣба народъ пропитать? и второе, какъ снабдить народъ до новаго хлѣба?

Первое. Отнимать у имѣющихъ хлѣбъ въ своихъ закромахъ, хотя въ такой нуждѣ, когда, по человѣчеству, единый долженъ лишиться части пропитанія своего, чтобы другому жизнь сохранить, и было бы справедливо; но какъ изъ сего могутъ произойтить злоупотребленіи, которыя и имущихъ лишатъ, и неимущимъ довольной помощи не доставятъ, то лутче сіе побудить награжденіями, нежели неволею учинить.

Разные роды могутъ быть награжденіи: почетныя, полезныя и прибыльныя; а оные должно и употребить. Но какъ у насъ всѣ награжденіи впали въ презрѣніе, и за дешевую цѣну ихъ покупаютъ, то сперва надлежитъ не токмо всѣмъ исправиться, но и въ злоупотребленіи признаться, обнародуя, что примѣчено, колико купцовъ и господскихъ слугъ получили чины офицерскіе, штатскіе и самое дворянство; а потому съ сего часу накрѣпко запрещается таковыхъ, а паче купцовъ, беззаконно не производить, съ угрозами не токмо произведшимъ, яко преступникамъ закона, наказанія, но и самымъ произведеннымъ лишенія чиновъ и половины движимаго имѣнія, ибо недвижимаго имѣть не могли, а которые по полученнымъ беззаконно чинамъ приобрѣтутъ, то и всего того, съ отдачею половины доносителямъ, или публичнымъ людямъ, которые такое злоупотребленіе взыщутъ. А вразсужденіи нужды народной, дается право отъ 1 Іюля до перваго Сентября, яко прямо пользу учинившимъ государству, приобрѣтать себѣ чины и достоинства слѣдующимъ образомъ: Кто изъ купцовъ, или разночинцевъ, поставитъ въ Государевы магазейны по 3 рубли четверть ржи, ежели поставитъ

1,000 четвертей, можетъ получить чинъ прапорщика; кто поставитъ 2000 четвертей, чинъ порутчика; кто поставитъ 3000 четвертей, чинъ капитана, но безъ права покупать деревни. Кто же поставитъ 5000 четвертей, тотъ получитъ чинъ капитанской, съ правомъ покупать деревни. Кто поставитъ 7000 четвертей, получитъ чинъ штабской, съ правомъ покупать деревни. А наконецъ, кто поставитъ 10,000 четвертей, тотъ можетъ просить о правѣ на дворянство и о дипломѣ и о гербѣ. Всѣ таковые, бывъ снабжены засвидѣтельствованіями отъ Намѣстниковъ, Губернаторовъ и Губернскихъ Предводителей, а ежели въ приписномъ городѣ, то Уѣзднаго Предводителя, и двухъ, или трехъ, судей, и произведеніе ихъ по представленію Намѣстника учинять Сенату въ полномъ собраніи, или доклады подавать Государю. Наконецъ, ежели дворяне имѣютъ запасной хлѣбъ, то оные, ежели кто поставитъ въ магазейны 500 четвертей, получа засвидѣтельствованіе, можетъ требовать Владимерскаго ордена четвертой степени. Кто поставитъ 1000 четвертей, тотъ можетъ требовать Владимерскаго ордена третей степени. А кто поставитъ 2000 четвертей, тотъ можетъ требовать Владимерскаго ордена второй степени, которые, по подобнымъ же, какъ выше помянуто, засвидѣтельствованіямъ, и будутъ имъ даны, съ надписаніямъ на крестахъ: «За усердіе къ отечеству и благосердіе къ народу».

Симъ способомъ, кажется, можно вскорѣ достать хотя на самое нужное пропитаніе народу до снятія яроваго хлѣба, ибо что есть такое, чего бы честолюбіе не могло произвести? А ктому еще можно приложить, что тѣ дворяне, которые не служа въ офицерскихъ чинахъ, пошли въ отставку, а потому лишены права быть избранными, давъ 250 четвертей въ магазейнъ по 3 рубли четверть ржи, могутъ получить право быть избираемы ихъ собратьями.

Но дабы и отъ сего какого злоупотребленія не произошло, надлежитъ, чтобъ при присылкѣ засвидѣтельствованій, присланы были и всѣ другіе документы о полученіи и раздачѣ, или остаткѣ сего хлѣба, а именно: приемныя книги отъ каждаго, кому розданъ, и тѣхъ росписки; а естли которой и останется, то оной въ провіянтъ можетъ быть употребленъ, о чемъ и Военной Коллегіи сообщить.

Сказавъ сей удобнѣйшій способъ для сысканія хлѣба на два мѣсяца, чтобъ прокормить народъ до Сентября мѣсяца, надлежитъ таперя воззрѣть и на зимнее состояніе, чтобы и зимою паки въ подобную же нужду не впалъ.

Сей способъ главнѣй есть: ограниченіе винныя сидки и пивоваренъ. Троякая есть винная сидка, для поставки казнѣ, дворянъ для собственнаго своего употребленія и вкрадшееся корчемство.

Въ 1775 году, до раздѣленія Россіи въ намѣстничества, поставная сумма вина была во всю Россію 2 милліона 227 тысечь 595 ведръ, и хотя подлинно знать нынѣ не могу, сколько поставка состоитъ, но думаю, что не болѣе трехъ милліоновъ, на которые, щитая на каждые 5 ведръ по четверти 9 пудовой хлѣба, придетъ 600 тысечь четвертей. Хотя при благополучныхъ годахъ сіе и не великую сумму составляетъ, но при нынѣшнихъ неурожаяхъ сіе уваженія требуетъ; а для того, естли поставку винную уменшить вполовину, то сіе весма поможетъ народному пропитанію, ибо сіе составитъ обращеннаго хлѣба на пропитаніе народа 4 милліона 80 четвериковъ, а потому что 480,000 человѣкъ, употребляясь яровымъ хлѣбомъ по четверику на человѣка, могутъ симъ хлѣбомъ десять мѣсяцевъ пропитаться; а какъ робята и менѣе ѣдятъ, то сіе даже до 600 тысячь человѣкъ пропитаетъ.

Довольно бы было и сей одной причины; но естли разсмотримъ, то найдемъ, что правосудіе, польза народная, милосердіе и самый прибытокъ казны сего требуетъ.

Первое. Поставщики становили вино Государю отъ 50 копѣекъ ведро, и даже въ послѣдніе годы по 85 копѣекъ цѣна вину была, ибо я щитаю токмо за 20 лѣтъ до 1770 года по 2 рубли по 50 копѣекъ, а съ сего года по три рубли. И тако, хотя положить самую дорогую цѣну съ уменьшеніемъ малымъ постановки вина по 80 копѣекъ ведро, придетъ, что поставщикъ 1,000 ведръ, получая каждый годъ по 800 рублевъ, получилъ въ 20 лѣтъ, со всѣми своими проторями, 16,000 рублевъ; а Государь, продавая вино три года по 2 рубли по 50 копѣекъ, получилъ, сверхъ заплатимой цѣны, 5,100, да въ 17 лѣтъ продавая вино по 3 рубли ведро, получилъ прибыли 37,200 рублевъ, обоего 42,300 рублевъ. То за такую полученную прибыль не есть ли справедливо, чтобы Государь, въ такое время, когда поставщики не обманомъ и не упрямствомъ отрекаются, но самою невозможностію сыскать хлѣба, и половину поставки уступить?

Второе. Колико Россійскихъ Монарховъ власть ни есть самодержавна, но стихіями и существомъ вещей они повелѣвать не могутъ, а потому и повелѣніе поставить вино будетъ повелѣніе тщетное;

ибо гдѣ ни за что не можно сыскать хлѣба, тутъ никакая власть не можетъ изъ пустаго мѣста курить вино.

Естли въ семъ случаѣ Государь поступитъ по учиненному положенію въ ихъ контрактахъ, то есть, повелитъ описать находящіися ихъ въ залогѣ деревни, получитъ ли чрезъ сіе прибыль? Казна будетъ въ той же невозможности высидѣть вино, въ какой были поставщики, да и конечно въ раздробительныхъ заводахъ болѣе гораздо претерпитъ убытку, нежели имѣли поставщики, а потому и принуждена будетъ, держася закону о правахъ дворянства, брать съ нихъ господскіе доходы, то получитъ ли самимъ симъ возвратъ убытку, каковой отъ невыставки претерпитъ? На примѣръ, кто становилъ 40,000 ведръ вина, въ залогъ имѣетъ на треть поставки 422 души крестьянъ; пусть будетъ съ нихъ братъ по 5 рублевъ оброку, и того 2,110 рублевъ, то возвратитъ ли сей малой суммою 88,000 доходу, которые отъ продажи 40,000 ведръ вина получала? ибо не токмо души, но и великіе капиталы суть употреблены въ сіи заводы. Пусть, ломая по изволенію разумъ закона, какъ у насъ не рѣдко случается, деревни сіи будутъ проданы и по 100 рублевъ за душу взято, и тутъ прилетъ только 42,200 рублевъ, что получится одинъ разъ, да и въ томъ не удовлетворитъ убытокъ Коронной. А послѣ что воспослѣдуетъ? Заводчики всѣ разорятся, недовольныхъ умножится, заслуженные и знатные домы обнищаютъ, а когда придетъ дѣлать новой подрядъ, то не найдется ни кого, кто бы имѣлъ заводы; а кто бы и имѣлъ, и тотъ не инако приступитъ къ сему опасному торгу, какъ возвышая чрезмѣрно цѣну; а симъ Корона, въ любви подданныхъ, въ ихъ благосостояніи и въ своемъ доходѣ, понесши великой убытокъ, еще его увѣчитъ.

Но пусть поставщики съ совершеннымъ разореніемъ себѣ и съ изнуреніемъ отъ голоду народа, найдутъ способы поставить вино по ихъ контрактамъ; еще Корона и симъ претерпитъ убытокъ, не токмо въ числѣ жителей Россіи, но и въ самомъ доходѣ; ибо гдѣ люди хлѣба не имѣютъ, тутъ они вина не пьютъ, а отъ сего и поставленное вино выпито не будетъ. А чрезъ сіе и другое зло воспослѣдуетъ. Откупщики будутъ разорены и поѣдутъ на каторгу; вино, не взирая на указъ, усохнетъ; а за сіе приставы тожъ на казаніе претерпятъ, а все сіе ни мало ни умирающимъ, ни умершимъ, ни голоднымъ людямъ, ни доходу казнѣ не поможетъ.

Послѣ таковыхъ, уповаю, сильныхъ доказательствъ, хотя удивительно будетъ, однако, думаю, что найдутся люди, которые скажутъ, что убавка половиннаго числа поставки навлечетъ половину уменьшенія отъ вина доходу, а сіе составитъ до 4 милліоновъ, а казна имѣетъ нужду во всѣхъ своихъ доходахъ; то какъ сію пустоту, долженствующую быть, по крайней мѣрѣ, два года дополнить? Хотя по выписанному видно, что доходъ сей сохранить не можно, но я еще скажу, что благоразумное распоряженіе учинитъ, что доходу убавки не будетъ, а паче со временемъ прибавка. Правда, что первымъ уменьшеніемъ половины поставки винной кажется вдругъ убавится въ два года доходу до 8 милліоновъ. Но ежели при семъ случаѣ учинятъ благоразумные учрежденія о пресѣченіи корчемства, яко заклейменіе кубовъ, запечатаніе ихъ, окромѣ время, долженствующаго быть опредѣленнаго для сидки вина, и строгія, но не безчеловѣчныя, наказанія на преступниковъ, однимъ словомъ, таковыя, которыя бы представляли довольные способы для недопущенія сіе учинить, и болѣе бы предупреждали преступленіе, нежель наказывали, то я заподлинно могу увѣрить, что откупной доходъ въ полтора будетъ собираться, а потомъ и дойдетъ до 13 милліоновъ, иль и болѣе, и тѣмъ еще болѣе, что харчебники, не сожигая напрасно ни лѣсу, ни хлѣба, все сіе пойдетъ къ поставщикомъ, а посему и самая великая поставка дешевлѣ будетъ. И тако можно ли сіе убыткомъ почесть, когда потерею въ два года до 8 милліоновъ ежегоднаго и еще умножающагося доходу, чрезъ сіе до 4 милліоновъ въ годъ пріобрѣтается? Но ежели и на сіе мнѣ скажутъ, что прибыль сія есть отдаленная, а убытокъ настоящій, что, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, Корона имѣетъ нужду въ наличныхъ деньгахъ, я и на сіе отвѣтствую, что такое положеніе показуетъ, что или весма худо Коронные доходы управляемы, или весма неразсмотрительно издерживаемы, что при самой крайней нуждѣ государства, Корона для спасенія его самаго осми милліонами пожертвовать не въ состояніи. Но пускай бы, къ умноженію стыда нашего вѣка, и сіе было. Не можетъ ли Корона пущенными осми милліонами банковыхъ билетовъ доходъ сей замѣнить, или не можетъ ли, видя такую нужду и предвидимую пользу, хотя занять въ Голландіи, какъ и прежде дѣлали, то нужда ей настоять и не будетъ?

Я симъ оканчиваю касающе до временныхъ учрежденій о пропитаніи народа и о обсеяніи земли. А таперя приступаю говорить о

общемъ учрежденiи, какое по мнѣнiю моему, надлежитъ здѣлать, для обновленiя упадшаго у насъ земледѣлiя.

Весма бы краткой мой предлогъ былъ, состоящiй продать всѣ государственныя и економическiя деревни дворянамъ, щитая кругомъ по 80 рублевъ за душу, мельницы и другiя оброчныя статьи, считая по нынѣшнему доходу проценту по 5 рублевъ со ста, что собирается, и продажу сiю дѣлать, распредѣля по чинамъ, въ прибавку къ имѣющимся деревнямъ, дабы большiе бояре и любимцы ихъ все не расхватали, и участники не толь велики были, чтобъ за великимъ числомъ деревень и смотрѣнiя за ними не было, и ниже бы кто могъ па выборъ оные взять и получать по жеребью, съ позволенiемъ мѣняться. Продажу бы сiю здѣлать, не бравъ деньги, но бравъ въ залогъ самые сiи деревни, безсрочно, съ платежемъ процентовъ; отъ сего бы пользы слѣдующiя произошли: каждой бы старался умножить разные домостройствы въ сихъ деревняхъ; дворянство бы обогатилось, земледѣлiе и другiя домоводствы умножились, службы наградились, крестьяне лутче бы управляемы и защищены были; доимокъ бы не было, и казна не токмо бы потеряла, но нашла прибыль въ денежномъ своемъ доходѣ; ибо продавъ каждую тысечю душъ по 80 душу рублевъ, казна, съ прибавленiемъ взятыхъ пошлинныхъ денегъ, получитъ 84,000 рублевъ, съ которыхъ будетъ проценту 4,200 рублевъ, тогда какъ нынѣ и еще съ недоимками получаетъ токмо 3,000 рублевъ.

Но льститься о семъ намъ не должно, ни мнимой проектъ сей, требующiй нѣкоторыхъ подробностей, болѣе распространять, ибо коль онъ ни есть полезенъ, но исполненъ не будетъ до того, пока у насъ не познаютъ прямую пользу Короны, чего и во сто лѣтъ неуповательно быть.

И тако приступаю, хотя къ сложнѣйшему и труднѣйшему въ исполненiи проекту, по сходному съ таперешнимъ расположенiемъ на него привительства. Оной состоитъ:

1) Надлежитъ учредить Государственную Коллегiю или Приказъ земледѣлiя и домоводства.

2) Сiя Коллегiя должна, какъ и прочiя, быть подчинена Сенату, съ такимъ токмо преимуществомъ, что ежели по какому нужному и не терпящему времени ее докладу, ежели въ три мѣсяца рѣшенiе

не воспослѣдуетъ, то она имѣетъ право вторичной докладъ послать отъ себя къ Государю.

3) Присутствіе сей Коллегіи должно быть въ Москвѣ, яко во градѣ средоточій имперіи.

4) Должна она быть составлена изъ одного Президента, одного Вице-Президента, двухъ Совѣтниковъ и Асессоровъ, съ довольнымъ жалованьемъ, а паче Президенту, долженствующему и привлекать въ домъ свой разныхъ людей, дабы о разныхъ обстоятельствахъ отдаленныхъ губерній увѣдать.

5) Всѣ сіи должны быть опредѣляемы: Президентъ отъ Монарха, Вице-Президентъ отъ него же, но чтобы былъ Лифляндецъ, или Естляндецъ, знающій домостройства. Совѣтники и Асессоры по представленію Коллегіи отъ Сената, съ такимъ наблюденіемъ, чтобы оные изъ разныхъ мѣстъ имперіи были, имѣли бы тамъ свои деревни, и нѣкоторое бы имѣли имя въ знаніи домоводства.

6) Президентъ всегда долженъ имѣть чинъ Сенатора, дабы могъ и въ Сенатѣ самъ нужное о домоводствѣ представлять.

7) Хотя она должна быть управляема и по общимъ правиламъ Генеральнаго Регламента, но въ могущихъ случиться дѣлахъ, нетерпящихъ времени, хотя бы и всѣ прочіе члены были несогласны, одинъ Президентъ имѣетъ право, по данному отъ него приказанію, велѣть исполнять, однако съ тѣмъ, что какъ свое приказаніе, такъ и мнѣніе всѣхъ своихъ сочленовъ, какъ найскорѣе долженъ представить Сенату.

8) Находящіися при ней приказные служители должны быть раздѣлены на шесть повытьевъ или столовъ, то есть, на четыре полосы государственные и на Лифляндское и Естляндское, и на Сибирское, Оренбурское и Астраханское, которое каждое должно быть подъ дирекціей одного чина, Лифляндское подъ Вице-Президентомъ, а прочія у другихъ, по способности ихъ, какъ сказано въ избраніи ихъ.

9) Всѣмъ Намѣстникамъ и Губернаторамъ предписать, дабы они помоществовали операціямъ сей Коллегіи.

10) Директоры Економіи непосредственно должны быть подчинены ей, по правленію всѣхъ государственныхъ, дворцовыхъ и

економическихъ крестьянъ, и разныхъ въ тѣхъ волостяхъ всякаго званія дачь.

11) Губернскіе предводители такъ же въ разсужденіи домостроительныхъ ея распредѣленіій должны всею силою ихъ операціямъ ея споможествовать, яко клонящимся къ общему благу.

12) Надлежитъ ей, окромѣ довольнаго содержанія ея, опредѣлить нѣкоторую сумму на раздаваніе награжденіій, такъ же можетъ она дѣлать представленіи Сенату о учиненіи отличившимся въ домоводствѣ награжденіій медалями, или и другими почетными награжденіями.

13) Должность ея состоитъ вообще имѣть попеченіе о хлѣбородіи, обильствѣ и благосостояніи государства: и потому, чтобы всѣ Государевы крестьяне прилежали къ земледѣлію, чтобъ пустыя земли были населены изъ тѣхъ деревень крестьянами, коимъ земель недостаетъ. За удовольствіемъ Государевыхъ крестьянъ можетъ продавать таковыя пустыя земли и помѣщикамъ для поселенія. Чтобы не токмо разные хлѣбы, но такъ же и разныя овощи, плодоносныя деревья; корни, могущіе замѣнить хлѣбъ, яко земляныя яблоки и патасы, и гороховое дерево было размножено, сохранены были лѣса, посушены болота для земледѣлія. Чтобъ умножить и въ лучшее состояніе привести скотоводство, чтобъ въ лутчее состояніе привести винокуренные заводы и не допускать ихъ сожигать хлѣбъ въ неплодоносные годы, ко изнуренію подданныхъ. Имѣть попеченіе о умноженіи пчелъ, о рыбныхъ ловляхъ, маслобойнахъ и мельницахъ. Стараться о размноженіи винограду, дѣланіи винограднаго вина и водки изъ онаго, такъ же о размноженіи шелковицъ и шелковыхъ червей, о заведеніи разныхъ мастерствъ и фабрикъ, поелику не дѣлаютъ они уменьшенія земледѣлія, дабы родившіися вещи могли обдѣланы быть; о комуникаціяхъ легчайшихъ внутри государства и къ портамъ, и наконецъ о заведеніи магазейновъ.

14) Ради исполненія всего вышеписаннаго надлежитъ сей Коллегіи имѣть слѣдующія вѣдомости: 1. О всѣхъ Государевыхъ деревняхъ, имена волостей и деревень, въ которої губерніи и округѣ, сколько на какой рѣкѣ, или озерѣ, сколько душъ мужеска и

женска полу, какой ихъ промыселъ, сколько подъ каждаго земли и какого качества, сколько изъ того числа подъ пашнею, подъ лѣсами строенными и кустарями порознь, какого роду сіи лѣса, сколько земель неудобныхъ и какого роду неудобности, сколько луговъ, есть ли мельницы, или озера и рыбныя ловли. 2. О всѣхъ оброчныхъ статьяхъ, гдѣ они состоятъ, къ какимъ деревнямъ прилегаютъ, и какого свойства и обилія, и что съ нихъ збирается. 3. О всѣхъ пустыхъ земляхъ, находящихся въ Бѣлорусской, Малороссійскихъ, Саратовской, Оренбургской и другихъ губерніяхъ, и какого они свойства. 4. О розданныхъ и проданныхъ 1761 года земляхъ, кому розданы и проданы и какія ими на тѣхъ земляхъ учинены поселенія, или въ какую пользу для Государства употреблены. 5. Общую вѣдомость о каждой губерніи о господскихъ крестьянехъ и о ихъ промыслахъ. 6. Ежегодные вѣдомости о посѣвѣ, урожаѣ каждой годъ хлѣба. 7. Ежегодные о размноженіи, или убавкѣ пашни въ каждой вотчинѣ Государевой.

15) По собраніи вѣдомостей о состояніи Государевыхъ деревень, надлежитъ ей здѣлать наставленіи Директорамъ домоводства, прилагая сіе къ мѣстоположенію губерніи, которому оно дастся; ибо одинаковое для всѣхъ Директоровъ економіи удобно быть не можетъ, какія бы общія правилы въ ней положены ни были; а въ ономъ не токмо все то, что касается до всякаго домоводства, но даже и до управленія вотчинъ вмѣстить.

16) По семъ учинить разсмотрѣніе о числѣ душъ въ каждой волости и о земляхъ удобныхъ распаханными быть, здѣлать положеніе законное, которая волость имѣетъ надлежащую ей дачю, то ту оставить въ ее положеніи; ежели имѣетъ лишнюю, то отъ недостаточности изъ той же губерніи перевести, и изъ тѣхъ волостей, гдѣ дачи недостаетъ, или раздать кресьянамъ находящійся пустыя земли въ той губерніи. Ежели же за всѣмъ тѣмъ будетъ недостатокъ земель, то изъ недостаточныхъ въ оныхъ волостей должно перевести въ отдаленные плодоносныя губерніи.

Примѣчаніе. Перевозъ сей не инако должно чинить, какъ: 1) Директоръ економіи въ присутствіи Намѣстника, или Губернатора и нѣкоего числа первыхъ судей въ той губерніи, и лутчихъ крестьянъ той волости, по дворовой переписи выбрать (долженъ), кото-

рые охотою идуть на перевозъ, и чтобы тѣ самолично въ семъ собраніи объявили и дали подписку; ежели же нѣтъ охотниковъ, или недостаетъ ихъ въ опредѣленное число, то по жеребью выбрать, и учинить имъ отъ Короны нѣкоторое споможеніе, или отъ самыхъ тѣхъ крестьянъ, въ чью пользу земля перевезенныхъ остается, и всему сему сочинить опредѣленіе за руками всѣхъ тутъ бывшихъ; 2) во всемъ государствѣ болѣе трехъ тысечь душъ въ годъ перевозить въ дальные мѣста не должно; а посему и въ каждой волости что достанется, по тому роздѣлять; 3) Расписаніе Коллегіи, сколько перевозить, и откудова сколько, со всѣми обстоятельствами, такъ же и все произвожденіе выбору, не токмо должно быть донесено Правительствующему Сенату, но и напечатано для народа извѣстіе, дабы каждой видѣлъ справедливость такихъ операцій.

17) Имѣвши вѣдомости о розданныхъ и проданныхъ приватнымъ людямъ земляхъ, надлежитъ Коллегіи здѣлать разсмотрѣніе: 1) Кто сколько взялъ; 2) во что сія земля употреблена; 3) населена ль она по закону; 4) не взялъ ли кто яко по смежности къ малому числу душъ великія дачи, которыя праздны, или, по крайней мѣрѣ, паствами остаются, и 5) какіе лѣса разобраны, и во что употреблены? и о всемъ семъ, естли усмотрятся злоупотребленія, на правилахъ економическихъ сообразясь съ законами, учинить докладъ Государю.

18) Сія Коллегія должна здѣлать правилы для каждой губерніи, по скольку крестьянинъ Государевъ долженъ пахать земли, и учредить пени на всю вотчину, естли такого числа вспахано не будетъ; за излишнее же положить награжденіи, съ довольными осторожностями, дабы чрезъ сіе злоупотребленія не произошло, побуждая увѣщаніями своими и помѣщиковъ послѣдовать таковымъ же правиламъ, и давая награжденіи медалями за хорошее земледѣліе и домоводство, или представляя и къ вящему почетному награжденію, ежели что знатное кто учинитъ.

19) Ежели по исчисленію и назначенью для перевозу Государевыхъ крестьянъ на пустыя земли, найдутся лишнія пустыя земли, то, учиня о семъ вѣрное исчисленіе, подать докладъ Сенату о продажѣ ихъ помѣщикамъ, желающимъ гдѣ есть тѣснота ихъ крестьянемъ, переселить въ тѣ мѣста. Правилы же, на которыхъ таковая

продажа чинится, суть слѣдующія: 1) цѣна должна быть положена весма умѣренная, и покупающій воленъ платить, или не платить денегъ, платя ежегодно съ суммы по пяти процентовъ; 2) пошлины съ данныхъ сихъ должно отмѣнить, и всѣ другіе расходы, яко гербовая бумага, за печать и протчее; ибо гдѣ содѣвается польза государственная, тутъ на малости сіи глядѣть нечего; 3) никто такихъ земель купить не можетъ, не объявя съ приказными засвидѣтельствованіями и предложеніемъ межевыхъ плановъ, что законнаго положенія въ его деревняхъ на число душъ недостаетъ; ибо изъ безплодныхъ провинцій и отъ обильства земли могутъ многія перевести своихъ крестьянъ, оставя тѣ земли пусты, и тако другаго роду пустота учинится въ государствѣ; 4) никому не продавать земли безъ обязательства, чтобъ въ пять, или въ семь, лѣтъ оныя земли по законному положенію тѣмъ числомъ душъ, на которое требовалъ, и изъ тѣхъ мѣстъ, не населилъ; чтобы поселеніи сіи дѣлалъ не вдругъ, но по частямъ, и сперва не по многому числу, и наконецъ, естли по прошествіи урочныхъ лѣтъ сіи земли не поселитъ, то всѣ оставшиися за поселеніемъ, по учиненному осмотру, безденежно возвратятся Государю.

20) Всѣ оброчныя статьи, въ дачахъ состоящія, яко: земли, луга, озера и рѣки, и мельницы, должно тѣмъ, куда прилегаютъ, по вышеписаннымъ правиламъ, продать на такомъ основаніи, чтобъ взятыя за нихъ деньги, или положенныя оставшіяся въ рукахъ у покупщика, но съ коихъ онъ долженъ платить процентъ, приносили процентомъ ту самую сумму, каковую давали сіи оброчныя статьи, взявъ при томъ залогъ о вѣрности такого платежа.

21) Понеже заведеніе разныхъ новыхъ родовъ хлѣбовъ, перемѣна сѣмянъ, и заведеніе разныя скотины, и наконецъ нѣкоторыхъ нужныхъ ремеслъ, требуетъ нѣкоего числа денегъ, какъ для покупки, такъ и для прейсовъ, то для сего надлежитъ сей Коллегіи опредѣлить нѣкоторую ежегодную сумму на сіи издержки, которыя чинить по слѣдующимъ предписаніямъ:

22) Первое, есть заведенія новыхъ хлѣбовъ. Надлежитъ сей Коллегіи чинить оныхъ разныя выписки, и по самому малому количеству раздавать въ тѣ области, гдѣ есть такія удобныя мѣста; а когда чрезъ рапорты получитъ извѣстія о успѣхѣ сего заведенія, то

объявить, что соглашается для другихъ выписку дѣлать, приговоря для сего вѣрнаго купца и которой бы таковую корреспонденцію имѣлъ, еще съ условіемъ, что невсхожій хлѣбъ отъ него не принимать.

23) Всѣмъ довольно извѣстно, что земляныя яблоки составляютъ здоровую и сытную пищу, а ктому занимаютъ мало земли, а всегда сильно родятся, то и сіе должно стараться заводить. Такимъ образомъ въ тѣ области, гдѣ есть удобная земля для саженія ихъ, посылать по нѣсколько четвертей, и велѣть сперва Директорамъ економіи, разумнѣйшихъ крестьянъ принудить, дабы они по малому числу посадили въ полѣ и въ городахъ, однако не болѣе, какъ во всей губерніи человѣкъ десяти, и наблюдать въ теченіи трехъ лѣтъ, чтобы оные сажали и выбирали порядочно, и научить ихъ употреблять, оставляя имъ оные. А тогда же обнародовать по десяти прейсовъ во всякой губерніи, которые будутъ даваться тѣмъ, кои безъ принужденія о разведеніи ихъ будутъ стараться. На примѣръ: первые три по 25 рублевъ, оной давать, кто предъявитъ, что онъ двѣ четверти ихъ собралъ, три по 15 рублевъ, кто предъявитъ, что полторы четверти собралъ, и три по 5 рублевъ, кто объявитъ, что четверть собралъ; и наконецъ одинъ 50 рублевъ, кто объявитъ, что болѣе трехъ четвертей собралъ; и другія подобныя учрежденіи на десять лѣтъ учинить, ибо непрерывное десятилѣтнее стараніе уже можетъ сіе ввести въ обычаи. Прейсы же сіи давать не токмо Государевымъ крестьянамъ, но и помѣщиковымъ, кто сіе исполнитъ.

24) Подобнымъ же образомъ должно приложить стараніи о разведеніи гороховаго дерева, коего сѣмена удобны въ пищу людямъ и скотамъ, а листья могутъ вмѣсто сѣна служить. Посѣянныя такія деревья нанятымъ садовникомъ, подъ смотрѣніемъ Директора домоводства, произведутъ множество деревьевъ, которыя должно раздавать съ наставленіями, садить въ Государевы деревни и въ помѣщичьи, кругъ дворовъ, гуменниковъ и огородовъ, съ подтвержденіемъ, чтобы ихъ хранили, дѣлая при томъ и осмотры, безъ наложенія, однако, пеней и притѣсненія, но употребляя токмо увѣщаніи. А наконецъ полагая цѣны, по три въ губерніи, кто будетъ имѣть сто деревьевъ, приносящихъ плодъ, тому дать, на примѣръ, 50 рублевъ: кто имѣетъ 200 деревьевъ, тому дать 150 рублевъ; а наконецъ, кто имѣетъ 300 деревьевъ, тому дать 250 рублевъ.

25) Надлежитъ здѣлать учрежденіи о лѣсахъ, съ такимъ еще предписаніемъ, чтобы плодоносныя деревья, яко ребину, черемху и другія, не истребляли.

26) Побужденіе о заведеніи садовъ всякихъ родовъ деревьевъ и огородовъ, такъ же должно составить единый изъ предметовъ сея Коллегіи.

27) Въ самой пашнѣ находится у насъ происходящій отъ старыхъ обычаевъ недостатокъ, то выписки и употребленіе всякихъ орудей для заведенія лутчія пашни, должно сочинить попеченіе сей Коллегіи.

28) А сего ради Коллегія должна имѣть въ собственномъ своемъ владѣніи небольшія деревни, двѣ, или три, кругъ Москвы, гдѣ она будетъ производить опыты, нанимая для сего економовъ и выписывая, или дѣлая орудіи. Такъ же и каждый Директоръ домоводства на городской землѣ долженъ имѣть нѣсколько десятинъ съ садовникомъ, и тремя, или четырмя, работниками и съ лошадьми.

29) Понеже въ Россіи по пространству ее не довольно конскихъ заводовъ, то и надлежитъ сей Коллегіи стараться о размноженіи оныхъ, не токмо у дворянъ, но и у крестьянъ, и для того ежегодно ей и опредѣлить на выписку жеребцовъ и кобылъ по 5000 рублевъ, которые раздавать желающимъ имѣть ихъ крестьянемъ, однодворцамъ и бѣднымъ дворянемъ, которые не болѣе 50 душъ за собою имѣютъ, съ тѣмъ, однако, чтобы за розданные имъ лошади они въ 12 лѣтъ деньги заплатили, начиная платежъ по прошествіи двухъ лѣтъ, бравъ надлежащія залоги, или поручительство.

30) Толикую же сумму опредѣлить и на выписку разной скотины, яко быковъ, коровъ и свиней, и на такомъ же основаніи раздавать.

31) Понеже попеченіи сей Коллегіи должны простираться и о самыхъ ремеслахъ, того ради защищаетъ она отъ всякаго притѣсненія изъ Россійскихъ произведеній всѣ заведенныя фабрики, однако наблюдая, чтобы обдѣлыванье самыхъ вещей не мѣшало ихъ произведенію, то есть, чтобы отъ нихъ не потерпѣло земледѣліе, и для сего полагаетъ предѣлы, чтобы жадность къ корысти приватныхъ людей не отнимала множества рукъ отъ земледѣлія.

32) Умножившіися строеніи и роскошь въ городахъ привлекають множество земледѣльцовъ въ оные, того ради и надлежитъ сей Коллегіи постараться здѣлать такія учрежденіи, чтобы, не здѣлавъ большаго помѣшательства въ строеніяхъ и другихъ ремеслахъ, остановить до нынѣ бывшій великій приливъ земледѣльцовъ въ города.

33) Винные заводы переводятъ много хлѣба, то воззрить и на сіи, въ чемъ предоставляется ей власть уменьшать, или запрещать, винокуреніе во всѣхъ тѣхъ областяхъ, гдѣ худо хлѣбъ когда родится, умножая его, гдѣ онъ изобиленъ.

34) Учрежденія и расположенія о выпускѣ хлѣба и въ какія государства попеченію ее полагается.

35) Имѣя свѣдѣніи о всѣхъ частяхъ государства, имѣетъ она право предлагать Сенату для докладу Монарху, дабы устроить новые, гдѣ водяные комуникаціи, которые разсматриваемы и свидѣтельствуемы должны быть опредѣленными отъ Сената людьми, ибо Коллегія таковыхъ не имѣетъ, и для того токмо мнѣніи и попеченія ее о семъ требуется.

36) Должна сія Коллегія имѣть попеченіе о заведеніи во всѣхъ государственныхъ вотчинахъ магазеіиновъ, а такъ же и помѣщиковъ къ тому побуждать.

36) Общимъ образомъ, что здѣсь выше и не предписано, но усмотрѣно будетъ Коллегіею, о какой бы то части ни было къ пользѣ государственнаго домоводства, о томъ можетъ со мнѣніями своими представлять Сенату. И о таковыхъ нужныхъ вещахъ можетъ Президентъ писать и прямо къ Государю, ссылаясь на учиненные представленіи Сенату.

38) Понеже здѣсь выше единственно главныя правилы помянуты, безъ подробностей, какъ многое изъ онаго исполнять, то на всякое такое нужное исполненіе должна Коллегія здѣлать особливыя предписанія и поднести Сенату на разсмотрѣніе, дабы во всемъ имѣла правила, по чему поступать, а не было бы безъ крайней нужды самопроизвольныхъ дѣйствій.

мнѣ сказали, что еще хорошъ, а есть гораздо хуже. А однако, никакого распоряженія дольше, то есть, до исходу Февраля мѣсяца не здѣлано о прокормленіи бѣднаго народу, для прокормленія того народу, которой сочиняетъ силу Имперіи, котораго въ самое сіе время родственники и свойственники идутъ сражаться со врагами, которые въ степяхъ, въ холодѣ, въ нуждѣ и въ сырыхъ землянкахъ безъ ропоту умираютъ, который даетъ доходы не токмо на нужды государственныя, но и на самый роскошъ. Ниже для всего сего, а паче ради человѣколюбія, ниже малое количество курки вина уменьшено; и не токмо, чтобы убавить какихъ съ нихъ податей, но и самые способы отнимаютъ, чтобы работою своею приобрѣтши себѣ деньги, хотя мякиною жизнь свою продлить. Отдаленный стонъ народной не бываетъ внушаемъ среди роскошей столичныхъ городовъ. Но здѣсь и сей отговорки быть не можетъ. Толпы нищихъ наполняютъ перекрестки, жалобнымъ своимъ воплемъ останавливаютъ проѣзжающія кареты: содрогшіе отъ холоду младенцы среди холоду и вьюги единое чювствіе глада имѣютъ, безвинныя руки протягаютъ, изчисляютъ число времяни ихъ пощенія и милостины просятъ, которой еще и не получають довольно; ибо частные люди всѣхъ прокормить не могуть, и случайная милостиня не иное что можетъ произвести, какъ умножить число нищихъ, а правительство глухо и слѣпо, и нечювствительно на сіе является. То есть ли истиннѣ моихъ глаголовъ повѣритъ потомство, что скажетъ оно о нашемъ вѣкѣ?

Тогда же умножены ассигнаціи банковые, и мѣдь и серебро уменьшилисъ; банкъ, долженствующій, по данному народу торжественно слову Монарху, ассигнацій не платитъ, и даже содержитъ на заперти и съ часовыми ворота, чтобы на дворъ не пускать. Нашлися такіе люди, которые, взирая на собственный токмо свой прибытокъ, учредили у себя мѣновныя лавки, въ которыхъ мѣняя крупныя ассигнаціи на мелкія, ассигнаціи на мѣдь и мѣдь на ассигнаціи, и рублевики или имперіалы на ассигнаціи, или на мѣдь, за все берутъ промѣнъ. Размѣнивая крупныя ассигнаціи на мелкія, берутъ по грошу съ рубля: размѣнивая ассигнаціи на мѣдныe, берутъ по пяти копѣекъ съ рубля; мѣняя ассигнаціи на серебро, берутъ по грошу съ рубля, размѣнивая рублевики на ассигнаціи по десяти копѣекъ съ рубля, а рублевики на мѣдныя деньги по осьми копѣекъ съ рубля. Правительство сіе видитъ, зловредные обогащаются,

и отъ мала до велика народъ страждетъ; способовъ къ поправленію зла не употребляютъ, и не извѣстно, для какихъ видовъ честь и кредитъ самыя Монархіи разрушаютъ.

О таковыхъ промѣнахъ говорю я въ Москвѣ; но зло сіе по всѣмъ городамъ разпространилось, и сказываютъ, что въ Казани на промѣнъ ассигнацій по 13 копеекъ на рубль платятъ, а въ арміи и до 20 копѣекъ сіе восходитъ; и по мѣрѣ въ другихъ городахъ.

То довольно видно каждому, коль есть сіе чювствительное разореніе всему народу, когда принуждены двадцатую, десятую, или и больше частей за промѣнъ такихъ денегъ терять, которые Монаршимъ словомъ утверждены быть равные мѣдной монетѣ, которые знаки, яко векселли отъ Правителства, ходятъ, и которые торжественнымъ Монаршимъ словомъ предъ народомъ утверждены. То послѣ сего кто Монарху, или Правительству Россійскому повѣритъ? И не есть ли сіе оскорбленіе Величества, и въ его особѣ, и въ должной вѣрѣ отъ подданныхъ къ Государю и къ Правителству?

Исторія, иже есть намъ болѣе памятникъ бывшихъ злоключеніій на родъ человѣческій, нежель его благоденствій, многіе намъ примѣры бываемыхъ нуждъ народныхъ представляетъ; яко во время бунту соединенныхъ провинцій противу Гишпаніи, гдѣ даже до оловянныхъ тарелокъ кусками рѣзали, клеймили и вмѣсто монеты употребляли; въ Швеціи, во время, когда Карлъ XII разорилъ военною своею склонностію Швецію, была бита легковѣсная монета, которая за малую потомъ цѣну отдавалась; въ Россіи послѣ разоренія Россіи отъ разныхъ мятежей, били, какъ увѣряютъ, кожевыя денги; во Франціи, въ нынѣшнемъ уже вѣкѣ, во время Короля Людвика XV, при произвожденіи войны съ Англіей, помнится мнѣ, въ 1746 году, повелѣно было приватнымъ людямъ серебро свое на монетной дворъ носить. Но все сіе было слѣдствіе войны и худыхъ успѣховъ. У насъ войны, 1774 года не было, а и война была самая успѣшная, области наши не разорены, доходы государственные разработаніемъ рудниковъ, умноженіемъ винныя продажи, приобщеніемъ къ Коронымъ доходамъ монастырскихъ деревень, и положеніемъ на нихъ по три рубли съ души, умноженіемъ торговли, положеніемъ въ окладъ денежный Малороссіи и Лифляндіи, поселеніемъ новой Россіи, приобрѣтеніемъ Бѣлоруссіи, учиненіемъ новой ревизіи, и протчими способами знатно умножились. А, однако, отъ

безденежія и отъ недостатку кредита Россійскій народъ болѣе страждетъ, нежели вышепомянутыя страны и послѣ всенародныхъ нещастій страдали. Отъ чего же сіе происходитъ?

Понеже я помянулъ о настоящемъ голодѣ, яко предвиженномъ, то бы, слѣдуя порядку, и надлежало начать причины онаго изъяснять; но какъ я въ другомъ моемъ сочиненіи о семъ довольно говорилъ и о способахъ сему помочь, то мнѣ остается токмо доказать, что онъ могъ быть предвидимъ, потому, а именно; 1) по запустѣнію великаго числа монастырскихъ лучшихъ полей, кругъ монастырей находящихся; 2) по выпашкѣ земли въ плодороднѣйшихъ областяхъ; 3) по умноженію народа и по недостатку по числу народа земли; 4) по пустотѣ многихъ областей, гдѣ найплодороднѣйшая земля находится; 5) по раздачи безразсудно множества такихъ пустыхъ земель безъ обязательства учинить на нихъ селеніи; 6) по великому числу работниковъ, отставшихъ отъ пашни и отшедшихъ въ города для работъ; 7) по вкрадшемуся отъ сего сластолюбію и лѣности во крестьянъ; 8) по недостатку у помѣщиковъ людей, чтобы имѣть смотрѣніе за пахатными деревнями; 9) по умноженію винной курки и корчемства; 10) по выпуску хлѣба въ чужіе краи; 11) по незаведенію вездѣ магазиновъ; 12) по ежегодному возвышенію цѣнъ на хлѣбъ, и 13) по неурожаю хлѣба въ 1776 году. Всѣ сіи причины, якобы отъ чюжестранныхъ, отъ Правительства нашего сокрыты были, или лутче сказать видѣли и не видали, разумѣли и не радѣли. Но чему сему удивлятся? Когда уже нынѣ и голодъ настоитъ, то и тутъ никакого споможенія и попеченія не имѣютъ, то какъ такому Правительству предъупредительное попеченіе имѣть?

И тако, изъяснивъ, что голодъ былъ предвидимъ, и какія онаго причины, приступаю таперя говорить, отъ чего ни серебряныхъ, ни мѣдныхъ денегъ нѣтъ, и отъ чего кредитъ Государства и Государя подорванъ?

Дабы о семъ яснѣе показать, надлежитъ объяснить всѣ ошибочныя операціи, учиненныя Правительствомъ вразсужденіи монеты. При Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ были биты рублевики легче рублевиковъ Петра Великаго и Императрицы Анны; но какъ старой монеты было мало, а новой было бито много, ибо не токмо изъ вынимаемаго серебра изъ рудниковъ Колывана Воскресенскаго, но изъ пошлинныхъ ефимковъ оные дѣлались, то хотя старые рублевики и многіе были вывезены, но по размѣру ихъ со вновь здѣ-

ланными, число ихъ было такое, что вывозъ ихъ былъ не чювствителенъ; да ктому же, по притчинѣ не толь великаго роскошу, и вывозъ ихъ быть не могъ великъ.

По возшествіи нынѣшнія Императрицы на Россійскій престолъ, хотя предъ тѣмъ времянемъ былъ заключенъ миръ Петромъ III съ Прускимъ Королемъ, которой и ею былъ утвержденъ, и Россія надѣялась наслаждаться совершеннымъ спокойствіемъ, слѣдственно, безъ всякія видимыя причины вдругъ зачели монету передѣлывать, убавя пятую, или четвертую, часть вѣсу рубля. Извѣстно, что возшествіе Императрицы Екатерины Второй послѣдовало по возмущенію; учинившихъ сіе возмущеніе надлежало наградить, даны имъ были, единымъ деревни, другимъ деньги, а всѣмъ чины придворные. Дворъ умножился всравненіи Двора Императрицы Елисаветы Петровны. Хотя сначала царствованія своего нынѣ царствующая Императрица роскошу и не любила, однако благопристойность побуждала придворныхъ нѣкоторыя излишныя издержки дѣлать; войски еще изъ Пруссіи и Польши были не выведены; туда надлежало посылать деньги; а вскорѣ вoспослѣдующая смерть Короля Польскаго, Августа, и желаніе Россійскаго Двора возвести на престолъ Станислава Понятовскаго, противу воли всѣхъ Поляковъ и Литовцевъ, принудило и еще войски туда посылать, его избрали по неволѣ, произошли конфедераціи, которыя должно было унимать; Король началъ дѣлать нѣкоторыя предпріятіи надъ древними правами Польскими, конфедераціи умножились, противу коихъ и войска Россійскія умножали; а тогда же сластолюбіе у Россійскаго Двора стало умножаться: то все сіе учинило, что хотя и было намѣреніе передѣлать рублевики Императрицы Елисаветы Петровны, но они были туда отвезены, и едва пятая часть оныхъ, за остаткомъ, что въ Прускую войну было вывезено, въ передѣлку вошла.

Да хотя бы и сихъ обстоятельствъ не было, всякое убавленіе монеты есть вездѣ вредно, а въ Россіи и наипаче другихъ мѣстъ вреднѣе. Ибо первое: тщетно Государи радуются, видя больше нулей, при числѣ доходовъ ихъ поставляемыхъ. Монета несть товаръ, но знакъ вещей, а потому уменьшить настоящую цѣну монеты, се есть возвысить цѣну на вещи, а потому другой прибыли отъ сего не произойдетъ, какъ умноженіе цыфровъ въ щетахъ. Второе: всѣмъ извѣстно, что повсюду Жиды

торгуютъ монетою, червонные обрѣзываютъ, тяжеловѣсную на легковѣсную покупаютъ, и протчее. Россія прилегаетъ въ Польшѣ, гдѣ множество находится сего Израильскаго народа: они всякую у насъ монету всякими образы вытаскиваютъ, а когда надѣлали рублевики легковѣсные, то каждый разсудитъ, коль имъ удобно было вытащить на новые рублевики знатную часть старыхъ, отъ чего серебреная монета и уменьшилась знатнымъ образомъ.

Польская война, можно сказать, продолжалась до самаго начатія Турецкія войны въ 1769 году, во все время были полки въ Польшѣ, офицеры издерживали рублевики, которые изъ Польши не возвращались.

А между тѣмъ времянемъ здѣлано двѣ явно вредныя для Россійской монеты операціи. Первая: при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ заключенъ былъ трактатъ съ Англіей, чтобы Россія содержала всегда готовыхъ войскъ для Англіи сорокъ тысечь человѣкъ, съ обязательствомъ Англіи платить по два милліона въ годъ на содержаніе ихъ, которые ефимками къ намъ привоживали. Сіи деньги ежегодно платились, а токмо единожды были войска посыланы, подъ командою Князь Василія Никитича Репнина. Но они ничего не здѣлали ради послѣдующаго мира между Франціею и Англіею. Достойно воистинну удивленія, что толь полезные договоры мы сами отмѣнили; сказываютъ, что сіе учинено будто бы для того, что непристойно Россійской Императрицѣ брать жалованье отъ Англіи, яко бы сіе жалованье брала Императрица. Сіе были субсиды, и яко дань платимая Англіей ради полученія защищенія себѣ отъ Россіи въ случаѣ нужды. И тако софистическимъ разсужденіемъ Россія сей пользы лишилась, которую уже не удастся ей возвратить. Второе: при заключеніи трактата съ Англіею, въ году, положено было: Англинскіе подданные будутъ платить пошлину, какими деньгами они захотятъ, привозимымъ ли серебромъ, или и Россійскою ходячею монетою. Григорей Николаичъ Тепловъ, бывшій участникъ въ семъ трактатѣ, сказывалъ мнѣ причины такого положенія. Курсъ тогда состоялъ $42^1/_2$ штивра, они же цѣну ефимковъ положили по курсу 40 штивровъ, слѣдственно Корона, получая Россійскую монету въ платежъ пошлины, выигрывала еще болѣе пяти процентовъ, которыя собираемыя деньги тогда же было опредѣлено переводить въ Голандію, и выписывать на оные серебро для монетнаго двора.

Вотъ, кажется, видимая причина довольно прибыльная и довольно ясная. Но ежели бы заключающихъ Министровъ сей трактатъ вопросить, не видѣли ль они умноженія люксу, возвеличенія привозу чюжестранныхъ товаровъ, что упаденіемъ курсу угрожало, какъ и воспослѣдовало? Не помнятъ ли они, что въ концѣ царствованія Императрицы Елисаветы Петровны, когда стали деньги переводить въ находящуюся въ Прусіи армію, тогда курсъ упалъ до 35 штивровъ? То что было, не можетъ ли опять случиться, и въ малое число лѣтъ Россія потеряла бы, что бы и во многія лѣта приобрѣла, то я не знаю, чтобы на сіе могли отвѣтить вамъ? Дѣйствително сіе воспослѣдовало. Сластолюбіе во всѣхъ частяхъ умножилось, Польскія дѣла, требующія непрестанной посылки денегъ, продолжались, войны возгорѣлись, курсъ упалъ, и ни единожды съ того времяни до 40 штивровъ не доходилъ, выписывать серебро стало неудобно съ толь явнымъ убыткомъ, а Россія около тысечи пудъ лишилась прежде получаемыхъ ефимковъ.

Конечно, есгли возрѣть на такія обстоятельства, и на толь худыя операціи, то довольно уже явно, что серебреная монета должна была истребиться, и Россія, богатая обильными рудниками серебреными, въ нищетѣ серебра должна быть. Но къ сему еще присовокупились и другія обстоятельства. Первое: при Императрицѣ Аннѣ и въ не малое время царствованія Императрицы Елисаветы Петровны, Персія была въ цвѣтущемъ состояніи, серебро и злато въ нее текло изъ Индіи, и, на промѣнъ товаровъ нашихъ, изъ Персіи часто серебро привозили, потомъ Шахъ Томасъ-Куликанъ, разоря Могольскую Имперію, и получа въ столицѣ оныя неизщетное сокровище, злато и сребро цѣну свою потеряло; абасы, содѣланные изъ чистѣйшаго серебра, въ Россію въ великомъ множествѣ приходили, такъ же знатное количество привозили въ Астрахань и въ Оренбургъ, такъ называемаго, копычетаго серебра; * тогда же торговля съ Китайцами

---

* Меня увѣряли, что въ Оренбургѣ въ четырнадцать лѣтъ вступило въ казну Государеву до шести тысечь пудъ абасами, копытчетымъ серебромъ и другимъ, окромѣ что приватные люди получили, мѣняя на товары; и тако всего щитаютъ до десяти тысечь пудъ.

Примѣч. сочин.

на границахъ Сибири такъ же хотя не великое число серебра въ Россію приносила. Но Шахъ Томасъ Куликанъ былъ убитъ, сокровищи его разграблены, Персія, раздѣлясь подъ власть многихъ Хановъ, давное уже время въ безпокойствѣ, междоусобной войнѣ и въ разореніи пребываетъ, и не токмо чтобъ могла за товары наши платить серебромъ, сама жадна получить наши изъ нечистаго серебра и легковѣсные рублевики; и меня знающіе купцы въ Персидской торговлѣ увѣряли, что естли имъ позволятъ рублевики, яко товаръ въ Персію отпускать, они по дватцети копѣекъ на рубль пошлины заплатятъ. А потому товаръ сей можетъ легко быть сокрытъ, таможни хотя и вездѣ неисправны, а у насъ еще неисправнѣе и таможенники корыстолюбивѣе, то да разсудитъ каждый, вывозятся ли рублевики въ Персію?

Китайской торгъ такъ же сталъ рушенъ отъ несогласія нашего съ Китайцами, а отъ сего и серебро въ Россію входить изъ Китая не стало. Правда, что сіе составляло весьма малое количество, однако оное было.

Еще ктому же, Зенгорцы, народъ Калмыцкой, живущій между Киргисъ-Кайсаками и Китайцами, онаго не малое количество на наши Сибирскія границы привозилъ; и сіе было то серебро, которое копытчетымъ называлось. Сей народъ, претерпѣвъ междоусобіи, сталъ разоренъ, то и сей источникъ привозу серебра пресѣкся.

А по всему сему и ясно есть, хотя во время царствованія Императрицы Анны Іоанновны, Россія и не имѣла богатыхъ серебреныхъ Колывано-Воскресенскихъ и Нерчинскихъ рудниковъ, однако не менѣе серебра нынѣшняго получала. Нынѣ можно сказать, что хотя внѣшніе случаи и вышепомянутыя худыя операціи и пресѣкли источники сіи ввозу серебра, однако отъ богатыхъ рудниковъ не менѣе его входитъ въ казну Государеву, но уже съ десять лѣтъ ни золотой, ни серебреной монеты не бьютъ. Ежедневно оная и вывозомъ и другими случаями истребляется; то удивительно ли, что она такъ рѣдка стала? А, однако, отъ сего торговля терпитъ, ибо курсы и такъ низкіе, еще убыточнѣе для покупки привозныхъ товаровъ чинятся. Ибо въ самое сіе время, какъ я пишу, курсъ состоитъ рубль 36 штивровъ, а прибавя къ нему еще десять копеекъ промѣну, учинитъ, что рубль десять копѣекъ стоитъ 36 штивровъ, то есть, 72 копѣйки; и тако потеря на выписные товары состоитъ

38 копѣекъ. Въ такомъ государствѣ, гдѣ все, что мы носимъ, чѣмъ домы украшаемъ, и многое, что надлежитъ для нашихъ столовъ, должны чюжестранное покупать: и естли сему вскорѣ не помогутъ, то ажіо на рублевики можетъ и вдвое возвыситься: а посему да разсудитъ каждый, колико и частные люди, и торговля въобще претерпѣваетъ, которая безъ вывозу чюжестранныхъ товаровъ быть не можетъ: и какая еще перспектива намъ впредь угрожаетъ.

Предложивъ таперь, какая есть причина уменьшенія серебреныя монеты, надлежитъ мнѣ войтить въ разсмотрѣніе, отъ чего мы терпимъ нужду и въ мѣдной монетѣ.

Россія не яко другія страны, гдѣ правительство тщится обнаружить свои операціи передъ народомъ, но о самыхъ вещахъ, касающихся непосредственно до народа, въ совершенной тайнѣ сіе содержитъ. Что я говорю о народѣ? Самыя таковыя дѣла главному правительству неизвѣстны, а знаетъ токмо ихъ тотъ, кому они препоручены. А посему правительство такой повѣренной особѣ сопротивляться не можетъ; самыя операціи его зависятъ отъ хотѣнія того, народъ пребываетъ въ невѣдѣніи и въ неудовольствіи и иногда и понапрасну, желающіе научиться способу не имѣютъ, размышленіи остановлены, ошибки или злоупотребленіи неисправляемы остаются, и ошибку ошибкою, и зло зломъ, яко бы для поправленія, умножаютъ.

Послѣ таковаго начертанія, довольно видно, что числа битыя монеты узнать подлинно не можно; однако, понеже несть тайны, которая бы совершенно могла сокрыта быть, то хотя не точно, но приблизительнымъ образомъ извѣстно, что мѣдной монеты бито, и слѣдственно надлежало бы въ обращеніи быть, отъ шестидесяти до семидесяти милліоновъ. Конечно бы довольное число, естли бы было довольно серебреной монеты, и естли бы могло быть скорое обращеніе денегъ. Но какъ ни того, ни другаго нѣтъ, то въ самомъ дѣлѣ ее есть недостаточно. А доказателство сему то, что хотя я подлинно положить не могу, да сумнителенъ, чтобы гдѣ и въ правительствѣ было извѣстно сіе, естли положить въ Россіи, Малороссіи, Бѣлоруссіи и другихъ странахъ, окромѣ Сибири, гдѣ особливая монета ходитъ, щитая въ томъ числѣ дворянъ, чюжестранныхъ и другихъ до двадцети милліоновъ, то по раздѣленію, не придетъ мѣдной

монеты болѣе трехъ рублевъ на человѣка, ибо серебреной не уповаю, чтобы и десять милліоновъ было, а ассигнаціи, какъ выше помянулъ, весма великаго числа замѣны мѣдной монеты здѣлать не могутъ. То каждой да разсудитъ, что по толь великому пространству, какова есть Россія, гдѣ естественно не можетъ монета скорое обращеніе имѣть, можетъ ли сія сумма довольна быть?

Еще при Петрѣ Великомъ представленъ былъ проектъ отъ Князя Ивана Андреевича Щербатаго, тогда учившагося въ Англіи, о заведеніи банковыхъ ассигнацій въ Россіи. Сей государь усмотрѣлъ всю важность сего проекта, сочинителя наградилъ, но по немъ ничего не исполнилъ, говоря, что сіе еще рано. Времена протекли, мѣдныя деньги умножились, наводящія безпокойство своею тягостію и количествомъ; нынѣ царствующая Императрица соизволила учредить ассигнаціонный банкъ для размѣны мѣдныхъ денегъ, дала Монаршее свое торжественно слово, что каждая ассигнація должна почитаться за наличныя деньги, и вѣрно будетъ плачена: сперва съ нѣкою недовѣренностію ихъ принимали, а потомъ испытавъ о вѣрности исполненія слова Монарша, всѣ стали кидаться имѣть ассигнаціи, и кредитъ сихъ бумажныхъ денегъ былъ толь совершененъ, какого нужно было требовать, а симъ число обращающихся денегъ умножилось и провозъ ихъ облегчился.

Однако, коренные пороки, случаи, незнаніе, желаніе выслужиться и неразсмотрѣніе, которые повсегда Россійскую Имперію отягощаютъ, и на сіе благое учрежденіе ядъ свой розлили. Первое, при самомъ учрежденіи банкъ сей учиненъ почти независимымъ отъ главнаго правительства, а чрезъ сіе главному Директору онаго и далася такая власть, каковая есть непристойна во всякомъ благоучрежденномъ правленіи. Второе, не посмотря на карту, ниже вошедъ въ обстоятельство тихости обращенія монеты въ Россійской имперіи, по причинѣ ея пространства и малой внутренней торговли, положили суму въ банкъ, едва половину въ сравненіе съ суммой надѣланныхъ ассигнацій, хотя чрезъ сіе выслужиться, что яко бы умножена монета; однако, какъ множество ассигнацій вышло по городамъ, то и сей суммы было довольно для безъзадерживаемаго платежа входящихъ банковыхъ билетовъ.

Потомъ учреждены были конторы банковыя по губерніямъ, которыя такъ же свой кредитъ сохраняли.

Но вскорѣ данное самовластіе Директору банка начало несообразными его операціями оказывать свой вредъ, чрезъ приходящія въ разныя мѣста отъ него повелѣніи, иногда выдавать ассигнаціи, иногда ихъ не выдавать, а токмо выдавать деньги, такъ что первое, сими повелѣніями. самовольно имъ учиненными, нарушился уже тотъ святой и составляющій основаніе банка договоръ между Государя и народа, что ассигнаціи суть деньги и деньги суть ассигнаціи. Но, однако, народъ вдругъ въ юридическую тонкость не вошелъ и не преставалъ имѣть повѣренность къ банку и къ ассигнаціямъ, изъ котораго болѣе денегъ по таковымъ повелѣніямъ выходило, нежели ассигнацій, а симъ самымъ положенныя суммы знатно убавились.

Заведенныя банковыя конторы по городамъ хотя и съ хорошимъ намѣреніемъ учреждены, то есть, дабы спомоществовать обращенію монеты и облегчить перевозъ мѣдной монеты, не могли, по существу своему, въ совершенствѣ добра сего произвести, ибо по перемѣнамъ обстоятельствъ торгу, иногда и малыя суммы, въ нихъ положенныя, безъ обращенія оставались, а иногда и естли бы и великія положить, ихъ бы недостало. Предвидѣть задолго сіи обстоятельствы трудно, а при начатіи ихъ уже переслать изъ Петербурга ассигнаціи не было время, а потому въ торговомъ обращеніи хотя не всѣ деньги, но знатную часть, продолжали деньгами перевозить, а сіе такъ же производило въ столичныхъ городахъ уменьшеніе мѣдныя монеты.

Потомъ, не изчисля порядочно числа ассигнацій и числа положенныхъ денегъ въ банкъ, безразсудно обнадѣясь на кредитъ ассигнацій, не разсуждая, что кредитъ безпрестанными, сходственными съ сими намѣреніями, операціями долженъ быть содержанъ, можетъ статься, были еще злобы и противурѣчіи между вельможъ, не рѣдко жертвующія государство и честь Монаршу собственнымъ своимъ видамъ, а наконецъ, можетъ статься, и виды собственнаго прибытка, учинили: первое, отдать привозъ мѣдныя монеты Арменину Ивану Лазаревичю изъ Екатеринбурга, гдѣ она дѣлается, давъ ему слишкомъ годъ сроку, а послѣ и принимать у него, вмѣсто мѣди, ассигнаціями, что еще прибыль его умножило, такъ что уже нѣсколько лѣтъ онъ токмо ассигнаціями платитъ, а самое сіе и учинило недостатокъ въ мѣдной монетѣ.

Ктому же и прежде учинено было узаконеніе вразсужденіи заводчиковъ такое, что каждый, во первыхъ, долженъ платить съ

выплавливаемой мѣди Коронѣ десятую часть, да, сверхъ того, становить въ Екатеринбургъ двѣ трети выплавливаемой мѣди, взимая за оную по пяти рублевъ съ полтиною, такъ что заводчикъ, изъ десяти пудъ имъ выплавленной мѣди, имѣлъ токмо въ вольную продажу три пуда. Съ перваго взляду является сіе положеніе весма тягостно; но, входя въ обстоятельства, можетъ быть оно намъ не толь тягостно и справедливѣй покажется. Правда, что они оставленную имъ въ вольную продажу мѣдь продаютъ въ Москвѣ и въ Петергургѣ по одиннатцати и по двѣнатцати рублевъ пудъ; но должно ли во всеобщихъ положеніяхъ государства взирати на жадность нѣсколькихъ корыстолюбивыхъ людей? И они всѣ завели свои заводы на Государевыхъ земляхъ, даны имъ Государевы лѣса, а многимъ и деревни, симъ сами до крайности обогатились: то могутъ ли на тягость положенія пожаловаться и вопіять, за чѣмъ еще изъ ничего богатѣе не стали? Причина сія мнѣ довольно извѣстна, по случаю, которой я имѣлъ быть посредникомъ въ дѣлежѣ Твердышева съ племянницами его, Мясниковыми, гдѣ я принужденъ былъ разсматривать ихъ щетные по заводамъ книги. По онымъ я нашелъ, что пудъ мѣди ему обыкновенно обходилась въ полтора рубли, а помнится, въ одинъ годъ, или въ два года, ему она отъ рубля шестидесяти и до рубля семидесяти копеекъ дошла, и онъ, Твердышевъ, меня словесно увѣрялъ, что никому изъ заводчиковъ она болѣе двy рублевъ съ четвертью не становится, а нѣкоторымъ, яко Походяшину и Турченинову, и не съ большимъ въ рубль до Екатеринбурга приходитъ; то можно ли почесть за тягость, когда больше нежели вдвое, а нѣкоторымъ втрое и вчетверо платежъ производится? По тѣмъ же книгамъ Твердышева я видѣлъ, что, помнится, въ 1756 году, при началѣ ихъ заводовъ, было на нихъ долгу до пяти сотъ тысечъ рублевъ, а въ 1784 году, когда Иванъ Борисычъ Твердышевъ умеръ, уже были заводы заведены, восемь тысечъ душъ куплено, и до двy милліоновъ съ половиною чистаго капитала было. Я такъ же помню Турченинова, что онъ ничего не имѣлъ, но лѣтъ въ тритцать милліонщикомъ сталъ. Что они не чювствовали никакого себѣ знатнаго убытку, какъ и не можно имъ было чювствовать, сіе доказуется и тѣмъ, что они никогда о семъ открытымъ образомъ не просили, да вразсужденіи ихъ прибытку и просить было нельзя. Ибо естли бы была прозба порядочная, то бъ была и выписка, и сравненіе, по какимъ цѣнамъ на Государевыхъ заводахъ мѣдь становится: и такъ уповательно окольничными образами испросили, что

одна треть повелѣнной имъ мѣди становить въ казну по пяти рублевъ съ полтиною пудъ, была указомъ отмѣнена, не нужные, небѣдные, милосердіе получили, но отекшіе съ богатства, а казна въ прибыли отъ переделу монеты, народъ же отъ неприбавленія мѣдныя монеты претерпѣли.

Мудрено сему повѣрить, однако, многіе достовѣрные свидѣтели меня увѣряли, что, не взирая, что мѣдь штуковая продается въ одиннатцать рублевъ пудъ, а мѣдныхъ нашихъ денегъ въ пудѣ шеснатцать рублевъ, однако Жиды въ Польшѣ и тѣ тщатся вытаскивать. Можетъ быть сіе чинится такимъ образомъ: Комиссіи наши военныя, дабы по курсу не имѣть потери, возятъ туда мѣдную монету, которую рубль за сто копѣекъ даютъ, а она тамъ не болѣе ходитъ осмидесяти копеекъ, слѣдственно, уже пудъ обходится въ 12 рублевъ 80 копеекъ, что не много дороже, хотя и штуковую мѣдь изъ Россіи туда привезти. Жиды Польскіе большихъ капиталовъ не имѣютъ, а по частной выпискѣ, они пудами и не могутъ по 11 рублевъ пудъ мѣди купить, денегъ впередъ дать такъ же не могутъ, то возвышая цѣну на свои товары и мѣдная монета, щитая ее за мѣдь не въ дѣлѣ, еще имъ сходно для торгу ихъ обходится, а потому хотя не великое количество, однако и они истребляютъ.

А какъ мѣдная монета подвержена ко многимъ потерямъ, яко згоренію, потопленію, а иногда и крестьяне накопя деньги зарываютъ, то кажется, и должно положить, обще и съ вывозомъ въ Польшу, убавки сей монеты до десяти милліоновъ, а потому и не останется ее въ обращеніи, какъ токмо не съ большимъ пятдесятъ милліоновъ.

При такихъ обстоятельствахъ вдругъ учинились двѣ крайнія ошибки въ операціяхъ государственныхъ о монетѣ, и единое независящее до оныхъ обстоятельство.

Первое. Вдругъ нашедши, что легко могутъ поддѣлывать старыя ассигнаціи, вдругъ здѣлали новыя, перемѣня и образъ ихъ и бумагу; а второе, учредя Заемный Банкъ, умножа ассигнаціи, обнародовали, что ихъ токмо сто милліоновъ быть опредѣлено; и третіе, произшедшій голодъ въ Россіи.

А сіе произвело слѣдующее. Первое, въ отдаленныхъ мѣстахъ отъ столицъ государственныхъ, опасаясь, что старыя ассигнаціи вскорѣ ходить не могутъ, не толь охотно ихъ стали въ платежъ принимать, а потому изъ столицъ и изъ другихъ городовъ надле-

жало въ тѣ отдаленныя мѣста для покупки хлѣба и другихъ вещей везти мѣдную монету. * Второе, хотя не подлинно, но народу извѣстно, что ста милліоновъ мѣдной монеты нѣтъ, то отъ сего объявленія дѣйствительно ли можетъ казна заплатить всѣ ассигнаціи, народъ пришелъ въ недовѣрчивость; и какъ во многихъ Украинскихъ губерніяхъ, которыя до сего довольствовали хлѣбомъ Москву, совсѣмъ учинился недородъ хлѣбу, кинулись еще съ весны 1787 года купцы покупать хлѣбъ на Вяткѣ, въ Саратовѣ и въ другихъ отдаленныхъ губерніяхъ, гдѣ еще новыхъ ассигнацій не было, а старыя уже не надежны учинились, да хотя бы и надежны были, тамошнія банковыя конторы не могли столько и выдать ихъ, ибо по случаю сей нужды и обстоятельства, никакого распоряженія не было учинено, то и повезли великія суммы на покупку тамъ хлѣба, такъ что столичные города и многія губерніи почювствовали великой ущербъ въ мѣдной монетѣ; правительство же не здѣлало осторожности, чтобы почтенному и любимому Лазаревичю велѣть привезти монету изъ Сибири. Вдругъ зачели деньги оскудѣвать въ Москвѣ и въ другихъ городахъ. пошли мѣнять, тамъ учинили затрудненіи, яко бы недовольно было щетчиковъ; не получившіе пошли безъ мѣдныхъ денегъ, другимъ разсказали, и кредитъ Банка Государственнаго и Монарша слова пропалъ.

Се довольная причина злу; но, кажется, яко бы правители Государственные употребляли всѣ способы, дабы болѣе на себя вину наложить. Еще прежде воспослѣдуемой такой нужды, учреждено было въ Дворянскомъ Банкѣ и въ другихъ мѣстахъ брать промѣнъ, ища прибыли Коронной, или, лутче сказать алтынничая, и учиня, что и на металлѣ изваянное слово Монарше, что рубль рубль, и гривна гривна, есть несправедливо. Мало пользы Корона получила, но много вреда здѣлала; ибо собственнымъ своимъ примѣромъ научила подданныхъ въ сей торгъ, вредной каждому государству, вступить, и по справедливости отняла у себя способъ, наказаніе и запрещеніе тому учинить; ибо они не суть какъ токмо подражатели невѣрному слову Короны.

---

* Увѣряли меня при томъ, что около сорока тысечь ассигнацій осталось такихъ, которыя не успѣли въ срокъ перемѣнить, и Корона за нихъ заплатить отреклася; и еще нашлося около сорока тысечь фальшивыхъ, которыя такъ же безъ платежа остались; то сіе учинило такъ же къ бумажнымъ деньгамъ недовѣрку.

Примѣч. сочин.

Се есть танерь перваго числа Марта 1788 года наше состояніе. Но должно ли токмо охулять, или должно искать способы злу сему помочи? Не взирая на честь, которую я имѣю засѣдать въ первомъ Правительствѣ государства, сіе Правительство никакого свѣдѣнія о доходахъ и о такихъ операціяхъ не имѣетъ, а потому я долженъ о врачеваніи сего зла, яко совсѣмъ приватной человѣкъ, говорить.

Во первыхъ, порядокъ самого предмета сего сочиненія требуетъ говорить о прокормленіи сихъ нещастныхъ странствующихъ и жалостными своими воплями пронзающихъ чювствителныя сердца, а надокучающихъ нечюствительнымъ; ибо, кажется, первое попеченіе должно имѣть о сохраненіи людей, потому что безъ нихъ ничего не обрѣтаютъ.

И тутъ я нахожу удивительную для меня содѣланную операцію для соблюденія казны. Ради военнаго времяни остановлены всѣ казенныя работы, а симъ способомъ, при гладѣ народномъ и при нуждѣ совершенной, и отняты способы великому числу людей пропитаніе себѣ приобрѣсти, яко бы сохраненіе подданныхъ внутри государства не способствовало и къ успѣшнѣйшему произведенію самыя войны. Не говорю я, чтобы продолжать вездѣ сіи пышные и огромные всѣ зданіи, которые и въ мирное время, показуя токмо пышность и тщеславіе правительства, отнимая множество рукъ отъ земледѣлія, дѣйствительный вредъ государству наносятъ; и не говорю, чтобы вездѣ строеніи продолжать, ибо подлинно военное время требуетъ уменьшенія Коронныхъ внутреннихъ издержекъ. Но вразсужденіи нынѣшней нужды народной, чего бы ради, хотя убавя вполовину, не продолжать строенія въ Москвѣ, такъ же въ претерпѣвающихъ голодъ губерніяхъ? Ежели мы исчислимъ, коликія на сіе потребны суммы, то, кажется, самымъ посредствомъ ихъ мнѣніе мое утвердится; а именно, я заподлинно слышелъ, что въ Москвѣ на строеніи выдавалось по 400 тысечъ рублей въ годъ; но я полагаю половину, и того 200 тысечъ, а потомъ въ Калужской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Орловской, Курской, Новогорода-Сѣверскаго и Харьковской губерніяхъ, въ кои на каждую выдавалось по 20 тысечъ рублевъ, и того 160 тысечъ; и того всего 360 тысечъ рублевъ. А сими бы, пущенными отъ Короны, въ народъ деньгами, бѣдные бы жители могли воспользоваться, работою своею найтить себѣ не токмо пропитаніе, но и способы къ платежу податей и къ приготовленію

хлѣба для будущаго посѣву, которой ими въ нуждѣ и нищетѣ ихъ истребленъ, и продолженіемъ голоду Россіи угрожаетъ Мнѣ помнится, что я негдѣ читалъ, что во время продолженія разорительныя для Франціи наслѣдныя войны, провинція Лангедокская учинилась не въ состояніи платить податей, то посланы были туда деньги для разныхъ употребленій, оныя въ народъ разошлися, нужныя вещи учинились исправлены, и обращеніемъ монеты провинція не токмо учинилась въ состояніи подати заплатить, но еще и благосостояніе свое приумножила. У насъ Царь Борисъ Өедоровичъ Годуновъ, при бывшемъ тогда въ Россіи голодѣ, началъ великія строеніи, и тѣмъ народъ пропиталъ, и между прочими строенія колокольни Ивана Великаго сему есть памятникъ. Желалъ бы я хотя видѣніе сея колокольни и звонъ огромныхъ ея колоколовъ возбудилъ напамятованіе такого мудраго и человѣколюбиваго поступку сего похитителя Россійскаго престола, но достойнаго вѣчныя хвалы за сіе его благотвореніе.

Находятся въ каждой губерніи учрежденные, такъ называемые, Приказы Общественнаго Призрѣнія. Государь въ сіи Приказы лишь небольшія суммы денегъ своихъ положилъ, большая же часть сихъ суммъ составлена изъ подаянія приватныхъ людей. То, кажется, по званію ихъ и по предписанной должности, когда можетъ быть лутче способъ сему Приказу, какъ дѣлать общественное призрѣніе тѣмъ бѣднымъ, которые, оцѣпенѣвши отъ стужи, жалостными воплями милостины просятъ? Деньги въ Приказахъ Общественнаго Призрѣнія всѣ розданы въ процентъ; то я и не говорю, чтобы таперя, при общей нуждѣ, съ жестокостію понуждать возвращать сіи деньги, и новыхъ нищихъ учинить, чтобъ другимъ нищимъ помочь; но для чего бы процентовые деньги не употребить для заведенія какой, хотя ненужной, работы, платя за оную щедро, чтобы симъ способомъ нищихъ и съ ихъ семействами пропитать? Естли нѣтъ на сей случай входящихъ процентныхъ денегъ, то можно бы занять изъ другихъ государственныхъ мѣстъ безъ проценту, а по собраніи проценту оныя заплатить. Ибо, какъ я выше сказалъ, знатныя суммы, положенныя въ Приказы Общественнаго Призрѣнія, суть подаяніе приватныхъ людей, то и самая справедливость не требуетъ ли, чтобъ данныя деньги для благодѣянія сходственно съ намѣреніемъ дателей употребить?

Собираютъ съ дворянъ и со всѣхъ помѣщиковъ ежегодно деньги на починку дорогъ, и дабы не говорить о другихъ мѣстахъ, въ Москов-

ской губерніи берутъ по пяти копѣекъ съ души. Сей зборъ есть необходимо нужной, ибо подлинно нигдѣ уже отъ худыхъ мостовъ проѣзду нѣтъ, и хотя указомъ Ея Императорскаго Величества 1781 года сказано, что на всѣ дороги суммы опредѣлены, но въ самомъ дѣлѣ они такъ малы, что оными ничего исправить не можно. Но естли собираютъ сей зборъ для добра, то есть, для удобности проѣзду, то не лутче ль бы одними суммами два добра здѣлать? Первое, починить, сколько ихъ станетъ, дороги и мосты, а второе, дать пропитаніе нищимъ, посылая ихъ и въ нынѣшнее зимнее время для рубки и вязанія фашиннику, и для рубки лѣсу, на починку дорогъ, съ довольнымъ платежемъ? Пусть лишные на сіе деньги изойдутъ, но сохраненіе людей и оказанное милосердіе не суть ли довольно сильныя притчины для побужденія сіе учинить?

Мнѣ сказывалъ нынѣшній Начальникъ Москвы, Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ, что видя толпы нищихъ, приказалъ онъ Г-ну Оберъ-Полиційімейстеру оныхъ отсылать къ одной Государевой работѣ, гдѣ по 25 копеекъ на день человѣку платится, но что они иные не пошли, а другіе съ той работы збѣжали, говоря, что они милостынею и безъ работы болѣе могутъ приобрѣсти. Весьма вѣроятное сіе есть дѣло и сходственное съ умоначертаніемъ облѣнчивости нашего народа. Но должно ли для того останавливаться дѣлать добро, что злые есть? И усмотря зло, не должно ли стараться его пресѣчь? А сіе при нынѣшней дороговизнѣ хлѣба есть самое зло, когда, надѣясь на подаяніе, происходимое отъ природнаго благосердія Россійскаго народа, не токмо толпы нужныхъ, но и толпы лѣнивцовъ, для полученія милостины, сюда стекутся. Я удивляюся, что сей старый, почтенный добродѣтелію своею, лѣтами, службами и разумомъ мужъ, не примыслилъ для отвращенія сего весьма простой способъ. Сей есть: посылать въ такія работы съ запискою нищихъ, и сіе чинить два раза, а естли они послѣ, имѣя работу, еще публику воплями своими, отъ лѣности происходящими, отягчать станутъ, то оныхъ высылать изъ города; которые же и за сей высылкою паки явятся въ городѣ, таковыхъ брать и опредѣлять на нѣсколько времяни, съ нужнымъ пропитаніемъ, въ Государевы работы на нѣсколько дней. Но для сего надлежитъ, чтобы работы были устроены, и не самовластное бы хотѣніе и не жестокость ихъ выгоняла, но самое доказательство, что лѣность ихъ есть виною ихъ нищетѣ.

Ибо трудно хорошо расположенному сердцу и самое открытое и самовольное преступленіе наказывать, то коль найпаче грѣшно и тягостно бѣдныхъ и томимыхъ гладомъ наказывать за то, что желаютъ жизнь свою и дѣтей своихъ чрезъ благосердіе достаточныхъ продлить. Сей мой предлогъ кажется есть такой, что онъ долженъ быть впечатлѣнъ въ сердцѣ каждаго человѣка, а, однако, и въономъ, взирая на поступки другихъ, я принужденъ усумниться, справедливъ ли онъ, и подлинно ли сердце мое и содроганіе души моей о нещастныхъ мнѣ истинну вѣщаютъ?

Я видѣлъ, я видѣлъ, и сіе есть истинно, въ прошедшемъ году изгнанныхъ изъ Москвы всѣхъ нищихъ, безъ всякаго опредѣленія о ихъ пропитаніи, которое они отъ подаянія Московскихъ жителей получали; и сіе было учинено ради пріѣзду всемилостивѣйшей Государыни, дабы видѣніе толикаго числа числа нищихъ ее не обезпокоило.

Притчина изгнанія сего нищихъ есть несправедлива, и естли бы Монархиня, увѣдавъ сіе, призвавъ, слѣдующее сказала: «Дошло до меня, что, для сохраненія спокойствія моего и дабы не возмутилось мое сердце, видя великое число народа, страждущаго въ нищетѣ, вы нищихъ всѣхъ изгнали изъ сего моего столичнаго града, гдѣ они отъ благодательныхъ согражданъ пропитаніе себѣ получали. Я благодарна вамъ за ваше вниманіе къ моей особѣ; но вижу, что вы любите токмо мою особу, отличая ее отъ сана Императрицы, да и то любите и поступаете такъ, какъ поступаютъ съ младенцами, которыхъ не хотятъ ничемъ огорчить. Вы изгнали множество нищихъ, которые здѣсь пропитаніе находили отъ добросердныхъ гражданъ; но, приложа вниманіе, чемъ же они во время бытности моей въ семъ градѣ могутъ пропитаться? Изгнали ихъ не для ради возвращенія ихъ къ земледѣлію; ибо въ концѣ Іюня мѣсяца, почти есть праздное время и для земледѣлія, да и тощій человѣкъ можетъ ли работать? а приближающійся сѣвъ орженой, которой для нихъ по нуждѣ ихъ не существуетъ; ибо нечѣмъ имъ посѣять, а вы и то отняли у нихъ, что бы кто хотя бы малое что могъ приобрести и посевъ учинить. Вы изгнали ихъ для того, чтобы я ими не была обезпокоена и зрѣніемъ бѣдности не оскорбилась; но можете ли вы увѣрить, чтобы, лишася подаянія, кто изъ нихъ самихъ, или малолѣтныхъ ихъ дѣтей, отъ голоду смерти не претерпѣлъ? За чемъ лишили вы ихъ способу приобрѣсти что хотя малое излиш-

нее, дабы на сіе купить хотя малое число ржи для посѣву къ будущему году, а чрезъ сіе продолжили недостатокъ хлѣба? Наконецъ, чего ради старались вы сокрыти отъ меня тугу моего народа, не дали мнѣ зрить нищету подчиненныхъ подъ скипетръ мой, за жизнь и благосостояніе коихъ должна я предъ Богомъ отвѣтствовать, не дали чювствительному моему сердцу раздѣлить чювствіе нещастій ихъ, и лишили меня удовольствія, приятнѣйшаго каждому, хорошо расположенному, сердцу, а паче Государю, содѣлать имъ благодѣянія и помощь нещастію ихъ? Что скажете вы на сіе?» То я не знаю, что можно бы было на сіе отвѣтствовать.

Притчина самая завела меня говорить пространно о прокормленіи страждущихъ нищихъ. Таперя приступаю говорить о учиненіи вспоможенія Государеву и Банковому кредиту, а самымъ симъ и о уничтоженіи сего разорительнаго торгу, которой нынѣ чрезъ промѣнъ денегъ производится.

Я истинно съ содроганіемъ къ сему приступаю; ибо способы сему помочи кажутся мнѣ быть толь легкіе и только очевидные, что самымъ тѣмъ, что Правительство ихъ не употребляетъ, я, не взирая на чювствіе совѣсти моей, начинаю сумнѣваться въ дѣйствительности ихъ. Но какъ бы то ни было, по Руской пословицѣ: Со вранья пошлины не берутъ, а я удовлетворю расположенію сердца моего, любви къ отечеству и къ моимъ согражданамъ, и оные, какъ они мнѣ впали на мысль, предложу.

Мнѣ кажется, что единый способъ есть возставить банковый кредитъ и прекратить вредной торгъ мѣнялъ, есть пустить довольное число мѣдныхъ денегъ въ народъ и учинить, чтобы банковыя ассигнаціи безъ замедленія промѣниваемы были; тогда и паки они кредитъ свой возобновятъ, и торгъ сей, за неимѣніемъ нужды, никому давать лажь, упадетъ.

А для сего, окромѣ отдаленныхъ способовъ, которыхъ тысечи можно придумать, которые всѣ придутъ поздо, а до пришествія ихъ народъ многое отягченіе почювствуетъ; а что позже они придутъ, то труднѣе будетъ возобновить кредитъ Государственной, ближайшія суть слѣдующія:

I. Извѣстно мнѣ, что въ Камеръ-Коллегіи лежало, помниться мнѣ, до осми сотъ тысечь мѣдныя легковѣсныя монеты, которыя, въ бытность мою въ Коллегіи Президентомъ, отданы въ ассигнаціон-

ный банкъ, а завѣрно знаю, что и въ другихъ мѣстахъ не малое число такой монеты находилось, и слышалъ я, что сей монеты лежитъ въ банкѣ полтора милліона, или болѣе. Монету сію, назнача ей цѣну сходственную съ нынѣшнею мѣдною монетою, выпустить немедленно, и сіе учинитъ не малую подпору банку. Не новое сіе есть; ибо и при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ пятиконеешники мѣдные, сперва въ четыре, потомъ въ три, а наконецъ и въ двѣ копейки, безъ передѣлу ходили.

II. Уставомъ о винѣ повелѣно, чтобы откупщики платили таковыми деньгами, каковые у нихъ въ зборѣ бываютъ. На кабакахъ пьютъ на алтынъ, или на гривну, а никогда не токмо на пятирублевую ассигнацію, но ниже на рубль кто вдругъ выпиваетъ. Сихъ откупныхъ денегъ въ Москвѣ можетъ собраться до милліона двусотъ тысечь рублевъ, слѣдственно, около ста тысечь рублевъ будетъ каждый мѣсяцъ въ подмогу кредиту банковаго мѣдными деньгами; и естли, видя такую тягость народную, по сіе время Казенная Палата съ нихъ мѣдныхъ денегъ не брала, то сіе явно есть, что она имъ потворствовала, и давала имъ способы мѣдныя деньги на ассигнаціи съ прибылью мѣнять, въ противность узаконенія, съ убыткомъ казнѣ и народу, а токмо для прибыли ихъ.

III. Соль такъ же, ежели бы и всѣ кулями покупали, и тутъ нѣтъ такой ассигнаціи, которая бы могла за куль соли быть заплачена; ибо куль соли не болѣе бываетъ, какъ отъ десяти пудъ до двенатцати; пудъ соли стоитъ тритцать пять копеекъ, слѣдственно, и за куль между трехъ рублевъ пятидесяти копеекъ, и четырехъ рублевъ дватцети копеекъ платится; а соль и мало кулями покупаютъ, но берутъ ее пудами, а и погда и фунтами; сихъ денегъ я щитаю, по многонародію Москвы, соберется въ мѣсяцъ до шестидесяти тысечь рублевъ; за чемъ же и ихъ не употребить для подпору кредита банковыхъ ассигнацій?

IV. Тако по моему щету, и конечно я не во многомъ ошибаюсь, приходитъ вдругъ на подкрѣпленіе банка легкої монеты, съ убавкою ее цѣны, слишкомъ милліонъ, да ежемѣсячнаго подкрѣпленія по сту по шестидесяти тысечь; да еще годоваго до сту тысечь. Но кажется мнѣ, и сего еще мало, дабы учинить безтрудное обращеніе мѣдныхъ денегъ въ Москвѣ, и дороговизнь промѣну отмѣнить; то дабы и сему помочь, можно надѣлать до дву милліоновъ рубле-

выхъ ассигнацій, и оныхъ милліонъ въ Москву въ обращеніе пустить, то не имѣя уже какъ на мелкія ассигнаціи дѣлать промѣнъ, и малое число мѣдныхъ денегъ могутъ обращеніе имѣть.

V. Подушныя деньги хотя нѣсколько платятся и ассигнаціями, однако естественно должно и ихъ входить до половины мѣдными деньгами, то, щитая 300 тысечь душъ въ Московской губерніи, учинитъ дѣ 100 тысечь оныхъ входящихъ въ годъ.

VI. Понеже, отъ злоупотребленія ли, отъ нераченія ль, иль отъ безпорядку, промѣнъ въ Банкѣ есть затруднителенъ, или лутче сказать, его почти нѣтъ, то уставить и въ другихъ Присутственныхъ Мѣстахъ промѣнъ, дабы два, или три, мѣста мѣну производили, и народъ бы могъ быть раздѣленъ сходящійся для промѣну денегъ. Не говорю уже я, чего достойны банковые судьи, не говорю за непромѣнъ денегъ, ибо, можетъ статься, и невозможность настоитъ, но за то, что грубой ихъ поступокъ огорчаетъ народъ, и что они, можно сказать, употребляютъ свое искуство не тишину сохранить, но произвести возмущеніе? ибо довольно люди терпятъ, видя кредитъ нарушенной, не имѣя денегъ на раздробительную покупку, платя знатную часть за промѣнъ; за чемъ же къ тому грубости дѣлать? За чемъ собравшіеся народные недовольные толпы у воротъ на холоду держать? За чемъ запирать ворота и часовымъ велѣть отбивать, когда народъ проситъ о исполненіи Монаршаго торжественнаго слова? Возримъ на прежнія времяна. Архіерей Амвросій меньше здѣлалъ, и былъ народомъ убіенъ. А сіи судьи не къ тому ли народъ побуждаютъ? Но я здѣсь не сужу, а токмо самое дѣло предложилъ.

Хотя я здѣсь говорилъ токмо о Москвѣ, но и въ другихъ губерніяхъ, гдѣ нужно, можно тоже подкрѣпленіе кредиту банковыхъ билетовъ учинить. Ибо вездѣ есть откупы за вино, вездѣ соль продается, и вездѣ подушныя деньги плотятъ; а рублевыхъ ассигнацій я нарочно положилъ для Москвы токмо милліонъ, то другой милліонъ можно и въ другія губерніи разослать.

А учиня первое сіе врачеваніе потерянному кредиту, уже можно другіе способы находить, яко: содержаніемъ всегда въ Банкѣ наличныхъ денегъ противу дву третей ходячей монеты, скорѣйшимъ привозомъ битой монеты въ Екатеринбургѣ * умножить оной число,

* Говорю я скорѣйшимъ, ибо естли возмемъ въ разсужденіе, что по потеряніи кредита ассигнацій, ни одинъ мужикъ не беретъ оныхъ, но продаетъ весь свой

дѣлая ее болѣе, иль, естли по щету найдется удобно и безъ убытошно, дѣлая оную и въ другихъ мѣстахъ, такъ же битьемъ изъ хранящагося серебра и золота, серебреной монеты, дабы и оная, весма уменьшившаяся, совсемъ не истребилась, взявъ въ правило, что Государь несть казначей Государственныхъ сокровищъ, но благодѣтель своихъ подданныхъ, а потому, отнимая изъ обращенія серебреную и золотую монету, приключаетъ торговли отягощеніе, и тѣмъ и народу и себѣ напрасные убытки, а пустя сіи металлы въ обращеніе, оживляетъ торговлю и творитъ благодѣяніе народу.

Не упоминаю о другихъ способахъ, о приобрѣтеніи металловъ, ибо, окромѣ, что сіе учинило бы трудъ мой безконеченъ, и не принадлежитъ оно къ моему предмету.

А наконецъ все сіе должно заключить тѣмъ, что Правителствующаго Сената первый Департаментъ, въ вѣдѣніи своемъ въ Московскаго Сената Департаменты, отъ 17 числа Февраля сего года, прописавъ о великомъ взимаемомъ лажѣ и о происходящихъ казнѣ убыткахъ, объясняется, дабы Господа Генералъ-Губернаторы и правящіи ихъ должности старались пресѣчь такое корыстолюбіе въ промѣнѣ монеты, поступая въ томъ съ виновными по силѣ законовъ безъ малѣйшаго послабленія, чрезъ что я щитаю, что сіе и гласитъ равно на пользующихся обстоятелствами для своего корыстолюбія, на не предъупредившихъ начинающееся зло, и наконецъ на подавшихъ притчину къ оному. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, торговцы, воспользующіеся обстоятельствами для своего прибытку, и еще содѣлавшіе, что, по крайней мѣрѣ, хотя за дорогой промѣнъ для раздробительной покупки можно деньги достать, есть менѣе другихъ виновны.

КНЯЗЬ М. М. ЩЕРБАТОВЪ.

товаръ на деньги, то да разсудятъ, сколько въ каждый торговой день должно вытти отъ жителей Москвы денегъ на покупку сѣна, дровъ, тесу и протчаго, и сколько должно заплатить разнымъ работникамъ, которые деньги всѣ изъ Москвы выходятъ, развѣ съ половиннымъ, или двутретнымъ, возвращеніемъ; то сіе еще найвяще уменьшеніемъ монеты угрожаетъ.

Примѣч. сочин.

РАЗМЫШЛЕНІЯ

О УЩЕРБѢ ТОРГОВЛИ, ПРОИСХОДЯЩЕМЪ ВЫХОЖДЕНІЕМЪ ВЕЛИКАГО ЧИСЛА КУПЦОВЪ ВЪ ДВОРЯНѢ И ВЪ ОФИЦЕРЫ.

Не могу я безъ удивленія видѣть ощутительное противурѣчіе въ поступкахъ правительства отечества моего. Можетъ статься, нигдѣ видимаго такого стремленія не показуютъ къ размноженію торговли, нигдѣ столько не тщатся разными узаконеніями ее утвердить, но нигдѣ же столько ее и не подрываютъ, какъ у насъ.

Кто взглянетъ на сочиненное учрежденіе о плаваніи по рѣкамъ, о порядкѣ, какимъ образомъ должно храниться отъ пожару на биржи, и о привалѣ и отвалѣ судовъ съ пенькою, на данныя знатныя суммы Россійскому купечеству для размноженія торгу, на безпрерывное пребываніе Коммиссіи о коммерціи, не скажетъ ли, что въ такой странѣ, гдѣ толико о торговлѣ помышляютъ, оная должна процвѣтать, и вскорѣ давать вѣсъ всей Европейской торговлѣ? Кто жъ поприлежнѣе вникнетъ въ ее обстоятельствы, тотъ увидитъ, что она упадаетъ, и часъ отъ часу упадать должна.

Нещетное множество есть вещей, которыя, яко малые источники воды, ее подкапываютъ, которыхъ бы описаніе и разсмотрѣніе великаго сочиненія требовало; и такъ, оставя оные, сокращуся я на единомъ изъ главнѣйшихъ источниковъ, которой силою своею сіе, еще нестройное, зданіе, долженъ разрушить, и привести насъ, въ разсужденіи торговли, подъ власть тѣмъ націямъ, гдѣ меньше о тор-

говлѣ пишутъ, но болѣе исполняютъ, и гдѣ честь торговца состоитъ въ его доброй вѣрѣ, пространствѣ торгу и капиталѣ, а не въ чинахъ.

Чины, говорю, есть язва, которая, заразивъ Россійскихъ купцовъ вреднымъ и обществу и имъ самимъ безуміемъ, совершенно разоряетъ Россійскую торговлю.

Я не думаю, чтобы кто не согласился на сіи истинны, что количество капиталовъ и кредитъ суть главные основаніи торговли. А можетъ ли оно тутъ быть, гдѣ ежедневно больше капиталы изъ обращенія торговли выходятъ? и можетъ ли тутъ быть кредитъ, гдѣ корреспондентъ, получа письмо отъ Россійскаго купца, въ отвѣтѣ своемъ долженъ усумниться, къ купцу ли, къ дворянину, или къ офицеру, оноі дойдетъ. Надежда каждагэ купца, входящаго въ богатство, быть вскорѣ офицеромъ, или дворяниномъ, дѣлаетъ, что онъ торгъ, яко мимоходящее состояніе почитаетъ, и потому не тщится всѣхъ нужныхъ качествъ и знаній купцу приобрѣсти, а симъ часто, не достигши своего предмета, и самъ разоряется.

Коль ни ясны суть сіи предположеніи, но я потщуся ихъ болѣе еще утвердить, какъ доказательствами, такъ и примѣрами. И, первое, начну говорить о вышедшихъ капиталахъ изъ торговли.

Естли мы разсмотримъ капиталы купцовъ, продающихъ товары при портахъ и покупающихъ оные, то ясно увидимъ, что у купечества нашего нѣтъ довольно капиталовъ, дабы своими собственными деньгами торгъ сей производить. Доказательство сему есть то, что на всѣ отпускаемые товары впередъ знатныя суммы забираютъ, и всѣ товары привозимые на кредитъ покупаютъ.

Мнѣ, можетъ быть, скажутъ на сіе, что сіе самое составляетъ кредитъ, но я въ семъ согласиться не могу. Ибо кредитъ есть отпущеніе съ платежемъ въ срокъ товаровъ, а не взятье третной, или половинной, суммы въ задатокъ; потому что кто отпускаетъ свои товары въ долгъ на срокъ, хотя беретъ ростъ, но ростъ располагаетъ такой, каковой прилично положить на товары, то есть, щитая, что они у него могли залежаться, и щитая, что и самыми векселями, данными за товары, онъ можетъ торговать; но кто даетъ деньги впередъ, тотъ щитаетъ, что деньги, не могущія у него залежаться, изъ обращенія выходятъ, и можетъ по самой перемѣнѣ курсу потерять, и тако все сіе кладетъ на щетъ, а потому и даетъ

ихъ впередъ, щитая великіе проценты. Что же касается до товаровъ, взятыхъ на кредитъ, то и оные на два рода должно различить. Выписыванные изъ чюжихъ краевъ съ платежемъ въ сроки, могутъ прямо кредитомъ почитаться, какъ я и выше сего изъяснилъ; но привезенные къ портамъ, гдѣ должны они или продаться, или промѣняться и составить новое обращеніе, несть полезной кредитъ купечеству; ибо и за сей кредитъ всегда гораздо лишніе проценты берутъ, а таковой кредитъ, и найпаче у насъ во употребленіи, и ежели разсмотримъ, какъ еще за оные деньги выплачиваются, каждую субботу чюжестранные купцы ходятъ въ Петербургѣ по Гостиному двору, собирая сколько можно, за проданные товары, съ ихъ должниковъ.

Все сіе вышеписанное я предложилъ, что Россійское купечество не имѣетъ довольно капиталовъ, чтобъ непосредственно собою, безъ займа денегъ у чюжестранныхъ, торгъ выпускомъ товаровъ производить, и само правительство опредѣленіемъ знатнаго числа денегъ для раздачи купцамъ съ умѣренными процентами, истинну сію признало. А потому, естли правительство раздачею Коронныхъ денегъ тщится умножить капиталъ, обращающійся въ торгу, то за чемъ же другимъ образомъ тщится его убавлять и приводить въ оскудѣніе Россійскую торговлю?

Я паки подтверждаю, что Правительство само убавляетъ число денегъ, обращающееся въ торговлѣ, ибо давая безъ разбору дворянство и чины, всѣ таковыхъ капиталы изъ общей суммы торговли выходятъ. Не малую бы можно было написать тетрадь имянъ тѣхъ богатѣйшихъ въ Россіи купцовъ, которые съ большими капиталами вышли изъ торговли; но какъ ни списка такого я не имѣю, ни всѣхъ упамятовать не могу, ниже подлинно знаю о числѣ ихъ капиталовъ, то имена тѣхъ, которыхъ я помню, и сколько подлинно слыхалъ я, что они имѣютъ капитала, здѣсь упомяну. Иванъ Лазаревичъ **Лазаревъ**, Арменинъ, капиталу тогда имѣлъ до 500,000 рублевъ, пожалованъ въ дворяне, а потомъ нигдѣ не служа и богатяся самъ токмо переводомъ денегъ, пожалованъ въ Совѣтники. **Логиновъ**, бывшій Московской и Петербургской откупщикъ, пожалованъ въ штапъ-офицеры; капиталъ его состоялъ до милліона. **Барышниковъ**, бывшій откупщикъ Московской, онаго имѣлъ до милліону; **Лукинъ**, бывшій откупщикъ Московской, онаго имѣлъ болѣе 500,000; **Мѣщаниновъ** онаго имѣетъ до 500,000; **Хлѣбниковъ** до

500,000; Гусятниковы, пошедшіе въ службу, до 400,000; Кузмы Матвѣева дѣти, по крайней мѣрѣ до 500,000; Зубковъ, Московской купецъ, до 400,000. Се есть весма малое число, о которыхъ я помянулъ; но и тутъ могу безъ ошибки сказать, что сихъ капиталовъ, выбывшихъ изъ торговли, состоитъ 4,800,000; а естли всѣхъ счесть, то, по крайней мѣрѣ, будетъ такого вышедшаго изъ торгу капиталу болѣе десяти милліоновъ, и не щитая множества заводчиковъ и ихъ дѣтей, яко Турченинова, Походяшина и протчихъ, которые чины офицерскіе получили, отъ заводовъ своихъ отстали, и капиталы, которые бы принуждены были употребить въ торги, отъ оныхъ отвратили.

Довольно кажется и сего уже вреда государству, что толь великія капиталы вышли изъ торговаго обращенія. Разсмотримъ и другіе вреды, которые сіе злоупотребленіе чиновъ производитъ. Въ разсужденіи торговли, первое, что чюжестранные купцы, зная, коль легко въ Россіи изъ купцовъ въ дворяне перепрыгнуть, удерживаютъ своимъ кредитомъ, а безъ кредиту торговля быть не можетъ. Второе, самые купцы поставя себѣ таперь въ предметъ разбогатѣть, для того, чтобы дворянство, или чинъ офицерской, пріобрѣсти, торговое свое состояніе мимоходящимъ почитаютъ, не стараются ни сами въ опасные торги вступать, ни дѣтей своихъ торгу изучать, но кидаются токмо въ откупы и въ подряды, окрадывая елико можно казну, а не производя никакого чюжестраннаго торгу. Третіе, выходя изъ купечества, не престаютъ въ откупы вступать, а тѣмъ и остальныхъ подрываютъ. Четвертое, городы не токмо въ лутчее состояніе приходятъ, но паче ослабѣваютъ за недостаткомъ купечества, а которое остается, то вящую тягость должно нести, не зря убавки расходовъ и службъ, а имѣя умаленіе капиталовъ и людей. И пятое, служба претерпѣваетъ и чины уподляются, а служащій корпусъ дворянской огорчается, видя, что сіи, не служа прежде, знатные чины не по старшинству получили и несутъ уже воздаяніе службы, когда тогда вся тягость службы, да и съ закосненіемъ, на нихъ однихъ упадаетъ.

Каждый неослѣпленный прибыткомъ человѣкъ, которые такихъ людей производятъ, думаю, признается въ истиннѣ предложеній моихъ. Но я болѣе поступлю, и хочю доказать, что сіе есть родъ безумія, [illegible]женной съ лѣностію, которое побуждаетъ купцовъ дворянскаго состоянія искать. Ибо что они тѣмъ выигрываютъ? Еди-

ное имя, позволеніе имѣть деревни и ношеніе шпаги. Потому что естли прямо разсмотрѣть, то Россійской дворянинъ никакихъ, окромѣ сего, правъ не имѣетъ. Что же чрезъ сіе теряютъ? Теряютъ прибыльной себѣ торгъ, дабы подвергнуться всѣмъ должнымъ издержкамъ дворянину; лишаются спокойнаго житія, дабы всѣ тягости самимъ и дѣтямъ ихъ дворянскаго и офицерскаго состоянія понести. Ибо могутъ ли они подумать, что получа ихъ пронсками, или деньгами, не служа отечеству, таковые достоинствы, и дѣти бы ихъ въ вѣчные роды могли правами дворянъ пользоваться, не неся тягости дворянской? Чинятся они злодѣями своего исчадія, ибо въ грубости рожденныя и худо воспитанныя ихъ дѣти, не должную умѣренность, ощастливливающую всѣ состоянія людскія, въ предметъ себѣ имѣютъ, но пышность и роскошь, дабы равными себя старымъ дворянемъ показать; да и подлинно имѣютъ нѣкоторую причину, ибо чюствуютъ низкость своего прежняго состоянія, не достоинствами и трудами дошедшія отцы ихъ до чину дворянства, примѣра имъ добродѣтели къ подражанію не представляютъ, а естественная гордость влечетъ ихъ сравняться съ старыми дворянами. Чѣмъ же они хотятъ сравняться? Роскошемъ и пышностію. Не привыкши къ умѣренности, вскорѣ неправо нажитые отцами имѣнія расточаютъ, и впадая въ бѣдность, тѣмъ презрительнѣе становятся, что по состоянію своему лишались способу искуствомъ себѣ помочь учинить, а въ бѣдности и отъ знатныхъ родовъ помочи себѣ не находятъ. Не можно много примѣровъ сему слѣдствію ихъ поступка предложить, ибо злоупотребленіе сіе толь не давно учинилось, что еще дѣйствіе не имѣло времяни воспослѣдовать; однако и три примѣра довольны, чаю, будутъ для показанія сей истинны. Алексѣй Затрапезной, сынъ Ивана Затрапезнаго, при возвращеніи своемъ изъ чюжихъ краи, получилъ наличными деньгами болѣе 300,000 рублевъ, что тогда составляло болѣе, нежели почти нынѣ милліонъ, да фабрику полотняную, дающую ему болѣе 50,000 доходу. Менѣе десяти лѣтъ деньги прожилъ, фабрику продалъ и промоталъ, и наконецъ самъ въ молодыхъ лѣтахъ, не успѣвши дойти до нищеты, уже обѣднялый умеръ. Евреиновъ былъ богатый купецъ, зналъ торговлю, былъ консулемъ, но сталъ добиваться въ чины, оные и ленту получилъ, но въ неоплатимыхъ долгахъ Коронѣ и чюжестраннымъ умеръ. Роговиковы, коихъ отецъ былъ кресьянинъ села Николы въ Ростовскомъ уѣздѣ, Князь Михайла Михайловича Голицына. Сей, вошедши въ откупы, разбогатѣлъ, умеръ, оставя по себѣ до 500,000 капиталу. Дѣти его были

посланы учиться торговли въ чужіи краи, въ чемъ и предъуспѣли, но возвратясь, жегомы честолюбіемъ, стали офицеры, торговлю бросили и нынѣ разоряются. Такая судьба и всѣмъ другимъ, симъ новопожалованнымъ, дворянемъ и офицерамъ грозитъ. Недостойны они сожалѣнія, ибо безуміемъ отцовъ ихъ и ихъ самихъ къ тому доведены, но сожалѣтельно, что отъ сего государство претерпѣваетъ.

Чтобъ кратко заключить, возримъ мы на нашихъ купцовъ: они похожи на листья древесныя, которые и отъ жару, и отъ вѣтра, и отъ осени обваливаются. Журавлевы, Истомины, Лузины, Затрапезные упали, а Пелсы въ Голандіи уже многіе роды пребываютъ.

Не могу окончить сего сочиненія, чтобы не обратить рѣчъ мою къ вамъ, помощники, милосердые ли, или корыстолюбивые безуміемъ купецкимъ. Ужъ ли ли, бывъ возведенны на степени возмочь дѣлать благодѣянія людемъ, не размыслили вы о всемъ вредѣ, которой ваше снисхожденіе симъ дѣлаетъ? Иль родясь, живши, получа достоинствы и награжденіи отъ отечества, жадная ваша душа еще неудовольствована, дабы не продавать за малое число денегъ благо государства? Се по незнанію судя, должна единая изъ сихъ двухъ притчина побужденіемъ вашей склонности производить купцовъ, то по каждому сему побужденію изыщите, какихъ достойны вы наимянованій?

КНЯЗЬ М. М. ЩЕРБАТОВЪ.

